

**ИЗВЕСТИЯ
ИРКУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Серия «История»

2021

Том 38

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 3

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Дамешек Л. М., Мамкина И. Н.

Государственная гражданская служба в Сибири: закон и практика
(XVIII – начало XX в.) 4

Курас Л. В.

Российская империя как фактор регионального порядка в Восточной Азии
в конце XIX – начале XX в. 21

Кальмина Л. В.

Евреи в самодержавной России: на пути к статусу «имперской нации» 28

Дамешек И. Л., Санников А. П.

Архиепископ Ириней и генерал-губернатор Лавинский: противостояние
светской и духовной властей 36

Шаламов В. А.

Система управления медицинскими учреждениями Российской империи
конца XIX – начала XX в. (на примере Восточной Сибири) 52

Кушнарева М. Д.

Роль торговых обычаев в правовом регулировании пушной торговли
в Российской империи (по материалам Северо-Восточной Сибири во второй
половине XIX – начале XX в.) 65

Санкин Е. В., Зиновьев В. П.

Государственное регулирование рыболовства в России в XIX – начале XX в. 72

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Иванов А. Ю.

Политика российских властей в отношении корейских мигрантов на Дальний
Восток России во второй половине XIX в. 86

Бурдин Е. С.

Оформление правового положения корейских мигрантов в России в XIX в. 95

Дацьшен В. Г.

Корейцы в Красной армии. К проблеме русско-корейских взаимоотношений
в Советском Союзе 102

РЕЦЕНЗИИ

Казарин В. Н.

Государственная власть, оппозиция и социальные движения в России
имперского периода в освещении журналом «Сибирские огни» 1920-х гг. 111

THE BULLETIN OF IRKUTSK STATE UNIVERSITY

Series History

2021

Volume 38

CONTENTS

Editor's note 3

RUSSIAN HISTORY

Dameshek L. M., Mamkina I. N.

State Civil Service in Siberia: Law and Practice (18th – Early 20th Century) 4

Kuras L. V.

The Russian Empire as a Factor of Regional Order in East Asia at the End of 19th –
Beginning 20th Century 21

Kalmina L. V.

Jews in Autocratic Russia: Aiming at the Imperial Nation Status 28

Dameshek I. L., Sannikov A. P.

Archbishop Irinej and Governor-General Lawinski: The Path to Confrontation
between the Secular and Spiritual Authorities 36

Shalamov V. A.

The Management System of Medical Institutions of the Russian Empire of the Late
19th – Early 20th Century (on the Example of Eastern Siberia) 52

Kushnareva M. D.

The Role of Trade Customs in the Legal Regulation of the Fur Trade in the Russian
Empire (Based on Materials from North-Eastern Siberia in the Second Half of the
19th – Early 20th Century) 65

Sankin E. V., Zinoviev V. P.

State Regulation of Fishing in Russia in the 19th – Early 20th Century 72

WORLD HISTORY

Ivanov A. Yu.

The Policy of the Russian Authorities in Relation to Korean Migrants to the Russian
Far East in the Second Half of the 19th Century 86

Burdin E. S.

Registration of the Legal Status of Korean Migrants in Russia in the 80s 19th Century . 95

Datsyshen V. G.

Koreans in the Red Army. On the Problem of Russian-Korean Relations in the Soviet
Union 102

REVIEW

Kazarin V. N.

The Government, Opposition and Social Movements in Russia of the Imperial Period
According to the Sibirskiye Ogni Magazine of the 1920s 111

ОТ РЕДАКТОРА / EDITOR'S NOTE

Уважаемые читатели! Заканчивается 2021 г., который принес историческому сообществу России немало значимых событий, связанных со знаменательными датами отечественной истории. Бесспорно, одним из наиболее важных является 300-летие со времени образования Российской империи, сыгравшей ключевую роль в мировой истории, в становлении отечественной экономики и науки, распространении культуры, а также оказавшей серьезное влияние на развитие регионов, вошедших в ее состав.

Именно поэтому уходящий год ознаменовался проведением целого ряда различных научных и общественно-политических мероприятий, в том числе с участием зарубежных коллег: конференций, круглых столов, чтений, в ходе которых обсуждались различные вопросы истории императорской России, исторические особенности развития присоединенных территорий в составе России. Именно этим сюжетам посвящен раздел «Отечественная история» настоящего выпуска.

Отдельным блоком (в разделе «Всемирная история») представлена тематическая подборка из трех статей, посвященных изучению истории Кореи, подготовленная по материалам докладов конференции «Россия и Корея: взгляд из Сибири – 2021» (9–10 октября 2021 г., г. Иркутск, ИГУ). Конференция была организована Центром корейских исследований ИГУ при поддержке Корейского фонда (Korea Foundation). Авторы статей – представители университетских и академических центров Хабаровска и Красноярска – раскрывают проблемы взаимоотношений русских и корейцев на российском Дальнем Востоке на рубеже XIX и XX вв. В двух работах в фокусе внимания исследователей оказались вопросы обустройства корейских переселенцев на российском Дальнем Востоке в конце XIX в., в то время как в другой рассматриваются проблемы русско-корейских взаимоотношений в Красной армии во второй половине 1920-х гг. Несмотря на разброс как по хронологии, так и по географии авторов, данные работы в области корееведения представляют существенный интерес для специалистов в области востоковедения, а также для всех интересующихся историей России и стран Дальнего Востока.

По традиции в журнале представлена широкая географическая палитра наших авторов – от Томска до Дальнего Востока. Все материалы выпуска прошли необходимое рецензирование и рекомендованы к печати.

Доктор исторических наук, профессор Л. М. Дамешек
Doctor of Sciences (History), Professor L. M. Dameshek

УДК 35.08(571.5)(091)

<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.4>

Государственная гражданская служба в Сибири: закон и практика (XVIII – начало XX в.)

Л. М. Дамешек

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

И. Н. Мамкина

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

Аннотация. На основе нормативных актов и делопроизводственных материалов архивов рассматриваются особенности становления и развития государственной гражданской службы в Сибири в эпоху империи, подчеркивается связь этого процесса с изменением административного устройства региона, глубины инкорпорации Сибири в Россию, влияние на него окраинной политики государства в целом. Дается анализ сословного состава ряда групп сибирского чиновничества, его образовательного уровня, материального положения.

Ключевые слова: Россия, империя, окраины, Сибирь, государственная служба, законы, реализация, преимущества, особенности.

Для цитирования: Дамешек Л. М., Мамкина И. Н. Государственная гражданская служба в Сибири: закон и практика (XVIII – начало XX в.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2021. Т. 38. С. 4–20. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.4>

Формирование и развитие основ государственной гражданской службы в Сибири шло параллельно с процессом административного и экономического закрепления новых территорий и народов Зауральского края Российской империей. На протяжении XVII и XVIII вв. по мере установления новых географических границ, появления административных центров и усложнения политических задач по инкорпорации региона в Россию наблюдается эволюция системы управления краем от воеводской (XVII в.) до губернской и наместнической XVIII в. Усложнение административного устройства Сибири требовало кадровой обеспеченности. Проблема привлечения среднего и мелкого чиновничества наиболее остро проявилась уже после принятия Учреждения о губерниях. Позднее власти официально вынуждены были признать, что вплоть до екатерининского времени «не было обращено внимания на недостаток чиновников. Все места положены были в том же избытке, как и в прочих губерниях, хотя не было почти никакой надежды их наполнить, не

только исправными, но даже и посредственными чиновниками»¹. Проблема обеспечения государственных учреждений грамотными чиновниками в Сибири стояла крайне остро. Отсутствие дворянства, необходимых образовательных учреждений, сословные ограничения по приему на государственную гражданскую службу обусловили необходимость отступления от общеимперских норм, регулирующих порядок организации государственной службы. Только в конце XVIII в. в имперском законодательстве формируются региональные особенности, выразившиеся в принятии специальных норм.

Правовые основы государственной гражданской службы в Сибири начинают формироваться в эпоху императора Павла I. В 1798 г. власти принимают один из первых документов, закрепляющих льготы за чиновниками, служащими в отдаленных местностях империи: «Чиновников желающих служить в присутственных местах Иркутской губернии определять с награждением чинов, доставлять им для проезда туда казенные прогоны»². Этим же указом чиновникам, служащим на Камчатке, был увеличен оклад в два раза. Не меняя правовых основ прохождения государственной службы, правительство закрепляло нормы стимулирующего характера для чиновников, проходящих службу в отдаленных местах империи. На практике это привело к мошенничеству, когда чиновники, получив назначение, к месту службы не являлись. Для предупреждения подобных случаев в июне 1878 г. по предложению генерал-прокурора князя А. Б. Куракина Сенат закрепил правило обязательного опубликования сведений о чиновниках, получивших назначение на государственную службу, в том числе и в Сибирь [1]. Спустя несколько лет к уклоняющимся от службы чиновникам начали применять уголовные наказания. Причиной принятия этой нормы стала неявка к месту службы коллежского секретаря Быкова, коллежских регистраторов П. Дубровского и Е. Афанасьева, получивших назначение в Томск. По ходатайству томских властей было принято решение «всех уклоняющихся от службы чиновников, особенно тех, кто получил прогоны на проезд – предавать суду Уголовной расправы» [1, с. 1–22]. Однако решению кадровой проблемы в Сибири принятые нововведения не способствовали. Именно поэтому в январе 1801 г. Павел I распорядился о принудительном назначении в канцелярские служители 70 человек из детей священников и церковнослужителей, «обученных грамоте». В 1811 г. контроль проезда чиновников до места службы в Сибирь вменен в обязанности департаменту герольдии и полиции.

В правление Александра I вопрос об административном устройстве возник вновь. Для проектирования административных реформ в Сибирь с ревизией был отправлен Иван Осипович Селифонтов. Представляет интерес особая инструкция, данная Селифонтову для поездки в Сибирь. По сути, в ней содержалось прямое указание на необходимость особого законодательства в связи с «несообразностью... с правами и понятиями обывателей» Губерн-

¹ Обзорение главных оснований местного государственного управления Сибири. СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. ЕИВ канцелярии, 1841. С. 63.

² ПСЗПИ. Собрание I. Т. 25. Ст. 18450.

ского положения [1, с. 1–22]. Одно из поручений И. О. Селифонтову затрагивало кадровую проблему и заключалось в том, чтобы «...обратить неотлагательное внимание на приведение чиновников в исправное и точное отправление их должностей, на искоренение всяких между ними личностей и ссор» [Там же].

Результатом ревизии стало очередное преобразование Сибири. На восстановленную должность генерал-губернатора получил назначение И. О. Селифонтов. В 1803 г. учреждено областное правление на Камчатке и предварительное управление в Охотске. В дальнейшем по инициативе И. О. Селифонтова была выделена Томская область, сформированы губернские правительств, уезды разделены на комиссарства, восстановлены совестные суды. По мнению ряда исследователей, некоторые земские суды сталкивались с проблемами при управлении отдельными частями уездов [5, с. 30–32]. В связи с данными обстоятельствами для усиления контроля учреждена должность земского частного комиссара, представлявшая сугубо сибирскую специфику управления.

В 1812 г. вступило в действие особенное положение для Камчатки и Охотского порта. Новое штатное расписание управления Камчаткой включало должности начальника, помощника начальника, секретаря, объездного комиссара, трех писарей, двух лекарей, трех лекарских помощников. Для всех камчатских служащих сохранялся двойной размер ежемесячного жалованья. При назначении на должность чиновник получал очередное повышение в чине без выслуги лет, проездные по новому чину и половину годового оклада без обязательств. Служащим разрешалась закупка дорогостоящего провианта по государственной закупочной цене. По выслуге пяти лет чиновник получал проездные на обратный путь и полугодовой оклад жалованья. Начальник Камчатки имел право претендовать на пожизненную пенсию в размере половины оклада от получаемого жалованья, помощник – пожизненную пенсию в размере 600 руб. Комиссар, секретарь, лекарь и его помощники, отслужив десять лет, имели право на пожизненную пенсию в размере половины оклада месячного жалованья [1]. Получение пенсии зависело от мнения властей «при удовлетворении вполне требованиям правительства», т. е. одним из ключевых критериев при назначении пенсии было субъективное мнение начальства.

Обратим внимание на особый статус лекарей в Сибири. Лекари относились к государственным гражданским служащим и пользовались всеми положенными привилегиями сибирской службы. В частности, без выслуги лет получали чин титулярного советника с обязательством прослужить в крае шесть лет. В 1804 г. из-за острого недостатка медиков генерал-губернатор просил разрешения у Сената допустить к практике «лекарей из ссыльнопоселенцев», в частности осужденного за получение взятки «при рекрутских наборах» бывшего лекаря М. Семчевского, выходца из Вологодской губернии. Частное разрешение в последующем стало нормой для Сибири, с 1814 г. власти разрешили принимать «на казенную службу во всех сибирских губерниях» сосланных туда на поселение врачей, но без права проводить медицинское освидетельствование.

В 1810 г. генерал-губернатор И. Б. Пестель отмечал: «Служба в Сибири имела мало привлекательности и... вакансии невозможно было замещать достойными чиновниками» [1, с. 1–22]. Многие чиновники, получившие сибирские проездные, годовые оклады, невзирая на грозящее наказание, продолжали уклоняться от службы. В 1815 г. впервые чиновниками и канцелярским служащим стали выдавать положенный годовой оклад только по прибытии в Сибирь, при вступлении в должность.

Отметим, что все административные изменения сопровождались утверждением новых штатных расписаний, которые, как правило, влекли изменения численности администрации. Российские власти столкнулись с проблемой обеспечения увеличивающегося сибирского административного аппарата. Вводимые в действие штаты подразумевали увеличение численности чиновников не только высшей администрации, которая назначалась лично императором, но и мелкого и среднего чиновничества. И если обеспечение кадрами Тобольска или Иркутска было еще под силу властям, то найти желающих служить в Охотском порту или на Камчатке было чрезвычайно сложно. Суровые климатические условия, отсутствие каких-либо коммуникаций, ассоциация края с местом каторги и ссылки не делали службу на восточной окраине привлекательной.

В условиях слабой интегрированности Сибири в общероссийское административное и социокультурное пространство, незначительного количества русского населения, безусловно, требования к сибирской администрации отличались своей спецификой. Доверие властей, личная преданность, следование принципам имперского управления лежали в основе назначения высшей сибирской администрации. Отказаться от выраженного императором доверия было невозможно, что определило решение кадрового вопроса на высшем уровне. Отметим, что в связи с назначением на должность лично императором правовой статус генерал-губернаторов не был четко установлен. Каждый вновь назначенный генерал-губернатор в зависимости от политической ситуации получал указания лично от императора. Сфера его компетенции также определялась политической составляющей. Если в XVII в. о дипломатических функциях администрации Сибири фактически не говорили, то в XIX столетии наделение генерал-губернаторов внешнеполитическими полномочиями потребовало введения должностей дипломатических чиновников и дипломатической канцелярии в Иркутске.

Губернаторская власть носила личный характер, не имея под собой четкого правового основания. Правовой пробел порождал злоупотребление властью и многочисленные жалобы населения, уверенного в неведении правительства о ситуации в крае. Жалоба воспринималась как единственно доступный способ защиты от произвола. В начале XIX в. назрела острая необходимость в создании правовой базы управления Сибирью с учетом ее специфики.

Принятое Учреждение по управлению Сибири являлось принципиальной правовой основой регулирования жизни региона, в том числе и государственной службы. Учреждение закрепляло порядок определения, увольнения, наград и взысканий чиновников, а также особые преимущества по

службе в Сибири. Устанавливалось преимущественное право сибирских чиновников на повышение в должности при открытии вакансий с учетом чина служащего. В случае отсутствия желающих получить повышение из числа сослуживцев власти рассматривали кандидатуры сторонних соискателей из смежных сибирских губерний или областей.

Впервые Учреждение вводило доплату (пансион) за десятилетнюю службу в Сибири. За каждое десятилетие назначался пансион в размере одной трети оклада. По выслуге 30 лет чиновник получал пансион в полном объеме вместе с жалованьем.

Таким образом, в первой четверти XIX в. в имперском законодательстве о государственной гражданской службе появляются нормы, закрепляющие ряд материальных и служебных льгот чиновникам, служащим на окраинах империи. Нормы не имели какой-либо систематизации, представляли собой совокупность разновременных актов и в конечном итоге нуждались в упорядочении.

30 марта 1832 г. именной указ Сенату закрепил Правила прохождения гражданской службы на Кавказе, Грузии, Закавказских провинциях, Сибири и Олонецкой губернии³. Правила являлись первой инкорпорацией актов о государственной службе на окраинах империи. В результате обобщения правового материала нормы, регулирующие государственную службу в отдаленных местностях, были унифицированы.

При назначении на службу в отдаленные сибирские окраины чиновники, занимающие служебное положение до чина коллежского советника, повышались по службе на один чин. За внеочередное повышение служащий обязывался отслужить в Сибири три года. При переводе из одной отдаленной области в другую и при повторном назначении правило не действовало. Дополнительно выплачивались «третье жалование не в зачет» и проездные. Назначение служащих дворян в чины выше коллежского советника проводилось на общих основаниях без изменений в соответствии с указами «О правилах производства в Статские чины» от 1790 г. и «О производстве дворян в чины» от 9 декабря 1799 г.⁴ Для лиц недворянского положения срок выслуги для получения чина титулярного советника и коллежского асессора сокращался с двенадцати до шести лет. Для канцелярских служащих срок выслуги до первого классного чина сокращался наполовину. Чиновники, начиная с начальника стола, по выслуге десяти лет в Сибири получали право на пенсию в размере трети жалованья, по выслуге двадцати лет – половины жалованья, тридцати – в полном размере. Чиновники, продолжившие службу в Сибири после пенсии, получали пенсию «сверх жалования» в полном объеме⁵.

В 1835 г. власти приняли еще одно положение «О преимуществах службы в губерниях и областях Сибирских, в Грузии и областях Кавказской и Закавказских», которое инкорпорировало все имеющиеся документы по преимуществам государственной службы в отдаленных местностях и вступало в действие с 1 января 1836 г. Принципиально новых правил положение

³ ПСЗРИ. Собрание II. Т. 7. № 5267.

⁴ ПСЗРИ. Собрание I. Т. 23, № 16930; Т. 25, № 19219.

⁵ ПСЗРИ Собрание II. Т. 10. № 1864.

не вводило. Изменения касались сроков обязательной службы и материальных льгот. Расширилось представительство чиновников за счет включения в их перечень медицинских работников. Чиновники, получившие назначение в Сибирь, единовременно получали годовое жалованье и удвоенный размер проездных средств с обязательством прослужить в крае не менее года. При переводе в отдаленную местность классные чиновники получали повышение на один чин, срок службы до получения первого офицерского чина сокращался для канцелярских служащих в два раза⁶. Сократились сроки получения доплаты за службу в Сибири с десяти до пяти лет. Чиновник получал доплату в размере четверти оклада за одно пятилетие. Каждое последующее пятилетие доплата увеличивалась на четверть и могла составлять полный оклад. За 25 лет службы полагался полный двойной оклад. Треть оклада назначалась при выходе на пенсию после 15 лет службы в Сибири, за 20 лет – половина, за 30 – полный оклад. Срок службы определялся из расчета семи лет за пять прослуженных в Сибири

После десяти лет службы чиновники по сокращенным срокам представления могли претендовать на государственные награды. Сохраняло юридическую силу положение, устанавливающее право на получение пустопорожных земель за десятилетнюю службу в Сибири, Грузии и на Кавказе по ходатайству начальства. Принимая во внимание отсутствие частновладельческих дворянских земель в Сибири, отметим декларативность данной нормы для сибирских чиновников.

В 1838 г. вводится в действие положение «О доставлении чиновникам, в отдаленных местах служащим, способов к воспитанию детей их»⁷. Для обучения в гимназии детей чиновников дополнительно выделялось 20 казенно-коштных мест в Иркутской губернской гимназии. Наиболее способный выпускник гимназии получал право поступления в Казанский университет. Выпускники гимназии или университета, получившие образование за казенный счет, обязывались прослужить в Сибири шесть лет. Если выпускник получал образование за казенный счет и в гимназии, и в университете, то срок его сибирской службы составлял восемь лет.

Отметим, что в сибирских гимназиях в учебную программу специально вводились две новые дисциплины – «российское законоведение» и «судопроизводство». Выпускники гимназий принимались на службу в 14-классный чин без установленной выслуги. Таким образом власти пытались обеспечить край мелким чиновничеством. Однако попытка не увенчалась успехом. Гимназии страдали отсутствием преподавателей общих учебных предметов, не говоря уже о специальных. Количество учащихся в гимназиях было ничтожным по сравнению с потребностью огромного региона. Так, в 1831/32 учебном году в Иркутской гимназии, обеспечивающей потребности Восточной Сибири в чиновниках, во всех классах обучалось всего 57 человек⁸. Доля окончивших гимназию учащихся была невысока и составляла не более 10 %

⁶ ПСЗРИ Собрание II. Т. 10. № 1864.

⁷ ПСЗРИ. Собрание II. Т. 12. № 10408.

⁸ РГИА. Ф.733. Оп. 83. Д. 38. Л. 11.

от поступивших в первый класс. Зачастую гимназисты, получив элементарное образование, начинали работать и отчислялись из гимназии.

Количество учебных заведений было незначительным. В 1857 г. во всей Сибири действовало всего три гимназии, 21 уездное училище, 54 приходские школы, где в совокупности обучалось 4177 человек⁹. Поскольку доля выпускников не превышала 10 % от общего числа обучающихся, удовлетворить потребности региона собственными средствами было невозможно. Вместе с тем на неоднократные ходатайства властей об открытии новых гимназий либо уездных училищ, выпускники которых по закону имели бы право претендовать на должность мелкого чиновника, оставались без удовлетворения. В Восточной Сибири до революции 1917 г. было лишь три государственных гимназии классического типа – в Иркутске, Красноярске и Чите. Местные власти совместно с общественностью выходили из положения, открывая параллельные классы [7].

К середине XIX в. ситуация с кадровым обеспечением государственной службы в Сибири постепенно начала выравниваться. Действующие льготы для чиновников привлекали соискателей государственной службы из различных уголков России. Многие решались на самостоятельный переезд в Сибирь в поисках места службы. 9 июня 1842 г. именным указом Правительствующему сенату утверждалось очередное Положение о преимуществах службы в отдаленных и малонаселенных краях империи. Указ дан в связи с «отдаленностью и местным неудобством жизни в губерниях и областях Сибирских, а также в губерниях Астраханской, Олонецкой, Оренбургской и Вятской, а также областях Кавказской и уездах Вологодской... и Архангельской губерний...». Положение устанавливало порядок назначения чиновников в отдаленные области исключительно по согласованию с губернаторами или по их требованию. Отправляющиеся в отдаленные области чиновники по собственному желанию лишались права на преимущества и льготы. Перевод чиновников в смежные области не предполагал получения преимуществ за исключением перевода из Западной Сибири в Восточную по прошествии пятилетней службы. Можно сказать, что данное положение впервые ввело ограничение на государственную службу на окраинах.

Появление ограничений объясняется расширением социальной базы среднего и мелкого чиновничества. К службе в отдаленных областях с 1842 г. допускались представители городских сословий при наличии аттестата гимназии или семинарии. Общими преимуществами допускалось присвоение первого классного чина спустя восемь лет «беспорочной выслуги в одном ведомстве» в пределах одной губернии. Ходатайство о переводе на разные должности по собственному желанию не допускалось. Малейшее замечание по службе лишало чиновника права на получение чина по выслуге лет и откладывалось на неопределенный срок, «доколе совершенно не исправятся и не загладят вины своей примерным усердным и добрым поведением»¹⁰. В случае злостных нарушений чиновника из городского сословия отдавали на

⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 117. Д. 52. Л. 73.

¹⁰ ПСЗРИ. Собрание II. Т. 27, № 15731.

военную службу или поселение. Повторная приписка к городским сословиям не допускалась. Получив первый классный чин, служащий наделялся правом на все преимущества службы в отдаленных краях. Отметим, что нормы о допуске к государственной службе представителей городских сословий распространялись как на уроженцев отдаленных областей, так и на выходцев из Центральной России. Расходы до места службы оплачивались «прогонными деньгами».

Особенные преимущества закреплялись за чиновниками, прибывшими из центральных (внутренних) областей России. По объему особых преимуществ российские окраины делились на шесть разрядов. К первому относились Сибирь и Кавказ, ко второму – Астраханская губерния, к третьему – Оренбургская и Олонекская губернии, к четвертому – Вятская. Пятый составлял ряд уездов Вологодской губернии, шестой – три уезда Архангельской губернии. Всем без исключения чиновникам, направляющимся в Сибирь и на Кавказ, выдавались средства на «подъем и обзаведение»¹¹. Подъемные деньги в размере годового оклада будущей должности выплачивались чиновнику, определенному к службе по предварительному назначению. Годовой оклад прежней должности выплачивался без предварительного назначения. По чинам в сравнении с военными выплачивался годовой оклад чиновникам без предварительного назначения на должность и при отсутствии прежнего места службы, например, чиновникам, возвращающимся к службе из отставки.

Проездные средства классным чиновникам выплачивались в двойном размере. Канцелярским служащим и впервые назначенным на службу определялось денежное пособие в 100 рублей и прогонные средства на две лошади.

Получившие средства чиновники обязывались прослужить в Сибири или на Кавказе не менее трех лет, в противном случае полученные средства взыскивались в казну в полном объеме. Срок выслуги для получения следующего чина сокращался в два раза. Чиновники получали доплату – четверть оклада на первое пятилетие службы. Выплаты всех последующих пятилетий увеличивались на четверть. По выслуге 20 лет чиновник получал сибирские выплаты в размере полного оклада. Под окладом понимали только жалованье, все остальные доплаты не учитывались.

Впервые в Положении 1842 г. закреплялись нормы социального характера. Государство оплачивало неженатым чиновникам и канцелярским служащим лечение в госпитале или больнице Приказа общественного призрения, если его жалованье было менее 300 рублей. Женатые пользовались бесплатным лечением независимо от размеров жалованья. Медицинская льгота предусматривалась служащим – уроженцам края и прибывшим из России без исключения. Сохранялись льготы по обучению детей чиновников. В Казанском и Харьковском университетах было увеличено число казенных стипендий для детей чиновников. Выпускники, получившие образование за казенный счет в гимназии и Казанском университете, обязывались отработать в Сибири восемь лет, только в университете – шесть лет. Выпускники при

¹¹ ПСЗРИ. Собрание II. Т. 17, № 15731.

назначении на службу в Сибирь получали дополнительные денежные выплаты, составляющие треть будущего жалованья, либо сумму, не превышающую 100 рублей.

Чиновники Сибири и Кавказа имели право на сокращенные сроки для получения орденов. Срок службы три года в Сибири приравнялся к четырем в Европейской России. Сокращался срок пенсионной выслуги.

Сравнивая нормы Положения 1842 г. с документами предыдущих лет, отметим, что Положение 1842 г., безусловно, расширило социальную базу чиновников, допустив к службе представителей городского сословия. Одновременно с относительной либеральностью документа в нем присутствует ряд ограничений для того же городского сословия. Горожане, поступая на службу, попадали в неравное положение с остальными чиновниками. Положение предусматривало для таких служащих более длительные сроки выслуги для получения классного чина и довольно жесткое наказание за служебное несоответствие. Причем степень несоответствия законодательно не регулировалась и зависела от усмотрения начальства.

Юридическое закрепление новых территорий на Дальнем Востоке и их административное оформление обусловили обновление законодательства о государственной службе в отдаленных местностях. В 1886 г. правительство принимает ряд нормативных актов, установивших особые условия службы в отдаленных регионах империи. С учетом геополитических особенностей к ним были отнесены районы со сложными климатическими условиями и особым географическим положением. Закрепленные в законодательстве льготы получили название особых и наибольших преимуществ. Особым преимуществом пользовались служащие Приамурского, Иркутского, Степного, Туркестанского генерал-губернаторств, Тобольской и Томской губерний, Уральской и Тургайской областей и др.¹²

К регионам с наибольшими преимуществами были причислены Сахалинская область; в Камчатской области – Петропавловский, Гижигинский, Охотский уезды; Николаевский округ в Приморской области. Также наибольшими преимуществами пользовались государственные служащие Якутской области, Туруханского края Енисейской губернии, Березовского и Сургутского уездов Тобольской губернии, Александровского, Кемского, Мезенского и Печорского уездов Архангельской губернии.

В связи с политическими моментами список областей с особыми преимуществами дополнялся. В 1899 г. наибольшими преимуществами пользовались офицерские и классные чины, служившие в Квантунской области. Административные преобразования, следовавшие в начале XX в. на Дальнем Востоке, существенно не отразились на реализации закона об особых преимуществах службы во вновь образованных областях и уездах.

В областях с наибольшим преимуществом (Якутия и Туруханский край) льготы закреплялись за всеми госслужащими без исключения. В остальных

¹² СЗРИ. Устав о службе гражданской. Т. 3. Кн. 3. Ст. 1.

областях Сибири – только за чиновниками, начиная с IX классного чина (титularный советник), включая женщин и законоучителей, работающих в средних учебных заведениях. Преимущества не распространялись на государственных служащих, переведенных властями из смежных областей и районов, не признанных отдаленными, а также лиц, прибывших по собственному желанию. Исключение составляли Забайкальская область и указанные уезды Приамурского генерал-губернаторства, где положения закона сохраняли свое действие. В случае если чиновник являлся уроженцем отдаленной области, но не имел высшего образования, льготы исключались из его содержания. Еще одним отступлением стало то, что лица, не имевшие на момент принятия закона 13 июня 1886 г. 10-летнего стажа сибирской службы, особыми преимуществами не пользовались.

Списки должностей, на которые распространялись особые преимущества службы, составлялись и обновлялись по каждому ведомству отдельно. Особые преимущества представляли: «...1) прогонные деньги в усиленном размере; 2) пособия на подъем и обзаведение; 3) прибавки к жалованию; 4) пособия по выслуге десятилетий; 5) пособия на воспитание детей; 6) отпуска на льготных основаниях; 7) преимущества пенсионные; 8) пособия семьям лиц, умерших на службе» [10, с. 912]. Служащим Верхоянского и Колымского округов Якутской области, Приморской и Амурской областей и острова Сахалин дополнительно полагался бесплатный продуктовый паек.

«Усиленный размер прогонных денег» для выезжающих на службу в Иркутское генерал-губернаторство выражался в получении полуторной стоимости проезда в отдаленные местности и двойной в области с наибольшим преимуществом. Чиновник, следующий от Иркутска к месту службы в отдаленной местности и обратно, получал продовольствие на время следования в пути. Удвоенный размер прогонных денег полагался командируемым в Приморскую и Амурскую области, Туркестанский край и другие области, отдаленные от почтовых трактов. Прогонные деньги генерал-губернаторам и военным губернаторам выдавались по чинам. Якутские чиновники получали по особому положению. Длительность командировки в Сибири нередко превышала установленный трехмесячный срок.

Чиновник, следующий на службу в области с особыми преимуществами, получал пособие на «подъем и обзаведение» в размере полугодового оклада будущего жалованья для семейных, для неженатых – 1/3. Сумма увеличивалась в два раза, если чиновник получал распределение в области с наибольшими преимуществами¹³. Половина пособия выдавалась перед отъездом, оставшаяся часть – по прибытии. Чиновники, получившие проездные деньги и единовременное пособие, обязывались в течение трех лет проработать на новой должности, в противном случае деньги взыскивались обратно из будущей пенсии или содержания по службе.

¹³ СЗРИ. Устав о службе гражданской. Т. 3. Кн. 3. Ст. 9.

При повторном назначении на службу в отдаленный край после трехлетнего перерыва в службе средства на проезд и обзаведение выплачивались по согласованию с министерством и государственным контролером.

Прибавки к жалованью чиновники получали за добросовестную службу в течение пяти лет. По сравнению с предыдущими положениями количество пятилетий сократилось и определялось законом. Так, в Якутии и Туруханском крае засчитывалось три, в Иркутском и Приамурском генерал-губернаторствах – два. За каждое пятилетие полагалась доплата из расчета 25 % от жалованья. Каждая прибавка начислялась по текущему максимальному жалованью, в случае его увеличения во втором пятилетии пересчитывалась доплата первого, в случае уменьшения – доплата за первое сохранялась в прежнем объеме. Аналогичный расчет действовал и при начислении третьей доплаты.

Каждые десять лет чиновники Приамурского генерал-губернаторства и Забайкальской области получали единовременное пособие в размере «полutorных прогонов по классу занимаемой ими должности до места, из которого они первоначально были переведены на службу в отдаленные районы»¹⁴.

Нормы, регулирующие обучение детей, были дополнены новыми положениями. Дети сибирских чиновников, окончив Иркутскую, Красноярскую или Читинскую гимназии, дополнительно получали 60 руб. единовременного пособия из казны. Служащим, прослужившим не менее двух лет в Якутии и Туруханском крае, дополнительно оплачивался проезд каждого ребенка с девяти лет при поступлении в ближайшее учебное заведение. Детям, получавшим домашнее образование, до 13 лет полагалось пособие в размере 100 руб. в год и 150 руб. до 18 лет. При отсутствии бесплатных мест в учебном заведении государство ежегодно выплачивало учащемуся в университете 360 руб., 240 руб. – в средней, 120 – в начальной школе. Выплаты не прекращались в случае тяжелого заболевания родителя либо его смерти.

Чиновники, служившие в Приамурском генерал-губернаторстве и Забайкальской области, имели право на отпуск с сохранением содержания до шести месяцев, в остальных областях Сибири и Дальнего Востока до четырех. Отметим, что с не приступившего к обязанностям по месту службы чиновника взыскивались выплаченные отпускные в размере оклада содержания до четырех месяцев.

При назначении пенсии учитывалось место службы. В Якутии и Туруханском крае два дня службы засчитывались за три, размер пенсии повышался на три разряда. Служащим Приамурского генерал-губернаторства Забайкальской области и ряда областей Туркестана три дня службы засчитывали за четыре, размер пенсии повышался на два разряда. В остальных областях и губерниях восточной окраины три дня службы считались за четыре, но без повышения размера пенсии¹⁵.

Пенсия врачей, наблюдающих больных в лепрозориях, расположенных в Якутской области и Иркутской губернии, исчислялась из расчета один год выслуги за три. Льготное исчисление пенсии допускалось только при сроке

¹⁴ СЗРИ. Устав о службе гражданской. Т. 3. Кн. 3. Ст. 27.

¹⁵ Там же. Ст. 34.

службы в отдаленных местностях не менее десяти лет. Сокращенный срок службы не распространялся на учебное ведомство.

Для чиновников, служащих в Амурской, Приамурской областях и на острове Сахалин, в 1909 г. установлены Временные правила об особых пенсиях независимо от действующих норм общероссийского Устава о пенсиях и Положения об особых преимуществах службы. В правилах оговаривался их временный характер, но начавшаяся война, а позднее революция не ограничили их действие.

В соответствии с Временными правилами чиновники имели право на получение особой пенсии, прослужив десять или пятнадцать лет. За десятилетнюю службу чиновник получал в день выслуги пенсию в размере $1/8$, за пятнадцатилетнюю службу – $1/4$ от получаемого содержания. Правила имели обратную силу и распространяли действие «к тем лицам, поступившим на службу в упомянутой местности до их обнародования»¹⁶. Более того, время со дня публикации Положения об особых преимуществах службы и Временных правил об особых пенсиях засчитывалось в срок выслуги из расчета двух дней за один¹⁷.

Принятая программа особых преимуществ создала материальные условия для разрешения проблемы кадрового обеспечения. Однако государство ограничивало число лиц, имеющих право на получение льгот, закрепляя приоритет за чиновниками, прибывшими из Европейской России.

Основная часть восточносибирского чиновничества сосредоточилась в административных центрах губерний и округов. По данным В. В. Воробьева, чиновничество Иркутска составляло 11,8 % от населения города, «многочисленной и влиятельной» группой населения являлось читинское чиновничество [2, с. 49]. А. А. Кауфман называл хабаровское общество начала XX в. как «общество офицеров и чиновников...» [6, с. 108]. Определение точного числа государственных гражданских служащих в Сибири затруднено требованиями к оформлению делопроизводственной документации в дореволюционной России. Как правило, статистические данные о чиновниках и дворянах заносились в одну графу. Если в Европейской России эти цифры, по сути, были тождественными, так как на службу принимали преимущественно дворян, то это правило в Сибири не работало. Как уже ранее подчеркивалось, на государственную службу в Сибири допускались выходцы из недворянских сословий. Кроме того, число сибирских служащих зачастую изменялось в связи с ротацией чиновников, прибытием новых служащих, изменением штатного расписания.

По данным А. В. Ремнева, в 1866 г. в Восточной Сибири служило 1355 чиновников, имеющих классный чин, в 1884 г. – 1771 [9, с. 229]. Принимая во внимание огромные пространства административно-территориальных единиц, отметим, что увеличение числа чиновников на 416 человек (23 %) за 18 лет выглядит совсем незначительным и однозначно не соотносится с современной динамикой.

¹⁶ СЗРИ. Устав о службе гражданской. Т. 3. Кн. 3. Прил. к ст. 34. П.5

¹⁷ Там же. П.5

Об уровне образования восточносибирских чиновников можно судить на основании сохранившихся архивных данных. В 1853 г. из 49 чиновников Главного управления Восточной Сибири (ГУВС) высшее образование имели 11 служащих, в 1857 г. 13 являлись выпускниками вузов из 45 чиновников ГУВС. Большинство из них – приезжие из центральной части России¹⁸.

В 1876 г. ГУВС по распоряжению генерал-губернатора П. А. Фредерикса проведен сбор сведений об образовательном уровне чиновников. В данные включены сведения о чиновниках ГУВС, его отделений и других учреждений, расположенных в Иркутске. В результате установлено, что члены Совета ГУВС не имели высшего образования, из шести человек четверо получили среднее (вероятно, гимназическое), один – домашнее и один – начальное. Из 71 служащего ГУВС десять имели высшее образование, 32 – среднее, 21 – начальное и восемь – домашнее¹⁹. Большинство восточносибирских чиновников имело только среднее образование, что объясняется отсутствием университета в Восточной Сибири. Количество казенных мест для сибирских студентов в Казанском университете было ограничено и не могло удовлетворить потребность в высшем образовании всех соискателей. Позволить высшее образование за плату могли не все сибиряки, но и выпускники не стремились на гражданскую службу. Служба в губернском центре обуславливала более высокие требования к соискателям места по сравнению с окружными населенными пунктами. Уровень образования окружных чиновников был гораздо ниже.

Чиновники Восточной Сибири имели разнородный социальный состав. Так, П. П. Сукачев, действительный статский советник, начальник 1-го отделения ГУВС, – по происхождению сын священника; вице-губернатор Забайкальской области, коллежский советник А. Д. Лохвицкий – из дворян; енисейский гражданский прокурор, статский советник В. С. Долгушин происходил из крестьян.

Материальное положение сибирского чиновничества складывалось из содержания, включавшего жалованье, квартирные выплаты, столовые, разъездные и другие, предусмотренные законом доплаты. Содержание было основным источником дохода. Штатное расписание 1874 г. устанавливало жалованье губернаторам в размере 4 тыс. руб. в год, чиновники ГУВС получали 2687 руб., максимальное содержание среднего чиновника в некоторых случаях достигало 2000 руб. в год. Жалованье генерал-губернатора в разы превосходило содержание чиновников. Так, генерал-губернатор Восточной Сибири граф А. П. Игнатьев из известного рода государственных деятелей Игнатьевых получал содержание в размере 19 тыс. руб. в год. Военный губернатор Забайкальской области получал 8 тыс. руб. в год.

На фоне относительного благополучия высшей администрации материальное положение канцелярских служащих было нищенским. Годовое жалованье канцелярского служащего составляло в среднем 150–200 руб. В соответствии с нормативным положением жалованье не должно было быть

¹⁸ ГАИО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5. К. 1143, 1144. Д. 12.

¹⁹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 180. Л. 129–135.

меньше 120 руб.²⁰ Иногда в уездных городках жалование канцелярского служащего оплачивалось из городских доходов. Следует признать, что ввиду дороговизны товаров, сурового сибирского климата материальное положение мелкого чиновничества было тяжелым.

Енисейский гражданский губернатор П. Н. Замятин обращал внимание на бедственное положение чиновничества, в отчете 1863 г. он указывал на «стесненное положение» чиновников в губернии²¹. Известный экономист и публицист А. А. Кауфман отмечал в своем сочинении, опубликованном в 1905 г., что «...большинство чиновников не сводит концы с концами» [6, с. 25].

Проблема недостаточного содержания чиновников на восточной окраине обсуждалась правительством с завидной регулярностью. Власти принимали решения о дополнительных льготах, повышении окладов для приамурских областей в 1,5 раза, об узаконении особых преимуществ службы в отдаленных местностях, но это не устраняло проблему. Выход из бедственного положения чиновники зачастую видели в так называемых темных поборах. По мнению современников, именно мизерное жалование чиновников было основной причиной поборов и казнокрадства.

На фоне казнокрадства и прочих нарушений складывалось нелицеприятное мнение о сибирских чиновниках. Так, исследователь Якутии, политический ссыльный И. И. Гамов писал, что в Восточную Сибирь приезжают служить «...самые плохие чиновники, отовсюду прогнанные или прокутившиеся в метрополии авантюристы» [4, с. 106–107]. Г. Н. Потанин в переписке с Н. М. Ядринцевым отмечал, что «Сибирь получает брак во всех отношениях...» [8, с. 176]. Ю. А. Гагемейстер считал, что из-за недостатка средств чиновники стремились вернуться обратно во внутренние губернии России [3, с. 121–122].

Резюмируя сказанное, можно заключить, что закон о государственной гражданской службе и его практическая реализация в Сибири имеют определенные отличия. Испытывая острый недостаток в квалифицированных кадрах, правительство допускало отступления от общеимперских норм, закрепляя отступления в специальных актах. По мнению властей, материальное стимулирование и повышение по службе являлось действенным механизмом преодоления недостатка в кадрах. Правительство стремилось создать надежную опору в лице чиновничества, воспитанного в традициях русского православия, самодержавия и народности, что составляло суть русского присутствия в Азиатской России. Посредством установления особых преимуществ службы служба в Сибири выглядела более привлекательной. Но, как показывает практика, сибирская служба привлекала не самых лучших представителей государственных служащих. Невысокий уровень образования, социальная пестрота, низкий уровень дохода, широкие властные полномочия не улучшали качественные характеристики чиновников. Нередко властные пол-

²⁰ ПСЗРИ. Собрание II. Т. 2. Ст. 31222.

²¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 183. К. 1741. Л. 42–42 об.

номочия отдельного чиновника не встречали адекватного надзора и ограничения. В итоге полномочия отдельных должностных лиц выходили за рамки определенных законом.

На фоне определенных недостатков приезжих чиновников отметим, что правительство сознательно ограничивало допуск к государственным должностям сибирских уроженцев. Совершенно четко прослеживаются нормы ограничительного характера относительно местного населения. Также наблюдается высокая степень зависимости мелкого и среднего чиновничества из городских сословий от усмотрения начальства. Имея право на получение первого классного чина спустя восемь лет службы, немногие канцелярские служители его получали в срок. Всегда находился недовольный службой чиновника начальник, что ставило крест на его дальнейшем карьерном росте. В целом политика правительства по отношению к сибирскому чиновничеству основывалась на стремлении привлечь и удержать его на службе при помощи различного рода льгот и привилегий, как показывает практика, не всегда эффективных. При отсутствии дворянства приезжие сибирские чиновники занимали специфическое, по сравнению со служащими внутренних губерний, положение.

Список литературы

1. *Андреевич В. К.* Сибирь в XIX столетии с 1796–1806 гг. Ч. 1. СПб. : тип В. В. Комарова, 1889. 298 с.
2. *Воробьев В. В.* Города южной части Восточной Сибири (историко-географические очерки). Иркутск : Кн. изд-во, 1959. 147 с.
3. *Гагемейстер Ю. А.* Статистическое обозрение Сибири. СПб. : Тип. II Отд. собств. ее имп. велич. канцелярии, 1854. Ч. 1. 359 с.
4. *Гамов И. И.* Очерки далекой Сибири. Гомель : Я. Г. Сыркин, 1894. 117 с.
5. *Гергулев Д. Н., Дуреева Н. С.* Особенности административно-территориального положения в России в начале XIX века (на примере Сибири) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 30–32.
6. *Кауфман А. А.* По новым местам (очерки и путевые заметки). 1901–1903. СПб. : Общественная польза, 1905. 368 с.
7. *Мамкина И. Н.* Развитие систему общего образования в Восточной Сибири в условиях модернизации (1864–1917 гг.). Чита : ЗабГУ, 2016. 318 с.
8. Письма Г. Н. Потанина. Т. 1 / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Иркутск : Иркут. гос. ун-т им. А. А. Жданова. Лаб. истории и этнографии, 1987. 198 с.
9. *Ремнев А. В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX века. Омск : ОмГУ, 1997. 252 с.
10. *Фальборк Г. А., Чарнолуцкий В. И.* Настольная книга по народному образованию. СПб. : Знание, 1901. Т. 2. 1539–2623 с.

State Civil Service in Siberia: Law and Practice (18th – Early 20th Century)

L. M. Dameshek

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

I. N. Mamkina

Transbaikal State University, Chita, Russian Federation

Abstract. The article examines the peculiarities of the formation and development of the state civil service in Siberia in the Russian Empire on the basis of normative acts and archives records. The authors emphasize the connection of this process with the change in the administrative structure of the region, the level of the incorporation of Siberia into Russia, the influence of the state regional policy on the process. The class stratification analysis of some groups of the Siberian bureaucracy, its educational level, and financial situation is given.

Keywords: Russia, Empire, suburbs, Siberia, civil service, laws, implementation, privileges, features.

For citation: Dameshek L. M., Mamkina I. N. State Civil Service in Siberia: Law and Practice (18th– Early 20th Century). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2021, vol. 38, pp. 4-20. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.4> (in Russian)

References

1. Andreevich V.K. *Sibir v XIX stoletii s 1796-1806 gg. CH. I.* [Siberia in the XIX century from 1796-1806. Part 1]. Saint Petersburg, V.V. Komarov Publ., 1889, 298 p. (in Russian)
2. Vorob'ev V.V. *Goroda yuzhnoj chasti Vostochnoj Sibiri (istoriko-geograficheskie ocherki)* [Cities of the southern part of Eastern Siberia (historical and geographical essays)]. Irkutsk, Knizhnoe izdatelstvo Publ., 1959, 147 p. (in Russian)
3. Gagemejster Yu.A. *Statisticheskoe obozrenie Sibiri* [Statistical review of Siberia]. Saint Petersburg, Tip. II Otd. sobs. ee imp. velich. kancelarii, 1854, part 1, 359 p.
4. Gamov I.I. *Ocherki dalekoj Sibiri* [Essays of distant Siberia]. Gomel, YA.G. Syrkin Publ., 1894, 117 p. (in Russian)
5. Gergilev D.N., Dureeva N.S. Osobennosti administrativno-territorialnogo polozheniya v Rossii v nachale XIX veka (na primere Sibiri) [Features of the administrative-territorial situation in Russia at the beginning of the XIX century (on the example of Siberia)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kemerovo State University], 2017, no. 2, pp. 30-32. (in Russian)
6. Kaufman A.A. *Po novym mestam (ocherki i putevye zametki) 1901-1903* [On new places (essays and travel notes). 1901–1903]. Saint Petersburg, Obshchestvennaya polza Publ., 1905, 368 p. (in Russian)
7. Mamkina I.N. *Razvitie sistemu obshchego obrazovaniya v Vostochnoj Sibiri v usloviyah modernizacii (1864-1917 gg.)* [Development of the system of general education in Eastern Siberia in the conditions of modernization (1864-1917)]. Chita, Transbaikal State Univ. Publ., 2016, 318 p. (in Russian)
8. *Pisma G.N. Potanina. T. I.* [Letters of G.N. Potanin. Vol. 1]. Irkutsk, Irkutsk State Univ. Publ., 1987, 198 p. (in Russian)
9. Remnev A.V. *Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaya politika vtoroj poloviny 19 – nachala 20 vekov* [Autocracy and Siberia. Administrative policy of the second half of the 19 – early 20 centuries]. Omsk, Omsk State Univ. Publ., 1997, 252 p. (in Russian)
10. Fal'bork G.A., Charnoluskij V.I. *Nastolnaya kniga po narodnomu obrazovaniyu* [Desktop book on public education]. Saint Petersburg, Znanie Publ., 1901, vol. 2, pp. 1539-2623. (in Russian)

Дамешек Лев Михайлович

доктор исторических наук, профессор,
заведующий, кафедра истории России
Иркутский государственный
университет
Россия, 664003, г. Иркутск,
ул. К. Маркса, 1
e-mail: levdameshek@gmail.com

Dameshek Lev Mikhailovich

Doctor of Sciences (History), Professor,
Head, Department of History of Russia of
Historical Faculty
Irkutsk State University,
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian
Federation
e-mail: levdameshek@gmail.com

Мамкина Инна Николаевна

доктор исторических наук, заведующая,
кафедра теории государства и права
Забайкальский государственный
университет,
664082, г. Чита, ул. Чкалова, 140
e-mail: mail@zabgu.ru

Mamkina Inna Nikolayevna

Doctor of Sciences (History), Head,
Department of Theory of State and Law
Transbaikalian State University
140, Chkalov st., Chita, 664082, Russian
Federation
e-mail: mail@zabgu.ru

УДК 353(47):5(091)

<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.21>

Российская империя как фактор регионального порядка в Восточной Азии в конце XIX – начале XX в.¹

Л. В. Курас

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация. Дается современное понимание категории «империя», раскрывается суть интеграции периферийных регионов в состав Российского государства как формы реализации доктрины окраинной политики государства. Подчеркивается, что экстраполяция этого сценария в политике империи в Восточной Азии на рубеже XIX–XX вв. стала реальным примером использования Россией маньчжурского территориального фактора в своей дальневосточной политике. Делается вывод, что феномен империи стал фактором регионального порядка и гарантом стабильности в регионе.

Ключевые слова: Российская империя, окраинная политика, Восточная Азия, Китай.

Для цитирования: Курас Л. В. Российская империя как фактор регионального порядка в Восточной Азии в конце XIX – начале XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2021. Т. 38. С. 21–27. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.21>

Вслед за отходом татарских тревог
– Это Русь пошла на восток.
Велимир Хлебников

Поводом для написания настоящей статьи стало по крайней мере три обстоятельства. Во-первых, интервью еженедельнику «Аргументы и факты» доктора исторических наук, начальника Информационно-аналитического управления внешней разведки КГБ СССР, генерал-лейтенанта в отставке Н. С. Леонова о современном состоянии Дальнего Востока России. Он с болью говорит о том, что экономика региона «давно ориентируется на Японию, Китай, Южную Корею», где «ось грузопотоков давно смещена в Азию, а центральная часть России зияет пустотой» [10]. Во-вторых, приближается историческая дата – 300-летие образования Российской империи, в связи с чем вновь возникла дискуссия об уровне развития России в начале XX в. Тем более что для советских ученых 1913 г. – год юбилея дома Романовых – был базовым для сравнения успехов имперской России начала века с развитием советской экономики и оценки достижений реального социализма [6], тогда как современная российская экономика полагает ненужным сравнивать развитие отраслей с достижениями вековой давности. В-третьих, современное

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства», № 121031000241-1).

поколение испытывает острые переживания по поводу распада СССР (Советской империи), а также мучительные вопросы о будущем России и ее месте в мировой истории. Поэтому обращение к истории нужно не любопытства ради, а для понимания прошлого и осмысления настоящего. В этой связи проблема империи занимает особое место в современной российской историографии [13], и потому представляется небезынтересным обращение к истории Российской империи образца рубежа XIX–XX вв. и ее окраинной политике как фактору стабильности [5]. В этом плане особый интерес представляет анализ взаимоотношений Российской империи с империей Цин [12], а фактически политики Российской империи в Восточной Азии.

Начать наше исследование следует с понятия «империя» как характеристики всей полноты власти. В современной историографии делается попытка раскрыть понятие «империя» как «надэтническое, наднациональное государственное образование, организованное на принципах некоторых высших начал, более значимых, чем просто общность происхождения». Она «объединена высшей идеей так или иначе понятного Абсолюта, а потому имперская идея чужда расизму, национализму, разделению “коренного” и “иностранного” населения» [13, с. 3]. То есть империя – это фактор стабильности всей империи и каждого ее региона вне зависимости от его географии. Именно поэтому для формирования регионального порядка, т. е. «географии власти» [18], Российская империя в течение XIX в. уделяла основное внимание интеграции периферийных регионов в состав Российской империи. При этом «для выработки доктрины окраинной политики, – подчеркивают Л. М. Дамешек и И. Л. Дамешек, – правительство пыталось руководствоваться тремя принципами: увеличение налоговых поступлений, удобство управления и безопасность границ» [5, с. 24]. Однако царское правительство прекрасно осознавало, что для формирования этих регионов чрезвычайно важным было определение не только внутренних, но и внешних границ. Не случайно последователи Н. Н. Муравьева-Амурского, окрыленные успехами великого реформатора, всерьез обдумывали идею смещения стратегических центров. Именно поэтому, подчеркивает профессор А. В. Ремнев, «поиск управленческого центра на Дальнем Востоке не завершился и на рубеже XIX–XX веков. Хабаровск и Владивосток намеревались оставить уже ради Порт-Артура или Харбина» [14, с. 173].

Именно в этой связи и в связи с поставленной проблемой мы акцентируем внимание на маньчжурском территориальном факторе, ставшем в конце XIX в. узлом международных противоречий, который получил в современной историографии оценку по следующим параметрам: 1) политико-административное; 2) военно-стратегическое; 3) социально-экономическое значение [12, с. 109]. Кроме того, регион имел особое значение как прародина династии Цин и выполнял важную «трансфертную» функцию в ходе взаимодействия с Российской империей.

Мы уже писали о том, что имперская Россия рассматривала Китай как одно из важнейших направлений своих внешнеполитических действий [7].

Идея «распространения влияния на Китай» в противовес усилению там позиций Британской империи была развернута переводчиком российского посольства в Пекине, титулярным советником А. Ф. Поповым в «Записке о Китайских делах» еще в 1862 г. [9]. В дальнейшем при формировании своей восточной политики Российская империя все время держала в уме Китай, видя в нем и торгового партнера, и возможного противника в будущих военных действиях [16]. Даже при планировании проведения Транссиба Комитет Сибирской железной дороги считал «вполне своевременным всестороннее ознакомление с условиями нашей торговли на крайнем Востоке», выражая уверенность, что магистраль сделает Китай более доступным «как для сбыта отечественных продуктов, так и для вывоза к нам... предметов его производства». По мнению Комитета, выразившего имперские позиции России, открытие русским купцам китайских городов и гаваней для свободной торговли было бы выгодно в первую очередь Китаю, поскольку это будет содействовать развитию и укреплению взаимных торговых связей «между двумя величайшими странами мира, границы коих соприкасаются на протяжении многих тысяч верст» [7, с. 17].

Кроме того, к концу XIX в. имевшиеся трансграничные эмиграционные потоки и колониальная конкуренция Британской, Германской, Российской и Японской империй за Маньчжурию, а также активное перемещение иностранных капиталов, изменения культурного ландшафта заставляли российскую императорскую власть по-новому взглянуть на возможности расширения собственных территорий и задачу защиты своих границ от нежелательных сил.

В современной историографии в истории взаимодействия императорской России и императорского Китая выделяется две концепции – трансграничье [11] и приграничье [18].

Трансграничье – это регион, в котором на протяжении нескольких веков формировалась граница между двумя и более государствами, велась активная межкультурная коммуникация между различными народами, происходил процесс культурной гибридизации. Процесс культурной гибридизации – это процесс смешивания, сочетания различных культур, зачастую диаметрально противоположных, в результате которого происходит образование культурной гибридности как следствия взаимовлияния различных культур, что возникает в результате перемещения этноса на новую для них территорию, т. е. в пространство чужой цивилизации [1].

Приграничные же территории – это территории, прилегающие к государственной границе, выполняющие особые приграничные функции и обладающие в связи с этим специфическими особенностями. Современная историография к этим особенностям относит: а) отчужденные приграничные территории; б) сосуществующие приграничные территории; в) взаимозависимые приграничные территории; г) интегрированные приграничные территории [2].

На рубеже XIX–XX вв. для дальневосточной политики России было характерно активное продвижение империи в Китай: строительство Транссибирской железной дороги и КВЖД, аренда незамерзающих портов, создание банковской системы, наличие политического проекта «Желтороссия» «по созданию буферной колонии в русско-китайском трансграничье» [19]. Но в

условиях Российской империи Маньчжурия стала и пограничным, и трансграничным пространством между Китаем и Россией, располагаясь рядом с Забайкальем, Приамурьем и Приморьем.

Продвижению России на восток предшествовала японо-китайской война 1894–1895 гг. Итогом войны стало поражение Китая и Симоносекский договор от 17 апреля 1895 г., по которому Японии отходили остров Тайвань (Формоза), архипелаг Пэнху (Пескадорские острова), а также южная часть Ляодунского полуострова, включая порты Далянь и Люйшунь (Порт-Артур) [4]. И лишь «тройственная интервенция» России, Франции и Германии не позволили Японии осуществить задуманное. В этом процессе Российская империя сыграла не последнюю роль, когда перед лицом японской угрозы в мае 1896 г. был подписан русско-китайский союзный договор, предусматривавший совместный отпор на случай агрессивных действий Японии. Тем самым на не продолжительное время именно Российская империя стала гарантом территориальной целостности цинского Китая. Но через три года после заключения Симоносекского договора Россия получила Порт-Артур в концессию на 25 лет и начала строительство железной дороги, поставив тем самым под контроль всю Восточную Маньчжурию вплоть до Харбина, т. е. территорию, которую Япония считала сферой своего влияния. Одновременно с этим Германская империя арендовала Циндао, а Британская империя – Вэйхайвэй. Это привело к охлаждению в отношениях между цинским Китаем и романовской Россией, усилению территориальных претензий Японии, европейских государств и США, что сыграло ключевую роль в последующей Русско-японской войне 1904–1905 гг. Этой войне предшествовало «боксерское» восстание 1898–1901 гг. в Китае, ставшее одним из ключевых событий в истории русско-китайских отношений конца XIX – начала XX в., повлияв как на взаимоотношения между двумя государствами, так и на дальнейшее развитие международных отношений в Дальневосточном регионе [8]. Тем не менее к началу XX столетия идея освоения дальневосточных окраин была весьма широко распространена в российском обществе. Об этом неоднократно говорилось и на заседаниях Государственной думы [19, с. 892], в результате чего 27 октября 1909 г. при Совете министров был учрежден Комитет по заселению Дальнего Востока, созданный «для общего руководства деятельностью по дальнейшей колонизации Приамурского края» [15]. Причем, по мнению генерала А. Н. Куропаткина, заселение должно было происходить таким образом, чтобы Северная Маньчжурия оказалась в сфере нашего влияния, а пустыня Гоби отделила бы Россию от Китая [3]. Все это способствовало становлению нового регионального порядка в Восточной Азии, нового принципа развития общества, иной модели колониального развития, новых черт национального характера и параметров российской культуры, у истоков которой стояла идея Российской империи как формы реального проявления российской цивилизации, лишенной «имперских амбиций». По справедливому мнению российского философа К. С. Пигрова, «Российская империя, в широком смысле слова, не только реальность, она есть также императив, непреложная обязанность российской культуры и цивилизации перед человечеством» [13, с. 8]. Конечно, имперская политика – это и «чужие» территории, и «чужие»

природные богатства на этих территориях, и «чужие» людские ресурсы, и военная мощь как инструмент в имперских отношениях. Этот сегмент всегда был и всегда будет в имперских отношениях. Но главный вывод А. Тойнби состоит в том, что захваты и насилие – это успех эфемерный [17]. Главное достижение Российской империи вообще и на востоке особенно выражается в «русском влиянии», в ее необходимости иному миру, в создании глубинной привлекательности русской культуры, глубокой связи с Россией, что является неотъемлемой частью Российской империи.

Вся трагедия утери этих связей стала понятна только сейчас, после распада СССР...

Список литературы

1. *Антропов О. К., Мещеряков А. Ю.* Сунгарийский город вне границы: культурная гибридность в условиях трансграничного пространства Харбина // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 4 (57). С. 35–41.
2. *Арсентьева И. И.* Понятие «приграничье» в современном научном дискурсе // Вестник ЧитГУ. 2012. № 6(85). С. 24–29.
3. Генерал Куропаткин – государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию со дня рождения : коллективная монография / под ред. В. П. Сальникова. СПб. : Фонд «Университет», 2018. 370 с.
4. *Гримм Э. Д.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). Т. 6. М. : Ин-т востоковедения, 1927. С. 94–97.
5. *Дамешек Л. М., Дамешек И. Л.* Окраинная политика как фактор устойчивости Российской империи в XVIII–начале XX в. // Известия Иркутского государственного университета. 2017. Т. 21. С. 23–29.
6. *Клиторин В. И.* Россия в 1913 году // ЭКО. 2013. № 12. С. 5–21.
7. *Курас Л. В., Кальмина Л. В., Михалев А. В.* Капитаны российской восточной политики: рубеж XIX–XX вв. : [монография] / рук. проекта, отв. ред. Б. В. Базаров ; науч. ред. Л. М. Дамешек. Иркутск : Оттиск, 2018. 112 с.
8. *Курас Л. В., Кальмина Л. В.* Российская дальневосточная политика на рубеже XIX–XX вв. в военных мемуарах, дневниках и письмах // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2019. № 3(35). С. 133–143.
9. *Латин П. А., Китаист А. Ф.* Попов и его записки в МИД России // Восточный архив. 2017. № 1(35). С. 14–20.
10. *Леонов Н. С.* Великая русская цивилизация окончена // Аргументы и факты. 2021. 2 февр.
11. *Мещеряков А. Ю., Антропов О. К.* Особенности российской колонизации Маньчжурского края в конце XIX – начале XX в. // Грамота. 2019. Т. 12, вып. 4. С. 35–40.
12. *Пасмурцев В. А.* Маньчжурские территории как фактор политики империи Цин (середина XVII – начало XX в.) // Россия и АТР. 2011. № 4. С. 108–117.
13. *Пигров К. С.* Империя как инновация или императив империй // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. 2007. Вып. 2, ч. 1. С. 3–11.
14. *Ремнев А. В.* Россия и Сибирь в меняющемся пространстве империи, XIX – начало XX в. // Российская империя в сравнительной перспективе : сб. ст. М. : Новое изд-во, 2004. С. 168–187.
15. *Рябцев В. Н.* Из истории геополитической мысли в России. XX век: малоизвестные страницы (очерки) / предисл. А. А. Вартумяна. М. : АИРО-XXI, 2018. С. 186–235.
16. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XLVIII. СПб. : Изд. Военно-ученого комитета Главного штаба, 1891. 282 с.
17. *Тойнби А. Дж.* Достижение истории : пер. с англ. яз. / сост. А. П. Огурцов. М. : Прогресс, 1991. 736 с.

18. Туровский Р. Ф. Политический ландшафт как категория политического анализа // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. 1995. № 3. С. 33–44.

19. Ходяков М. В. Желтороссия конца XIX – начала XX веков в геополитических планах русской военной элиты // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 4. С. 880–897.

20. Якушенков С. Н. Внутренний фронт как фактор международных отношений // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 3 (56). С. 125–133.

The Russian Empire as a Factor of Regional Order in East Asia at the End of 19th – Beginning 20th Century

L. V. Kuras

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract. The article represents the modern understanding of “empire” as a category, examines the essence of integration of remote areas with the Russian state as a realization of the marginal policy’s doctrine. It has been stated that the extrapolation of the scenario in Imperial policy in Eastern Asia at the turn of 19-20 cc. has become a real example of usage Manchuria’s territory factor by Russia in the Far Eastern policy. Therefore, the author succeeded in concluding that the phenomenon of empire has become the factor of regional order and guarantee of stability in the region.

Keywords: Russian Empire, marginal policy, East Asia, China.

For citation: Kuras L. V. The Russian Empire as a Factor of Regional Order in East Asia at the End of 19th – Beginning 20th Century. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2021, vol. 38, pp. 21-27. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.21> (in Russian)

References

1. Antropov O.K., Meshcheryakov A.Yu. Sungarijskij gorod vne granicy: kulturnaya gibriznost' v usloviyah transgranichnogo prostranstva Harbina [Sungari city out of the boundaries: cultural hybridism in the terms of across boundary area of Harbin]. *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kultura* [Caspian region: policy, economics, culture], 2018, no. 4 (57), pp. 35-41. (in Russian)

2. Arsenteva I.I. Ponyatie “prigranich'e” v sovremennom nauchnom diskurse [The concept “border-zone” in modern scientific discourse]. *Vestnik ChitGU*, 2012, no. 6 (85), pp. 24-29. (in Russian)

3. General Kuropatkin – gosudarstvennyj i voennyj deyatel' Rossijskoj imperii. K 170-letiju so dnya rozhdeniya: kollektivnaya monografiya [General Kuropatkin – state and military authority in the Russian Empire: to the 170th anniversary of the birth. Ed. V. P. Salnikova]. Saint Petersburg, Universitet Publ., 2018, 370 p. (in Russian)

4. Grimm E.D. *Sbornik dogovorov i drugih dokumentov po istorii mezhdunarodnyh otnoshenij na Dalnem Vostoke (1842-1925)* [Compilation of contracts and other documents on the history of international relations in the Far East (1842-1925). Vol. 6]. Moscow, Inst. of Eastern Studies Publ., 1927, pp. 94-97. (in Russian)

5. Dameshek L.M., Dameshek I.L. *Okrainnaya politika kak faktor ustojchivosti Rossijskoj imperii v 18 – nachale 20 v.* [Marginal policy as a factor of stability of the Russian Empire in 18th –beg. of 20 cc.]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Bulletin of Irkutsk State university], 2017, vol. 21, pp. 23-29. (in Russian)

6. Klitorin V.I. Rossiya v 1913 godu [Russia in 1913]. *EKO* [ECO], 2013, no. 12, pp. 5-21. (in Russian)

7. Kuras L.V., Kalmina L.V., Mihalev A.V. et al. *Kapitany rossijskoj vostochnoj politiki: rubezh 19–20 vv.* [Captains of Russian Eastern policies: turn of 19th – 20th centuries. Monograph]. Head of project and ed. B.V., Scientific Ed. L.M. Dameshek. Irkutsk, Ottisk Publ., 2018, 112 p. (in Russian)
8. Kuras L.V., Kalmina L.V. Rossijskaya dal'nevostochnaya politika na rubezhe 19-20 vv. v voennyh memuarah, dnevnikah i pismah [Reflection of the Russian Far Eastern policies at the turn of 19-20 centuries in military memoirs, diaries, and letters]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk* [The Bulletin of Buryat Scientific center SB RAS], 2019, no. 3(35), pp. 133-143. (in Russian)
9. Lapin P.A. *Kitaist A.F. Popov i ego zapiski v MID Rossii* [Sinologist A.F. Popov and his notes in the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation]. *Vostochnyj arhiv* [East archives], 2017, no. 1(35), pp. 14-20. (in Russian)
10. Leonov N.S. Velikaya russkaya civilizaciya okonchena [Great Russian civilization is over]. *Argumenty i fakty*, 2021, 2 February. (in Russian)
11. Meshcheryakov A.Yu., Antropov O.K. Osobennosti rossijskoj kolonizacii Man'chzhurskogo kraja v konce 19 – nachale 20 v. [The features of Russian colonization of Manchuria region at the end of 19 – beg. of 20 centuries]. *Gramota*, 2019, vol. 12, no. 4, pp. 35-40. (in Russian)
12. Pasmurcev V.A. Manchzhurskie territorii kak faktor politiki imperii Cin (seredina 17 – nachalo 20 v.) [Manchuria territories as a factor of Qing Imperial policies (mid. of 17 – beg. of 20 centuries)]. *Rossiya i ATR* [Russia and APR], 2011, no. 4, pp. 108-117. (in Russian)
13. Pigrov K.S. Imperiya kak innovaciya ili imperativ imperij [Empire as an innovation or imperative by the Empires]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [The Bulletin of Saint-Petersburg university], Series 6, 2007, no. 2, pp. 3-11. (in Russian)
14. Remnev A.V. Rossiya i Sibir v menyayushchemsya prostranstve imperii, 19 – nachalo 20 v. [Russia and Siberia in changing space of the Empires]. *Rossiyskaya imperiya v sravnitel'noj perspektive* [Russian Empire in comparative perspective], Moscow, 2004, pp. 168-187. (in Russian)
15. Ryabcev V.N. *Iz istorii geopoliticheskoy mysli v Rossii. XX vek: maloizvestnye stranicy (oчерki)* [From history of geopolitical thoughts in Russia. 20 c.: little-known pages (outlines)]. Preface by A. A. Vartumyana. Moscow, AIRO-21 Publ., 2018, pp. 186-235. (in Russian)
16. *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii. Vyp. 48* [The collection of geographic, topographic and statistics data about Asia. Iss. 48]. Saint-Petersburg, 1891, 282 p. (in Russian)
17. Toynbee A.J. *Dostizhenie istorii* [Achievement of history]. Ed. A.P. Ogurcov. Moscow, Progress Publ., 1991, 736 p. (in Russian)
18. Turovskij R.F. Politicheskij landschaft kak kategoriya politicheskogo analiza [Political view as a category of political analysis]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskije nauki* [The Bulletin of Moscow university. Series 12, Political sciences], 1995, no. 3, pp. 33-44. (in Russian)
19. Hodyakov M.V. *Zheltorossiya konca 19 – nachala 20 vekov v geopoliticheskikh planah russkoj voennoj elity* [The “Yellow Russia” at the end of 19 – beginning of 20 centuries in geopolitical plans of Russian military elite]. *Novejshaya istoriya Rossii* [Newest History of Russia], 2018, vol. 8, no. 4, pp. 880-897. (in Russian)
20. Yakushenkov S.N. Vnutrennij frontir kak faktor mezhdunarodnyh otnoshenij [Inner frontier as a factor of international relations]. *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura* [Caspian region: policy, economics, culture], 2018, no. 3 (56), pp. 125-133. (in Russian)

Курас Леонид Владимирович

доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ,
ул. Сахьяновой, 6.
e-mail: kuraslv@yandex.ru

Kuras Leonid Vladimirovich

Doctor of Sciences (History), Professor,
Major Research Associate
Institute for Mongolian, Buddhist and
Tibetan Studies SB RAS
6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047,
Russian Federation
e-mail: kuraslv@yandex.ru

УДК 94(=411.16)

<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.28>

Евреи в самодержавной России: на пути к статусу «имперской нации»¹

Л. В. Кальмина

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация. Анализируется политика интеграции евреев в российское общество: ее характер, этапы, механизмы. Проведя сравнительный анализ этой политики с таковой по отношению к коренному сибирскому этносу – бурятам, автор приходит к выводу: стратегия формирования «имперских» наций, за исключением некоторых нюансов, шла по единому сценарию. Тактика консервации привычного порядка неизбежно сменялась унификацией управления и стимулирования обращения к господствующей религии, более соответствующим идеям империи.

Ключевые слова: политика интеграции, «имперская нация», евреи, инородцы, дискриминация, унификация управления, православие, воинская повинность.

Для цитирования: Кальмина Л. В. Евреи в самодержавной России: на пути к статусу «имперской нации» // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2021. Т. 38. С. 28–35. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.28>

Постоянно расширяясь и включая в свое пространство все новые территории и народы, Россия неизбежно «обрекала» себя на решение задач административного обустройства и последовательной интеграции присоединяемого региона в имперское пространство [4, с. 11]. Аннексия захваченной в результате трех разделов Речи Посполитой с ее политическим, социальным, экономическим, этническим и религиозным многообразием, требовавшей особой аргументации в определении административного статуса в составе империи, породила и «еврейский вопрос», который в России приобрел особую остроту [9, с. 64, 71]. Держава, ранее не имевшая опыта общения с евреями, долго не могла определиться, как приспособить оба своих приобретения друг к другу. Мечась в выстраивании политики интеграции еврейских подданных в повседневность империи, она в конечном итоге избрала тактику дискриминации и сегрегации, лежащей за пределами правового поля, тяжесть которой евреи ощутили в полной мере [9, с. 207]. Однако, притом что эта политика таковой, безусловно, была, мы разделяем мнение исследователей, что рассмотрение ее по отношению к новой «имперской нации» только с точки зрения заведомых русификаторских и дискриминаторских намерений, без

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания, проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII – XXI вв.)», № 121031000243-5.

анализа мотивации, было бы неверным по сути. В пору активного «еврейского» законотворчества создатели законов были уже не средневековыми «москвитанами» с накрепко вбитым в головы стереотипом о евреях как «врагах Христа», а частью имперской системы эпохи Просвещения, с новой риторикой и идеей необходимости решения проблем еврейства [11, с. 8–9]. К тому же российская бюрократия никогда не была едина в подходах к еврейскому вопросу, и имперская политика по отношению к евреям (и не только к ним) существенно различалась по сути и намерениям в разные периоды и на разных окраинах [12, с. 145]. (Степень самостоятельности региональной власти в этнической политике мы анализировали неоднократно [6–8].)

В процессе встраивания новых подданных в российскую действительность самодержавие, не озабочиваясь разнообразием подходов, выработало единый алгоритм: вначале старалось избежать коренной ломки сложившегося жизненного уклада очередного этнического меньшинства, максимально его сохраняя и заигрывая с этнической элитой для обретения союзника; затем жестко ломало ранее столь тщательно охранявшийся порядок для достижения цели «сплоченности населения». Начав после первого раздела Польши с политики уважения свобод евреев, «коими они ныне в рассуждении закона и имуществ своих пользуются», империя сохранила органы самоуправления еврейских общин – кагалы – со всеми присущими им функциями. Хотя правительство Екатерины II торопилось с интеграцией евреев, руководствуясь задачей регламентирования отношений в государстве, о политике дискриминации в это время не было и речи. Напротив, евреям всячески обеспечивалось равное правовое положение с другими подданными в расчете на максимальное использование их хозяйственных способностей в развитии российской экономики. До второго раздела Польши российское «еврейское» законодательство отличалось большим либерализмом по сравнению с таковым в большинстве европейских стран [9, с. 72]. В некоторых местечках период между 1772 г. и началом XIX в., по оценке исследователей, был «золотым веком» в жизни еврейской общины [16, р. 5]. Однако еврейское равноправие было быстро уничтожено. На протяжении нескольких десятилетий евреи были главной «жертвой» российской национальной политики, а еврейский вопрос в России – неотъемлемой частью общественного и политического дискурса [9, с. 198; 10, с. 8]. По подсчетам историков, с 1810 по 1917 г. было издано 557 только более или менее общих законов и распоряжений о евреях [11, с. 64], имеющих целью их адаптацию к российской жизни, но из-за своей бездарности, непоследовательности и дискриминационного характера еще более их от нее огораживающих.

Исследователи выделяют три причины систематического притеснения евреев в Российской империи. Первая – их враждебность христианству, хотя, как уже говорилось, однозначное их рассмотрение как врагов Христа осталось в прошлом. Тем не менее вероисповедание выступало в качестве единственного критерия принадлежности к еврейству [11, с. 316, 315], а обвинения в ритуальных убийствах христиан звучали даже в период поздней империи. Вторая – защита «слабого, едва нарождающегося русского капитализма

от еврейской доминации» в условиях форсированной модернизации экономики [13, с. 127]. Евреев считали главными виновниками «расстройства благосостояния» неискушенного, беззащитного перед еврейской «эксплуатацией» русского крестьянина. И наконец, мотивом притеснения евреев было подозрение в их поголовном революционаризме, что в известной степени было правдой: евреи в силу своего неполноправного положения и национального унижения неизбежно должны были «производить» из своей среды революционеров [1, с. 10].

Если первые две причины были продиктованы изначально сложившимся стереотипом о чуждости и «эксплуататорской сущности» еврейского «элемента», то последняя была «рукотворной», созданной имперским законодательством. Наивно было предполагать, что правительственные притеснения (одна «черта оседлости», не применяемая больше ни к одному народу, чего стоит!) могут отвратить евреев от революции. Напротив, они гнали их в оппозиционный стан: невозможно требовать лояльного отношения к существующему режиму от людей, которых при этом режиме постоянно преследуют [3, с. 117]. В попытках «растворить» евреев в российской действительности власть явно перестаралась: европеизированные, блестяще окончившие столичные университеты евреи в защите своих прав влились в российское общественно-политическое движение.

Любопытно, что инкорпорация в российское общество инородцев, в частности одного из крупнейших сибирских коренных этносов – бурят, шла точно по такому же сценарию и с теми же последствиями. При всей, казалось бы, парадоксальности данного сравнения его идея, помимо всего, напрашивается из-за сходства статуса инородца. Евреев тоже относили к таковым, хотя Устав об управлении инородцев 1822 г. на них не распространялся [15, с. 503, 513]. По мнению видного британского исследователя российского еврейства Дж. Клиера, отнесение евреев, оседлых жителей европейской территории, к категории инородцев было их преднамеренным унижением [17, р. 132]. Австрийский ученый А. Каппелер отметил тенденцию использования данного понятия для обозначения всех нерусских народов империи, в том числе и тех, которые к этой правовой категории не относились, для пренебрежительного отграничения «государственного народа» от всех «чужих» [9, с. 126].

Сходство наблюдается прежде всего в стремлении имперской власти на первом этапе сохранить привычную для народа организацию управления. На низшем уровне допускалось инородческое самоуправление, а при разборе «маловажных» дел коренное сибирское население (буряты) с разрешения центральной власти руководствовалось нормами обычного права [5, с. 15, 16]. (Вспомним, что первоначально на существование кагалов империя тоже не посягала. Более того, по оценке исследователей, имперская власть рассматривала кагал как своего партнера, поскольку за неимением у евреев этнической элиты больше опереться ей было не на кого [9, с. 72].) Организация самоуправления среди коренных народов национальных окраин в своей основе исходила из соответствующего внутрироссийского опыта, практическая реализация которого на этих окраинах всегда учитывала местную специфику

[2, с. 180]. Однако в конце XIX – начале XX в. вектор российской инородческой политики кардинальным образом меняется. Империя, взяв курс на унификацию управленческой системы, провела волостную реформу, в результате чего этническое самоуправление бурят было упразднено. Результат подобной интеграции был вполне «еврейским»: неожиданно для царских сановников бывшие лояльные империи подданные выступили с протестами, которые в скором времени вылились в массовое общенациональное движение.

Разница заключалась лишь в продолжительности каждого этапа «превращения» тех и других в «имперскую нацию» и глубинных причинах в определении тактической линии при ее проведении. Унификация управления коренных сибирских народов диктовалась приграничным положением места их компактного поселения – Забайкалья: население региона следовало привести к «общему знаменателю» для обеспечения его безусловного единства в случае потенциальных военных конфликтов. Политика по отношению к евреям была уступкой крайнему русскому национализму, который сделал их главным объектом своего наступления [9, с. 198].

Для формирования из евреев полноценной «имперской нации» принципиальными являются два момента: распространение среди них православия как механизма укрепления позиций главенствующей церкви и введение воинской повинности. При постоянных, хотя и ничем не обоснованных, опасениях еврейского прозелитизма и страхе перед привлекательностью для православных иудаизма, чаще всего тоже мнимой, евреев к переходу в православие не принуждали. Православная церковь даже не пыталась вести среди них миссионерскую деятельность, за исключением разве что кантонистских батальонов, хотя усердствовала в обращении в православие других нерусских этносов. Однако существовавшую поощрительную систему перехода евреев в православие (в этом случае новообращенный приобретал все права, которых ранее как еврей был лишен) можно рассматривать как надежный индикатор отношения властей к иудаизму. Возможность получения права свободного передвижения или образования в обход установленной процентной квоты была стимулом более эффективным, чем насильственное обращение в «истинную» веру. («Метод пряника» практиковался и по отношению к коренным народам Сибири: принявшие православие инородцы на три года освобождались от уплаты ясака [5, с. 16], хотя факты насильственного крещения тоже имели место.) Что касается распространения на еврейский народ рекрутской (позднее – всеобщей воинской) повинности, то оно оценивается исследователями неоднозначно. По мнению одних, рекрутская повинность была одним из видов дискриминации, поскольку еврейским мальчикам с 12 лет была навязана очень жесткая подготовка к воинской службе в качестве кантонистов [9, с. 75], а нормы набора евреев вдвое превышали таковые у христиан. Другие рассматривают распространение на евреев воинской повинности как часть процесса эмансипации (в Европе) и способ аккультурации (в России) [12, с. 112]. После службы в армии евреи получали существенные льготы, хотя их служебные права ограничивались и здесь: их не производили в офицерские чины, не принимали в юнкерские училища, не допускали к службе

во флоте и т. д. Продолжая наше сравнение, приведем тезис о том, что введение для инородцев воинской повинности, освобождение от которой ранее было самой массовой льготой этнического характера [5, с. 16–17], завершило серию реформ, направленных на уравнивание этой группы населения с остальными в отношении их обязанностей перед государством. Если считать это основным критерием полного включения в российский социум в качестве очередной «имперской нации», то евреи стали таковой еще в 1827 г. Если же рассматривать их инкорпорацию с точки зрения обретения всех прав подданного Российской империи, то они до ее полного падения так и оставались за «чертой».

Список литературы

1. Будницкий О. В. В чужом пиру похмелье: евреи и русская революция // Евреи и русская революция. Материалы и исследования / ред.-сост. О. В. Будницкий. М. ; Иерусалим : Гешарим, 1999. С. 3–21.
2. Волков И. В. «Туземное» самоуправление как часть административной системы русского Туркестана // Проблемы истории общества, государства и права : материалы межрегион. науч. конф. «Актуальные проблемы истории государства и права России и зарубежных стран (к 140-летию профессора, первого доктора юридических наук в Свердловском юридическом институте Ивана Ивановича Крыльцова (1878 – после 1947 гг.), к 130-летию профессора Серафима Владимировича Юшкова (1888–1952) и 90-летию профессора-романиста Аргирь Валериановны Игнатенко (1927–2012)», 26 мая 2018 г., г. Екатеринбург. Екатеринбург : УрГЮУ, 2018. Вып. 5. С. 177–198.
3. Гольденвейзер А. А. Правовое положение евреев в России // Книга о русском еврействе от 1860-х годов до революции 1917 г. Иерусалим ; М. : Гешарим ; Мосты культуры, 2002. С. 115–158.
4. Дамешек Л. М. Избранное. В 3 т. Т. 3. Сибирские окраины Российской империи (XVIII – начало XX в.). Иркутск : Оттиск, 2018. 256 с.
5. Дамешек Л. М. Сибирь в империи: империя в Сибири. Значение этнического фактора в окраинной политике Российской империи. Этапы становления и направления // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2012. № 2(3), ч. 1. С. 13–19.
6. Кальмина Л. В. «Еврейская» политика сибирских губернаторов: отклонение от «генеральной линии» // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 64. С.12–17.
7. Кальмина Л. В. Некоренные этнические группы в Забайкалье как объект этнической политики самодержавия (середина XIX в. – 1917 г.) // Власть. 2010. № 1. С. 86–90.
8. Кальмина Л. В. Этническая политика самодержавия и некоренные этнические группы в Байкальском регионе (конец XIX – начало XX вв.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень : ИФЦ Тюм. НЦ СО РАН. 2009. № 10. С. 96–101.
9. Каппелер А. Россия – многонациональная империя / пер. С. Червонной. М. : Прогресс-Традиция : Традиция, 2000. 344 с.
10. Кельнер В. Е. Щит. М. М. Винавер и еврейский вопрос в России в конце XIX – начале XX века. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2018. 510 с.
11. Клиер Дж. Д. Россия собирает своих евреев. (Происхождение еврейского вопроса в России: 1772–1825). М. ; Иерусалим : Мосты культуры, 2000. 351 с.
12. Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М. : Новое лит. обозр., 2006. 248 с.
13. Миллер А. И. Этноконфессиональный фактор в развитии Российской империи (конец XVIII – начало XX в.) // Этнический и религиозный фактор в формировании и эволюции российского государства / под ред. Т. Ю. Красовицкой, В. А. Тишкова. М. : Новый хронограф, 2012. С. 102–150.

14. Раскин Д. «Еврейский вопрос» в документах высших государственных учреждений Российской империи XIX – нач. XX в. // История евреев в России. Проблемы историкоисследования и историографии : сб. науч. тр. СПб. : [б. и.], 1993. С. 60–76.

15. Слокум Дж. У. Кто и когда были «иноходцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет : антология / сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. М. : Новое изд-во, 2005. С. 502–531.

16. Fishman D. E. Russia's First Modern Jews: The Jews of Shklov. New York : New York University Press, 1995. 195 p.

17. Klier J. The Concept of "Jewish Emancipation" in a Russian Context // Civil Rights in Imperial Russia / O. Crisp, L. Edmundson (eds.). Oxford : Clarendon press, 1989. P. 121–144.

Jews in Autocratic Russia: Aiming at the Imperial Nation Status

L. V. Kalmina

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract. The article is covering Jewish integration politics to the Russian society: its character, stages, methods. The author comes to the conclusion: imperial nations strategy formation, with the exception of some nuances, was the same, comparative analyses of such politics with that one in connection with indigenous Siberian Buryat ethnos having being investigated. Common style of life preservation tactics inevitably being changed to the administrative unification and stimulation of appeal to the predominant religion, more suitable to the imperial ideology.

Keywords: Integration politics, imperial nation, Jews, aliens, discrimination, administrative unification, Orthodoxy, compulsory military service

For citation: Kalmina L. V. Jews in Autocratic Russia: Aiming at the Imperial Nation Status. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2021, vol. 38, pp. 28–35. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.28> (in Russian)

References

1. Budnitskiy O.V. V chuzhom piru pokhmelie: evrei i russkaya revolyutsiya [Despair in Some Else's Feast. Jews and Russian Revolution]. *Evrei i russkaya revolyutsiya* [Jews and Russian Revolution], O.V. Budnitskiy (ed.). Moscow, Jerusalem, Gesharim Publ., 1999, pp. 3–21. (in Russian)

2. Volkov I.V. Tuzemnoe samoupravlenie – kak chast administrativnoi sistemy russkogo Turkestana [“Native” Self-government – as Part of the Administrative System of Russian Turkestan]. *Problemy istorii obshchestva, gosudarstva i prava. Materialy Mezhr regionalnoi nauchnoi konferentsii “Aktualnye problemy istorii gosudarstva i prava Rossii i zarubezhnykh stran (k 140-letiyu professora, pervogo doktora yuridicheskikh nauk v Sverdlovskom yuridicheskom institute Ivana Ivanovicha Kryltsova Ивановича (1878 – после 1947 гг.), k 130-letiyu professora Serafima Vladimirovicha Yushkova (1888–1952) u 90-letiyu professora-romanista Argiry Vale-rianovny Ignatenko (1927–2012)”*, 26 maya 2018 goda, g. Ekaterinburg [Society, State and Law History Problems. Materials of International Scientific Conference “State and Law Actual Problems of Russia and Foreign Countries (towards 140 years since the birth of Professor, the First Doctor of Legal Studies at Sverdlovsk Legal Institute Ivan Ivanovich Kryltsov (1878 – after 1947), towards 130 years since the birth of Professor Serafim Vladimirovich Yushkov (1888–

1952) and towards 90 years since the birth of Professor – Romance philologist Argira Valerianovna Ignatenko (1927–2012)”, 2018, May 26, Ekaterinburg]. Ekaterinburg, UrGYuU Publ., 2018, iss. 5, pp. 177-198. (in Russian)

3. Goldenweiser A.A. Pravovoe polozhenie evreev v Rossii [Legal Status of Jews in Russia]. *Kniga o russkom evreistve ot 1860-kh godov do revoliutsii 1917 g.* [The Book about Russian Jews from 1860s to the Revolution of 1917]. Jerusalem, Moscow, Gesharim Publ., RPO Mosty Kultury, 2002, pp. 115-158. (in Russian)

4. Dameshek L.M. *Izbrannoe. In 3 vols. Vol. 3. Sibirskie okrainy Rossiyskoi imperii (18 – nachalo 20 v.)* [Selected: in 3 vol. Vol. III. Siberian Outskirts of Russian Empire (18th – Early 20th Centuries)]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2018, 256 p. (in Russian)

5. Dameshek L.M. Sibir' v imperii: imperiya v Sibiri. Znachenie etnicheskogo faktora v okrainnoi politike Rossiyskoi imperii. Etapy stanovleniya i napravleniya [Siberia in the Empire: the Empire in Siberia. The Importance of Ethnic Factor in Outskirt Politics of Russian Empire. Stages of Establishment and Directions]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series History], 2012, no. 2(3), part 1, pp. 13-19. (in Russian)

6. Kalmina L.V. Evreiskaya politika sibirskikh gubernatorov: otklonenie ot generalnoi linii [Siberian General – Governor' Jewish Policy: General Trend Deviation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Istoriya* [Tomsk State University Journal of History], 2020, no. 64, pp. 12-17. <https://doi.org/10.17.223/19988613/64/2>. (in Russian)

7. Kalmina L.V. Nekorennye etnicheskie gruppy v Zabaykalie kak obyekty etnicheskoi politiki samodержaviya (seredina 19 v. – 1917 g.) [Non – indigenous Ethnic Groups in Transbaikalia as the Object of Autocracy's Ethnic Policy (Middle 19th C. – 1917)]. *Vlast'* [Power], 2010, no 1, pp. 86-90. (in Russian)

8. Kalmina L.V. Etnicheskaya politika samodержaviya i nekorennye etnicheskie gruppy v Baikalskom regione (konets 19 – nachalo 20 v.) [Autocracy's Ethnic Policy and Non – indigenous Ethnic Groups in Baikal Region (Late 19 – Early 20 C.). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [The Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], Tyumen, IFTs Tum. NTs SB RAS, 2009, no. 10, pp. 96-101. (in Russian)

9. Kappeler A. *Rossiya – mnogonatsionalnaya imperiya* [Russia – Multinational Empire]. Perevod S. Chervonnaya. Moscow, Tradition – Progress-Tradition Publ., 2000, 344 p. (in Russian)

10. Kelner V.E. *Shchit. M.M. Vinaver i evreyskiy vopros v Rossii v kontse XIX – nachale XX veka* [M.M. Vinaver and Jewish Issue, Late 19 – Early 20 Centuries]. St. Petersburg, Evropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge Publ., 2018, 510 p.

11. Klier J.D. *Rossiya sobiraet svoikh evreev. Proiskhozhdenie evreiskogo voprosa v Rossii: 1772-1825* [Russia Gathers her Jews (The Origins of the “Jewish Question” in Russia 1772-1825)]. Moscow, Jerusalem, Mosty Kultury Publ., 2000, 351 p. (in Russian)

12. Miller A.I. *Imperiya Romanovykh i natsionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [Romanovs' Empire and Nationalism: Historical Investigation Methodology Essay]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2006, 248 p. (in Russian)

13. Miller A.I. Etno-konfessionalnyi faktor v razvitiі Rossiyskoi imperii (konets 18 – nachalo 20 v.). [Ethno-Confessional Factor in Russian Empire's Development (Late 18 – Early 20 C.)]. *Etnicheskiy i religiozniy faktor v formirovaniі i evolutsii rossiyskogo gosudarstva* [Ethnic and Religious Factor in Russian State's Formation and Evolution], T.Yu. Krasovitskaya, V.A. Tishkov (ed.). Moscow, New Chronograph Publ., 2012, pp. 102-150. (in Russian)

14. Raskin D. “Evreyskiy vopros” v dokumentakh vysshikh gosudarstvennykh uchrezhdeniy Rossiyskoi imperii 19 – nachala 20 v. [“Jewish Problem” in the Documents of Supreme State Institutions of the Russian Empire of the 19th – the beginning of the 20th Centuries]. *Istoriya evreev v Rossii. Problemy istochnikovedeniya i istoriografii. Sb. nauch. tr.* [The History of Jews. Problems of Studies on Sources and Historiography. Collected Articles]. Saint Petersburg, 1993, pp. 60-76. (in Russian)

15. Slokum J.U. Kto i kogda byli inorodtsami? Evolyutsiya kategorii *chuzhie* v Rossiiskoy imperii [Who and When Were Indigenous Dwellers? Evolution of Aliens' Status in Russian Empire]. *Rossiiskaya imperiya v zarubezhnoi istoriografii. Poslednie raboty. Antologiya* [Russian Empire in Foreign Historiography. Recent Works. Anthology]. Sost. P. Vert, P.S. Kabytov, A.I. Miller. Moscow, New Publishing House, 2005, pp. 199-227. (in Russian)

16. Fishman D.E. *Russia's First Modern Jews: The Jews of Shklov*. New York, New York University Press, 1995, 195 p.

17. Klier J. The Concept of "Jewish Emancipation" in a Russian Context. *Civil Rights in Imperial Russia*, O. Crisp, L. Edmundson (ed.). Oxford, Clarendon press, 1989, pp. 121-144.

Кальмина Лилия Владимировна

доктор исторических наук, ведущий
научный сотрудник

Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН

Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул.

Сахьяновой, 6

e-mail: kalminal@gmail.com

Kalmina Liliya Vladimirovna

Doctor of Sciences (History), Leading
Research Scientist, Institute for Mongolian,
Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047,
Russian Federation

e-mail: kalminal@gmail.com

УДК 27-772(571.53)+353.2(571.53)(092)
<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.36>

Архиепископ Ириней и генерал-губернатор Лавинский: противостояние светской и духовной властей

И. Л. Дамешек, А. П. Санников

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Рассматриваются причины, вызывавшие противоречие между представителями двух главных институтов государства – института генерал-губернаторской власти, одного из важнейших политических институтов имперской России, и Русской православной церкви, значение которой в окраинных территориях страны было столь же велико, как и генерал-губернатора. Отмечается, что случаи сложных взаимоотношений светских и духовных властей в российской и региональной истории не были редкостью. На примере конфронтации генерал-губернатора Восточной Сибири А. С. Лавинского (светская власть) и иркутского архиепископа Ириней (церковная власть) анализируется причинно-следственная связь подобных конфликтов.

Ключевые слова: власть, Восточная Сибирь, генерал-губернатор, Русская православная церковь, Иркутская епархия, архиепископ, управление, конфликт властей.

Для цитирования: Дамешек И. Л., Санников А. П. Архиепископ Ириней и генерал-губернатор Лавинский: противостояние светской и духовной властей // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2021. Т. 38. С. 36–51. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.36>

Воскресный день 20 сентября 1831 г. не предвещал иркутянам ничего знаменательного. В восемь часов вечера, как обычно, в городе раздался благовест, призывавший верующих на «позднюю Божественную литургию». Горожане потянулись в храмы. Уровень религиозности в Иркутске был достаточно высок, и церкви быстро наполнялись народом. Но вскоре среди прихожан «началось смущение», заставившее многих выйти из храма и направиться на площадь к гауптвахте. Именно здесь развернулось событие, отмеченное иркутской летописью как «бунт архиепископа Ириней». Действия развивались спонтанно, но достаточно стремительно.

В 8:30 в прихожую иркутского архиерейского дома вошел чиновник особых поручений 8-го класса Александр Иванович Голубев. Он потребовал от служителя иеромонаха Паисия отвести его в покои архиепископа Ириней, объявив, что действует по приказу генерал-губернатора Александра Степановича Лавинского «за важным делом». Архиепископ, одевшись в приличествующее сану облачение, надев ленту с орденом, приказал проводить чиновника в зал для приема и вышел для беседы. Голубев предъявил высочайший указ об отстранении архиепископа от управления епархией по причине его «умственного расстройства» и объявил, что послан от «генерал-губернатора объявить Вам, чтобы Вы готовы были к выезду сегодня в третьем часу и что ему

поручено сопровождать его преосвященство». Ответ Ириней был таким же категоричным: «Никак невозможно мне исправиться так скоро больше потому, что имеющееся у меня в ответственности имущество никому не сдано, а сдавать оное нужно время» [4, с. 576]. Архиерей, осмотрев указ, объявил его подложным, так как документ был рукописный, а не печатный и отсутствовала сургучовая печать. Между сторонами возникла словесная перепалка, перешедшая в брань. Не выдержав, Голубев, отличавшийся высоким ростом и физической силой, просто схватил архиерея и поволок его на выход. Служители архиерейского дома, увидев, что чиновник тащит архиерея за рясу, побежали за караулом к шлагбауму у переезда на Московский тракт и просили солдат защитить архиепископа.

Увидев солдат, Голубев скомандовал: «Я Вам приказываю, именем бригадного мне дана власть связать его и везти» [Там же, с. 577]. Он потребовал помочь тащить Ириней к ограде консистории, где стояли лошади с дрожками. Солдаты оказались в замешательстве. Воспользовавшись заминкой, Ириней вырвался и обратился к солдатам с мольбой: «Воины! Защитники Отечества! Сохраните меня; пусть я здесь у вас умру; но только бы сей изверг не мог у меня отнять жизни и меня задушить. Ведите нас обоих куда следует». Солдаты отказались подчиниться Голубеву, сообщив, что «видя такую особу в опасности не можем тебя слушать, а должны Вас обоих препроводить куда следует и там ваше дело будет рассмотрено». Таким образом, чиновник особых поручений Голубев и архиепископ Ириней были доставлены на гауптвахту Иркутска [Там же].

Оказавшись на гауптвахте, Ириней потребовал от находящегося там плац-майора вывести солдат и построить их в шеренгу. Архиепископ встал перед фронтом солдат и обратился к ним с речью: «Православные христиане! Вы видите сумасшедший ли я, и в каком я нахожусь теперь положении! Можете видеть, что самая жизнь моя состоит теперь в опасности! Прошу Вас будьте свидетели всего, что делается со мною!» [4, с. 578]. К гауптвахте стал стекаться народ. Архиерей продолжал произносить речь «бывши в чрезвычайном азарте и горячности». Он то плакал, то вставал на колени. Собравшиеся люди стали проявлять сочувствие к архиепископу. Ситуация могла выйти из-под контроля властей. Последствия могли быть непредсказуемыми.

Воспользовавшись заминкой, Голубев бежал к дому генерал-губернатора и доложил о случившемся. А. С. Лавинский отправил гонца к коменданту генерал-майору кавалерии Покровскому и потребовал доставить мятежного архиерея в арестантскую. Вскоре гонец возвратился и объявил, что комендант болен. Понимая, что события могут выйти из-под контроля, А. С. Лавинский быстро надел фрак с орденой звездой, фуражку, плащ и направился на гауптвахту. Вскоре сюда же прибыли и другие чиновники: председатель губернского правления А. Н. Муравьев, советник губернского правления А. Кабрит, гражданский губернатор И. Б. Цейдлер, городничий и др. Оказавшись на месте, А. С. Лавинский потребовал от молодого офицера увести солдат, но тот не повиновался. Тогда генерал-губернатор приказал немедленно привезти коменданта.

Прибытие генерал-губернатора еще более усилило пыл архиерея. Обращаясь к солдатам, он говорил, что гражданская власть их обкрадывает и подмешивает песок в муку. К месту подтягивался народ, и архиерей, благословляя собравшихся, объявил, что «он с крестом в одной руке и с мечом в другой, готов защищать и стать во главе народа, который страдает от гражданской власти». Собравшиеся, хоть и выражали участие к судьбе архиерея и даже многие плакали, но активных шагов не предпринимали. Семинаристы, которые могли проявить непокорность и организовать беспорядки, в большей части находились на церковной службе.

Не выдержав, А. С. Лавинский лично направился к архиепископу, схватил его за руку и стал с «ругательством и сквернословием» тащить его с площади. Ириней крепко ухватился за рядом стоящий столбик и объявил, что он поставлен императором и гражданским властям не подчиняется. Он также потребовал предъявить ему подлинный печатный указ с печатью.

Вскоре на площадь привезли коменданта. Он был совершенно здоров, но готовился праздновать именины и ждал гостей. По мнению гражданских властей, он просто решил отсидеться и не принимать участия в разворачивающихся событиях. Прибытие коменданта изменило ситуацию. Он спокойно подошел под благословение архиерея. Обращаясь к владыке, сказал: «Как и кто мог здесь помимо меня распоряжаться и брать такую особу под арест?» Солдатам была дана команда вернуться в казармы. Собравшиеся начали расходиться.

Ириней был возвращен в свои покои, но возле архиерейского дома дежурил караул. На его подворье постоянно находились солдаты с заряженными ружьями. О событиях в Иркутске генерал-губернатор А. С. Лавинский составил донесение, которое отправил в Санкт-Петербург. Приехавшие из столицы жандармский подполковник Брянчанинов и фельдъегерь Иностранцев 26 ноября 1831 г. увезли архиепископа Ириней в Спасо-Прилуцкий монастырь в Вологде, где он должен был находиться под надзором архиерея Стефана (Романовского).

Случившееся в Иркутске стало итогом конфликта между генерал-губернатором А. С. Лавинским и архиепископом Иринеем, ставшими главными фигурантами в развернувшихся событиях. Поэтому необходимо дать характеристику этим лицам.

12 апреля 1776 г. у графини Анастасии Николаевны Головиной (иногда писалось «Голавиной»), впоследствии Нелединской-Мелецкой, и Степана Сергеевича Ланского вне брака родился сын Александр. По сложившемуся правилу его фамилия складывалась частями от фамилии матери (отбрасывался слог «Го») и отца (прибавлялась конечная часть фамилии) – получилось «Лавинский». Вскоре ему было пожаловано потомственное дворянство.

Родители, как многие в дворянских семьях, выбрали для сына военную карьеру, поэтому Александр еще во младенчестве был записан в гвардию и уже 2 января 1778 г. получил звание сержанта. Во время русско-шведской войны 1788–1790 гг. находился при генерал-майоре Арбенева. С 11 января 1791 г. служил в Молдавии в звании капитана. Участвовал в подавлении

польского восстания 1793–1796 гг., во взятии Вильны, преследовании польского корпуса С. Грабовского и разгроме его на Панской дороге. В 1795 г. произведен в майоры. Но военная карьера не привлекала А.С. Лавинского, поэтому 31 декабря 1797 г. он подал рапорт об увольнении из армии.

В 1798–1799 гг. в чине коллежского асессора назначен контролером, а в 1799–1800 гг. – директором Вспомогательного банка для дворянства в чине коллежского советника. В 1800–1804 гг. был членом Главного почтового управления в чине статского советника, а в 1804–1811 гг. – литовским почт-директором в чине действительного статского советника.

В 1811 г. Александр Степанович Лавинский был назначен гражданским губернатором Виленской губернии и оставался на этой должности до 1816 г. Перед началом Отечественной войны 1812 г. содействовал армейскому командованию в организации контрразведывательной деятельности на территории губернии. Во время нашествия армии Наполеона успешно провел эвакуацию Вильно, отступил вместе с частями 1-й Западной армии. После возвращения в Вильно по поручению военного губернатора Виленской губернии генерала от инфантерии А. М. Римского-Корсакова возглавлял Виленскую временную губернскую исполнительную комиссию, способствовал восстановлению губернской администрации, боролся с распространением эпидемий. Как и многие из современников, А. С. Лавинский увлекся масонством и даже в качестве кандидата готовился к посвящению в ложу «Усердный литвин» (Вильно).

В 1816–1819 гг. А. С. Лавинский занял должность губернатора Таврической губернии. В 1819 г. он стал членом Комитета для рассмотрения дел, возникших по жалобам от татар, в Таврической губернии обитающих (1819–1820), и директором департамента государственных имуществ Министерства финансов (1819–1822). 28 декабря 1819 г. произведен в тайные советники.

В 1822 г. Александр Степанович Лавинский был назначен генерал-губернатором Восточной Сибири. Вступив на этот пост сразу после реформ Сперанского, он претворял в жизнь положения Учреждения для управления сибирских губерний.

Будучи членом Особого комитета для совещания об образе присмотра в местах ссылки за осужденными по решению Верхового уголовного суда (1826 г.), Лавинский участвовал в разработке инструкции, определившей условия пребывания декабристов на каторге и в ссылке. 1 сентября 1826 г. предписал гражданскому губернатору Иркутской губернии И. Б. Цейдлеру препятствовать приезду жен к отправленным на каторгу участникам вооруженных выступлений, под угрозой лишения их статуса и ценного имущества [7, с. 676–677].

В дальнейшем покровительствовал ряду декабристов, включая А. Н. Муравьева (добился назначения его на должность городничего Иркутска, затем председателя Иркутского губернского правления). Сыграл заметную роль в организации управления Нерчинскими сереброплавильными заводами, которые в 1830 г. были переданы в его непосредственное заведование без участия Совета Главного управления Восточной Сибири.

2 сентября 1833 г. А. С. Лавинский представил Верховному правительству записку о проблемах управления Восточно-Сибирским губернаторством по положению на 1822 г. По его мнению, основными из них являлись отсутствие должного надзора за ссылаемыми в Сибирь преступниками, двоевластие в управлении войсками внутренней стражи и их «крайнее неустройство».

Генерал-губернатор отмечал, что резкое увеличение числа приговоренных к каторжным работам, которые по Уставу о ссыльных 1822 г. ссылались на сибирские заводы и фабрики, привело к падению спроса на рабочие руки, вследствие чего значительная часть заключенных (до 50 %) фактически оставалась без надзора (из-за малочисленности и занятости «воинской охраны при заводах») и «без дела на казенном содержании». У Лавинского вызывало беспокойство то обстоятельство, что ссыльные оставались не только «без дела, но и главным образом, без надзора, который воинская охрана при заводах, в силу своей малочисленности и обязанности охранять магазины, кладовые и пр., не могла осуществлять должным образом»¹.

По его мнению, немногочисленность сельской и земской администрации препятствовала установлению должного контроля власти и над лицами, посланными на поселение. Лавинский подчеркивал, что такая ситуация приводила к росту числа побегов с заводов и поселений, увеличению масштабов преступности, причем ссыльные не испытывали сильного страха перед наказанием, поскольку оно было ограничено законом до известной степени. Выходом из сложившегося положения генерал-губернатору виделось применение против преступников из числа ссыльных Полевого уголовного уложения.

А. С. Лавинский указывал на несовершенство механизма взаимодействия гражданских и военных властей, полагая, что на основании §159 п. 3 Учреждения генерал-губернатор имел лишь формальный контроль над войсками. Такую двойственность он считал опасной и настаивал на передаче всего командования над войсками генерал-губернатору. По его мысли, соединение в одном лице высшей гражданской и военной властей значительно укрепило бы положение генерал-губернатора как единого начальника края [1, с. 27].

Волновало генерал-губернатора также неустройство внутренней стражи. Войска, расположенные в регионе, состояли большей частью из «порочных людей», переведенных сюда из других полков и команд после неоднократных наказаний. Эти люди продолжали совершать различные преступления «в настоящих местах служения», поэтому для укрепления состава воинских команд он предлагал комплектовать внутренние войска рекрутами, поступающими из внутренних губерний, набираемых же в Восточной Сибири отсылать в другие места, прерывая тем самым связи между солдатами, поселенцами и местными жителями. На места офицеров, «по дурному поведению для службы непригодных», генерал-губернатор намеревался назначить благонадежных –

¹ РГИА. Ф. 109 (III Отделение). 1 эксп. Оп. 8. Д. 253. Л. 8–8 об.

«из числа унтер-офицеров испытанной нравственности» и достойных производства в обер-офицерские чины². Итогом подачи этих предложений, оформленных в виде записки в адрес Верховного правительства, стала передача командования над войсками Восточной Сибири генерал-губернатору.

Александр Степанович Лавинский был женат на дочери директора Академии наук Андрея Осиповича Закревского и княжны Марии Ивановны Одоевской – Анне. Этот брак трудно назвать счастливым. В браке родилось двое детей – сын Сергей и дочь Елизавета. Дочь была больна, ей требовалось постоянное лечение. Мать увезла ее в Париж, где они и проживали, приняв католичество. Император Николай I потребовал от Лавинского возвращения жены. Анна с дочерью вынуждены были приехать в Иркутск. Жена осталась преданной католичкой, при ней находился ксендз. Дочь Елизавета плохо говорила по-русски, но отец ее очень любил. Вскоре он приобщил ее к православию, и на службах они появлялись вместе.

А. С. Лавинский был религиозен, старался не пропускать церковные службы, соблюдал посты. По статусу генерал-губернатору необходимо было посещать Богоявленский собор, главный храм Иркутской епархии. Но он предпочитал Тихвинскую церковь Иркутска, которую любил больше. Кроме того, он до страсти любил церковное пение, в котором отлично разбирался. При Тихвинской церкви был хор певчих, собранный из казаков и горожан. Сочетание умелой проповеди протоиерея Прокопия Громова, слаженности в действиях причта и церковного пения создавали удивительную гармонию церковной службы. Вскоре эту же церковь, желая быть ближе к генерал-губернатору, стали посещать многие чиновники и купцы, что не понравилось иркутскому архиепископу.

Быт генерал-губернатора был довольно скромным. Ему был предоставлен большой дом, однако в нем «хозяин края» устраивал только официальные приемы и давал балы. Сам проживал в небольшом флигеле при доме. На нижнем этаже жил сам, а на верхнем – дочь. А. С. Лавинский любил музыку и танцы, часто устраивал балы, был общителен. Его с удовольствием и радостью принимали во многих купеческих домах Иркутска. С иркутскими купцами он часто обсуждал нужды торгового промысла. По воспоминаниям Э. И. Стогова, занимавшего в 1830–1833 гг. пост начальника Иркутского адмиралтейства, «Лавинский был очень добрый человек, с большим тактом главного администратора. Лавинский все знал, что делается, на маленькие злоупотребления он смотрел снисходительно, а большие останавливал тем, что давал знать стороне, что это дело ему известно – и этого было довольно...» [9, с. 114].

После десяти лет пребывания в Сибири А. С. Лавинский неоднократно просил об освобождении его от должности иркутского генерал-губернатора. Первое прошение было направлено Николаю I в 1832 г. В ответ он получил от императора в подарок табакерку с портретом государя и бриллиантами и

² РГИА. Ф. 109 (III Отделение). 1 эксп. Оп. 8. Д. 253. Л. 13 об.

просьбу оставаться на своем посту. Николай I писал: «Если я найду Вам равного по достоинству, то где найду Вам равного по опытности» [9, с. 116]. Однако А. С. Лавинскому хотелось вернуться в Санкт-Петербург, двигали желанием его болезнь и необходимость устроить судьбу любимой дочери.

В 1833 г. он оставил пост сибирского губернатора и вернулся в столицу. Ни уговоры, ни даже угрозы А. Х. Бенкендорфа, ни личные обращения императора не заставили Лавинского вернуться в Иркутск. Ошибочно полагать, что он был отстранен от должности, как указывается в некоторых работах. Николай I ценил административные способности этого человека, о чем свидетельствует скорое назначение в Сенат, награждение в 1834 г. орденом Святого Владимира 1-й степени (ранее был награжден орденами Святой Анны 2-й степени с алмазами (1810 г.), Святого Владимира 2-й степени (1820 г.), Святой Анны 1-й степени и Святого Александра Невского (1829 г.)) и производство 31 декабря 1835 г. в действительные тайные советники. В 1836 г. А. С. Лавинский стал членом Государственного совета по Департаменту гражданских и духовных дел. Это было достойное завершение успешной карьеры.

В дальнейшем он был членом попечительских комитетов ряда учебных заведений и благотворительных учреждений: почетным опекуном (1837 г.) и председательствующим (1841 г.) совета управляющего Сохранной казной при Санкт-Петербургском воспитательном доме, членом советов, учрежденных при Воспитательном обществе благородных девиц, и училища ордена Святой Екатерины (1838 г.), почетным членом Московского общества сельского хозяйства.

Умер А. С. Лавинский 2 августа 1844 г. в Санкт-Петербурге. Похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

Другим был архиепископ Ириней. 25 января 1783 г. в семье священника с. Старые Дмитрушки Уманского уезда Киевской губернии Гавриила Нестеровича (или Несторовича), серба по национальности, и его жены-молдаванки родился сын, названный Иваном. Для мальчика из религиозной семьи карьера была определена заранее – это духовное поприще. Однако желание родителей и устремления самого Ивана Нестеровича совпадали. После обучения в семинарии он поступил в Киевскую духовную академию, которую с успехом окончил в 1805 г.

Как талантливого выпускника, его оставили в академии учителем математики, латинского и немецкого языков; а в 1810 г. перевели в Яссы в Молдовлахийское училище учителем русского и греческого языков. Карьера Ивана Нестеровича развивалась стремительно. В 1812 г. он был направлен в Кишинев для обустройства семинарии. 11 ноября 1813 г. принял постриг в монашество с именем Ириней, в дальнейшем рукоположен в иеромонаха, а в 1815 г. – в игумена Городищенского монастыря в Бессарабии. 25 мая 1817 г. был назначен архимандритом Курковского Рождество-Богородицкого монастыря Кишиневской епархии. По воспоминаниям адъютанта императора князя Голицына, при посещении Бессарабии Александром I архимандриту Иринее «был назначен час службы литургии. Приходит назначенный час, а службы нет. К архимандриту является адъютант, и от имени государя велит

ему служить. Тот в это время читал перед причащением положенные молитвы, и отвечает: “Ты адъютант царя земного, а я адъютант царя небесного”» [5, с. 163]. Этот случай заставил говорить об Иринее как об усердном слуге и ревнителе православия. В 1820 г. он получил новое назначение – на должность ректора Кишиневской семинарии, стал членом консистории. Именно здесь Иринею представился случай, изменивший его карьеру.

В Бессарабии была размещена 16-я пехотная дивизия под командованием генерал-майора Михаила Федоровича Орлова, члена тайного общества «Союз благоденствия». Орлов учредил в дивизии школу для нижних чинов взаимного обучения (ланкастерскую школу). Начальником этой школы он назначил Владимира Федосеевича Раевского, также входившего в «Союз благоденствия». Раевский использовал ланкастерскую школу для обучения солдат не только военному делу, но и основам политических знаний. Он готовил учебные программы и конспекты уроков для юнкеров и воспитанников школы. Новороссийский и бессарабский генерал-губернатор граф Михаил Семенович Воронцов поручил Иринею наблюдение за ланкастерскими школами как человеку, умевшему проникать в души людей. Увидев в этих школах рассадник свободомыслия, архимандрит составил донос на В. Ф. Раевского, который 6 февраля 1822 г. был арестован как «главный виновник ослабевшей дисциплины по 16-й дивизии». Необходимо сказать, что это был не единственный донос на Раевского, но Ириней своим поступком заслужил репутацию ревнителя монархических и государственных устоев.

Его деятельность не была забыта, уже в 1824 г. его вызвали в Петербург и назначили законоучителем 1-го кадетского корпуса. По воспоминаниям его выпускника Григория Даниловича Похитонова, «он учил в классе и проповедовал в церкви, но мы никогда не могли его вволю послушаться... Мы перед ним все были открыты; выбалтывали ему все наши горести. Проповеди его были неподготовленные, очень простые и теплые, всегда направленные к подъему наших чувств в христианском духе, и он произносил их прекрасным звучным голосом, который долетал во все углы церкви. Уроки же его, или лекции его отличались необыкновенной простотой и тем, что мы могли его обо всем спрашивать и прямо, ничего не боясь высказывать ему наши сомнения и беседовать» [8, с. 342–344].

После подавления восстания декабристов об архимандрите Иринее вспомнили. 31 января 1826 г. он был посвящен в сан епископа Пензенского и Саратовского. Это был крутой взлет в его карьере, но к административной деятельности Ириней оказался не готов. Его стремления к идеальному служению, порядку и образцу наталкивались на реалии провинциальной глубинки. Высокая планка служения, которой он придерживался сам, упиралась в неподготовленность сельского духовенства, многие представители которого по образу жизни и быту были более близки к крестьянству.

На новом месте служения владыка продолжал проповедовать, старался лично наставлять прихожан, думал о христианизации неправославного населения. Особое внимание архиерей уделял обрядности и правильности ведения служб, он требовал от причтов четкости и безукоризненности, чего

сложно добиться в обычной епархии. По воспоминаниям современников, «начинают певчие петь херувимскую, запоют; владыка крикнет: “Не ту!” Певчие находят другую и затягивают. Владыка: “Не ту!” Запоют третью, четвертую, пятую... А владыка все: “Не ту!”... Наконец поют, и владыка молчит. Значит – ту, и служба пойдет своим порядком» [5, с. 159].

Объезжая приходы, Ириней отстранял от служения и высылал в Пензу безграмотных священников. Заставлял их обучаться чтению, письму и правильному совершению богослужения. Однажды за такую поездку им было отстранено и выслано 50 человек. Его требовательность и строгость к приходскому духовенству поражала многих. Пошли разговоры о его чудачествах. Так, священнику с. Шереметевка дано было знать, что «приедет преосвященный; священник приказал вымыть пол. Преосвященный, входя в церковь, увидел, что пол сейчас вымыт, остановился и говорит: “Что вы к моему приезду полыто моете?”» Обернулся и назад уехал в следующее село, Лопуховку. Лопуховская церковь в это время ремонтировалась и около нее стояли леса. Преосвященный вышел из кареты, увидел леса и говорит: “Это что? Вы убить меня хотите? И поехал дальше”. В селе Вязовка архиерей приехал к обедне. Вошел на крыльцо, да и стал. Диаконны кадить, усердствовать, а преосвященный молчит, смотрит в землю и стоит. Диаконны перестанут немножко, да и опять примутся усердствовать: положат ладану, да и ну размахивать. А преосвященный стоит, да и только. Наконец-то лакей вынул из кармана платок, обтер ему ноги, и преосвященный пошел в церковь и стал служить» [Там же, с. 162].

Слухи о чудачествах архиерея быстро распространялись по епархии. Ириней любил повторять: «Хотя имя мое, Ириней, значит мир, но я ни с кем не мог быть в мире». Неожиданно 26 июля 1830 г. он получил назначение в Иркутск с возведением в сан архиепископа Иркутского, Нерчинского и Якутского. Во многих церквях прошли благодарственные молебны, а приходское духовенство вздохнуло свободнее.

Назначение Ириней связано с кончиной иркутского архиепископа Михаила. По оценке современника, писателя И. Калашникова, Михаил «был нрава кроткого, управлял паствою с христианскою кротостью и смирением. Любил просвещение и, присутствуя на экзаменах в гимназии в 1817 году, даже с соборной кафедры в архипастырском поучении убеждал жителей отдавать детей в училища» [3, с. 274]. Жители любили своего архипастыря. В Иркутске даже существовал обычай: в престольный праздник кто-либо из купцов города приглашал архиепископа на обед, Михаил скромно принимал приглашения. Принимать архиерея считалось особой честью. Святитель больше стремился к жизни духовной, был истинным монахом, смиренным, кротким, незлобивым. По доброте своей он распустил духовенство епархии, о чем знали в Синоде, но терпели из уважения к святителю.

Иркутяне считали его недостаточно решительным и обратились «к петербургскому митрополиту Серафиму с просьбой о назначении, на место скончавшегося, человека доброго, кроткого, не уклончивого, такого владыки, который мог бы защитить Иркутск от властей, подобных Трескину, на что и последовало повеление императора Николая Павловича “избрать самого твердого и надежного и перевести в Иркутск”» [6, с. 25].

На место службы Ириней прибыл 17 октября 1830 г. К этому времени уже сформировалась его политическая и общественная позиция. Ириней был сторонником независимой духовной власти и как мог отстаивал свои убеждения. Он часто повторял: «Я власть, я наместник Христа, другой власти нет!» Ириней говорил, что Сибирь, «в которой можно было видеть одновременно, на противоположных окраинах ее, восточной и западной, восхождение и захождение солнца», открывала огромные перспективы для реализации его планов³. Он стремился иметь власть, соединяющую духовное и светское начала, чувствовал необходимость усиления роли церкви в общественной жизни. Но его методы были ошибочны. По мнению историка Е. Н. Туманик, «в далекой сибирской провинции архиепископ поставил перед собой тайную цель небывалого возвышения, он хотел контролировать все – и духовное, и, негласно, светское – властвовать над умами и судьбами людей» [10, с. 402].

На верующих архиепископ Ириней производил огромное впечатление: «На вид ему было около 45 лет, – среднего роста, сложен очень правильно, не сухощав и не расположен к толстоте, движения очень грациозны и выражают физическую силу и энергию; лицо мужественно, принадлежит к типу южных славян; густой брюнет, глаза черные, большие, полные блеску, взгляд быстрый, пронизательный; волосы черные без седого волоса, густые, длинные, но крупно волнистые, чем скрадывали большую длину; волосы казались тонкими и блестящими, борода черная, небольшая; голос самый чистый – грудной мягкий тенор. Владел интонацией голоса так гибко, легко, так верно и хорошо...» [9, с. 103–104].

Его умение вести службы и произносить проповеди поражало прихожан. «Всякое служение, он говорил поучения экспромтом, поучения всегда строгие в слабостях без снисхождения, пороки громил и предавал анафеме, говорил просто, понятно, но рылся в слабостях мужчин и женщин без милосердия, как химик доискивался начала всех начал. Раз в женском монастыре говорил поучение, так глубоко объяснил им принятый ими обет и закончил таким грозным эпилогом... Все монахини рыдали истерически, некоторых вынесли в обмороке» [Там же, с. 104].

На новом поприще Ириней отличали большая энергия, активность, требовательность к подчиненным. За короткое время он привел в порядок дело-производство в консистории, принял меры к улучшению миссионерской деятельности. В декабре 1830 – феврале 1831 г. он обратился к епархиальному духовенству с указанием, чтобы причт церковью каждую субботу изучал священные и богослужебные книги, а причетники учились читать тексты без ошибок и занимались нотным пением. Старший священник церкви должен был каждую неделю отмечать, какие задания он давал членам причта, а также какие тексты они изучали и насколько успешно⁴. Конечно, эти распоряжения существенно усложнили обычные обязанности членов клира и едва ли им обрадовалось приходское духовенство. Ириней не учитывал особенности епархии, где лишь 23 % священников имели семинарское образование.

³ Русская старина. 1879. Т. 24. С. 377.

⁴ Сибирский архив. 1912. № 11. С. 851–855.

Любое неповиновение воле архиерея жестко наказывалось. Отстранения от служения шли одно за другим. Только в Иркутске Ириней отстранил от служения четырех протоиереев – Громова, Парнякова, Петухова, Масюкова. Приверженность архиерея внешним формам поражала: «Не обедня, а ротное ученье: Ключарь, перевяжи галстук архиерейскому – узлом назад! Священнику не подобает носить смазанные сапоги со скрипом – 20 поклонов! Читающему дьячку: Стой! Пропустил точку с запятой, читай снова, да не кобенься. Певчим – всем доставалось!» [9, с. 103]. В Иркутске проявилась еще одна черта характера Ириней – властность, он не терпел возражений ни в чем.

Иркутский городничий А. Н. Муравьев так описывал убеждения и действия владыки: «... он есть гонитель внутреннего истинного христианства, не требуя ни покаяния, ни сердечной молитвы... но токмо наружное хождение в церковь, поклоны... одни внешние знаки христианства... преследуя тех, кои, при наружном богослужении, упражняются и внутренним... насмешками, бранью и даже выходя из границ благопристойности, сжимая кулаки и телодвижениями, походящими на драку и побои». А. Н. Муравьев заключает: «Если он долго останется здесь, то истребит самое семя истинной религии...» [10, с. 404].

Серьезный конфликт произошел у Ириней с настоятельницей Знаменского женского монастыря Илларией (Нечаевой), происходившей из богатейшей купеческой семьи Басниных. Она сочетала в себе черты рачительной хозяйки, строгой и справедливой настоятельницы. Иллария вопреки предписанию архиепископа отказалась принять в монастырь беременную дочь священника. Она считала виновником греха самого архиерея. Не выдержав нападок архиепископа Ириней, она выступила против его самодурства и несправедливости. Иллария направила в Синод прошение с перечислением всех своих деяний для монастыря, а их было немало, и изложением причин гонения на нее со стороны архиепископа. Ириней, ссылаясь на неграмотность игуменьи, своим указом отстранил Илларию от управления Знаменским монастырем. Мощная поддержка братьев, купцов Басниных, вхожих в высшие московские и петербургские круги, помогли ей выстоять и победить в этой неравной, казалось бы, борьбе. После смещения Ириней она была полностью оправдана и восстановлена в правах игуменьи.

Одновременно Ириней начинает борьбу против представителей гражданской администрации. Главным своим противником он считал иркутского городничего А. Н. Муравьева, сосланного в Сибирь по делу декабристов и очень популярного среди жителей города. Муравьев снискал популярность своими административными мерами, не был замечен во взяточничестве и оказывал влияние на духовно-культурную среду: устраивал гуляния для обывателей и организовывал общегородские праздники. К тому же Муравьев был выдвиженцем А. С. Лавинского и находился под его покровительством. Таким образом, удар по иркутскому городничему ослаблял позиции самого генерал-губернатора, приблизившего к себе государственного преступника.

Сначала Ириней попытался действовать традиционным и испытанным методом. Он составил донос, обвинив Муравьева в негласных связях с декабристами, отбывавшими наказание в Петровском Заводе, но обвинения не подтвердились. Тогда он обвинил Муравьева в превышении административных полномочий, активном вмешательстве в сферу духовного управления, расколе иркутского купечества и духовенства на партии, поддержке «злонамеренной» части городского общества, а также чуть ли не в подготовке антиправительственного заговора с намерением стать «сибирским принцем» [4, с. 101]. Архиепископ привлекал на свою сторону всех недовольных действиями Муравьева, в частности главу городской думы купца К. П. Трапезникова. Ириней противился многим действиям Муравьева. Так, в бытность последнего городничим перед Владимирской церковью Иркутска был разбит сквер с дорожками и высажен кустарник. Архиепископ потребовал вырубить кустарник, сославшись на то, что видел, «как в кустах блуд творят». В мае 1831 г. во время крестного хода Ириней приказал городничему шествовать в своей свите, что не могло быть исполнено. В ответ на «непокорность» городничего владыка усилил свою травлю – во время проповеди в Богоявленском соборе он обрушился на Муравьева, не жалея черных красок и сравнений, понимая, что при стечении народа последний ответить не сможет. Муравьев вынужден был обратиться за поддержкой к генерал-губернатору А. С. Лавинскому.

Генерал-губернатор долгое время снисходительно смотрел на деятельность вновь назначенного архиерея. Заметим, что количество жалоб все возрастало, у А. С. Лавинского просили защиты обиженные архиереем чиновники, купцы, духовенство, духовные правления, члены консистории. Он вынужден был вмешаться и написал обер-прокурору Синода П. С. Мещерскому послание с подробным описанием действий Ириней и просил «об ограждении... от нападков и притязаний архиепископа». Иринейу пришлось грозное замечание, что еще более разозлило владыку. Теперь обвинения посыпались в адрес самого генерал-губернатора.

Архиепископ обвинил А. С. Лавинского в стремлении создать «новый собор» при Тихвинской церкви, «отвращении гражданских чиновников и почтеннейших граждан» от Богоявленского собора, «разстройстве духовенства», заведении «соблазнительной по театральному напеву казачьей капеллы», отделении для себя особого места, где «устроил возвышенное со ступенями седалище и принимал особенную от священнодействующих честь», покровительстве ламаизму. На воскресной службе в Богоявленском соборе, куда генерал-губернатор пришел в парадном, расшитом золотом мундире, Ириней публично в проповеди оскорбил Лавинского, назвав его «золотым тельцом», призвав «убегать таких людей, как заразы, губительной для души». Когда священник, по принятому обычаю, сделал легкий поклон в сторону генерал-губернатора, архиепископ на весь храм обрушился на него: «Кому ты кланялся? Ты – пастырь, кланялся овце твоего стада!» [9, с. 107].

А. С. Лавинский не подал вида, что оскорблен, но предпринял ответные действия. Он обратился лично к императору Николаю I и представил все действия архиепископа Ириней «как странности по умственному разстройству». Это был хорошо продуманный ход, поскольку император уважал церковных

иерархов и на конфликт с ними никогда бы не пошел. Высшее духовенство, соблюдая «честь мундира», явно поддержало бы своего представителя. Поводов для следственных действий не имелось, равных по статусу вакантных кафедр для перемещения тоже не было.

26 июня 1831 г. обер-прокурор Петр Сергеевич Мещерский огласил членам Синода повеление: «По дошедшим до государя императора сведениям о беспорядках, произошедших по Иркутской епархии во время управления оною архиепископа Ириней, и о предосудительных его действиях по коим полагать должно, что он подвергся разстройству умственных способностей, его величество высочайше повелеть соизволил удалить его немедленно от управления епархией и запереть в монастырь, с назначением ему содержания, а на место его представить кандидатов...» [4, с. 563].

9 июля 1831 г. Синод определил: «Означенного архиепископа Ириней, по таковым удалении от управления епархией, не допускать более до священнослужения... Пребывание ему иметь Вологодской епархии во второклассном Спасоприлуцком монастыре, где сверх бдительного за ним надзора настоятеля сего монастыря иметь таковой же и Вологодскому епархиальному архиерею, а касательно образа жизни и поступков доносить Синоду по треть года...» [Там же, с. 564–565]. Генерал-губернатору предписывалось найти надежного чиновника для препровождения архиерея в Вологду. На содержание Ириней в монастыре выделялось 1200 руб. в год.

18 июля 1831 г. Николай I назначил на иркутскую кафедру пермского епископа Мелетия (Леонтовича), и уже 23 июля 1831 г. Синод подготовил соответствующий указ.

В Иркутске эти документы получили 4 сентября 1831 г., хотя многие чиновники уже знали о случившихся в столице событиях. Город полнился слухами. Духовенству было объявлено упоминать в ходе богослужений в качестве архиерея Мелетия, при этом архиепископ Ириней находился в Иркутске. Действия властей вызвали вполне естественное возмущение последнего. Он объявил указ подложным и продолжал служения. Генерал-губернатор медлил с выполнением указа, что во многом и спровоцировало события 20 сентября 1831 г.

Мелетию «вместе с назначением на иркутскую паству, поручено было доставить Св. Синоду сведения о неблаговидных поступках Ириней и самого генерал-губернатора Лавинского, сильно взволновавших Иркутск. Высший слой общества поддерживал генерал-губернатора, а остальная и большая часть жителей стояла за архиерея» [2, с. 24]. Ириней обратился к членам Синода с прошением, в котором изложил свое видение событий. Главным виновником он выставил генерал-губернатора, якобы «присвоившего себе особые почести в церкви». Было начато следствие, которому удалось установить: 1) ничего отличающегося от обыкновенных приходских церквей в Тихвинской церкви не было; 2) певчие, собранные еще при губернаторе Трескине, «поют протяжно и ничего соблазнительного в их пении не замечено»; 3) певчие имели небольшое особое помещение, но только для приготовления к пению; 4) генерал-губернатор Лавинский никакого «возвышенного со ступе-

нями седалища не устроил». В церкви оставались два кресла со времен Трескина, но Лавинский ими не пользовался, и лишь его дочь опиралась на них, когда ей становилось трудно стоять; 5) служители иногда «медлили со службой» в ожидании прибытия генерал-губернатора, но лишь для того, чтобы не прерывать службы с его приходом и не отвлекать других прихожан, но не более чем на четверть часа; 6) иногда генерал-губернатору дьяконом подносились отдельные просфора и вино, что было заведено ранее. Синод издал специальный указ архиепископу Мелетию, запретив впредь оказывать генерал-губернатору какие-либо особые почести в церкви.

Действия архиепископа Ирины никто не решился назвать антиправительственным выступлением, хотя среди иркутян прочно закрепилось слово «бунт». Формулировка «помрачение умственных способностей» в этих условиях оказалась как нельзя кстати. Удаление строптивого владыки положило конец одному из самых острых конфликтов между светской и духовной властями в Восточной Сибири.

После своего удаления в Спасо-Прилуцкий монастырь Ириней, «ведя строго-подвижническую жизнь... успел заслужить глубокое уважение жителей Вологды». Членам Синода стало ясно, что о душевной болезни нового монаха говорить не приходится, ему был возвращен сан архиерея и разрешено церковное служение. С 1848 г. он управлял Ярославским Толгским монастырем. Там он и умер 18 мая 1864 г.

События, произошедшие в Иркутске 20 сентября 1831 г., говорят нам о сложных взаимоотношениях светских и духовных властей. Усиленные личными качествами двух администраторов – архиепископа Ирины и генерал-губернатора А. С. Лавинского, они вылились в открытое противостояние, от которого ни одна из сторон не получила выигрыша. Стало очевидно, что церковь уже не имеет той экономической и политической мощи, чтобы воздействовать на гражданскую администрацию; а светские власти не имеют рычагов влияния на церковь. Необходима была новая модель взаимодействия церкви и гражданской администрации в Восточной Сибири, что могло бы способствовать развитию края. И лишь отношения генерал-губернатора Н. Н. Муравьева-Амурского и святителя Иннокентия (Вениаминова) заложили основы этой модели.

Список литературы

1. «Господин главный начальник края»: история Восточно-Сибирского и Иркутского генерал-губернаторств / сост. И. П. Белоус, Л. М. Дамешек [и др.] ; науч. ред. И. Л. Дамешек. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. 83 с.
2. Дулов А. В., Санников А. П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX веков. Иркутск, 2006. Ч. 2. 324 с.
3. Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. 544 с.
4. Ириней Нестерович, архиепископ Иркутский // Русская старина, 1882. С. 95–118, 561–586.
5. Ириней, епископ Пензенский // Русская старина. 1879. С. 159–163.
6. Иркутск, его место и значение в истории и культурном развитии Сибири. М., 1891. 278 с.

7. К истории декабристов [Предписание И. Б. Цейдлеру, 1 сентября 1826] // Исторический вестник. 1898. Т. 72. Май.
8. Лесков Н. С. Собрание сочинений. М., 1957. Т. 6. 688 с.
9. Стогов Э. И. Бунт архиепископа Иринея // Русская старина. 1878. С. 99–117.
10. Туманик Е. Н. «Бунт» архиепископа Иринея: причины и тайные пружины // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С. 399–405.

Archbishop Irinej and Governor-General Lawinski: The Path to Confrontation between the Secular and Spiritual Authorities

I. L. Dameshek, A. P. Sannikov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The institute of governor-general authorities is one of the most important political institutes of imperial Russia. Its importance in the country's outlying territories was exceptional. At the same time, the importance of the Russian Orthodox Church in the outlying regions of the country was also significant. The Church promoted the integration of the country's outlying territories into a single imperial framework. Unfortunately, in world and Russian history there have been numerous instances of confrontation between secular and spiritual authorities. These confrontations often led to open conflicts. An example of this is the confrontation between the governor-general of Eastern Siberia Lawinski A.S., and Irkutsk Archbishop Irinej, discussed in this article.

Keywords: power, governor-general, Russian Orthodox Church, archbishop, governance, conflict of authorities.

For citation: Dameshek I. L., Sannikov A. P. Archbishop Irinej and Governor-General Lawinski: The Path to Confrontation between the Secular and Spiritual Authorities. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2021, vol. 38, pp. 36–51. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.36> (in Russian)

References

1. Belous I.P., Dameshek L.M. et al. “*Gospodin glavnyj nachal'nik kraja*”: istoriya Vostochno-Sibirskogo i Irkutskogo general-gubernatorstv [“Lord chief of the region”: History of the East Siberian and Irkutsk governor-generalships: Textbook]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2013. 83 p. (in Russian)
2. Dulov A.V., Sannikov A.P. *Pravoslavnaya cerkov' v Vostochnoj Sibiri v XVII – nachale XX vekov* [The Orthodox Church in Eastern Siberia during the 17th – early 20th centuries]. Irkutsk, 2006, part 2, 324 p. (in Russian)
3. *Zapiski irkutskih zhitelej* [Notes of Irkutsk residents]. Irkutsk, 1990, 544 p. (in Russian)
4. Irinej Nesterovich, arhiepiskop Irkutskij [Irinej Nesterovich, the Archbishop of Irkutsk]. *Russkaya starina* [Russian antiquity], 1882, pp. 95–118, 561–586. (in Russian)
5. Irinej, episkop Penzenskij [Irinej Nesterovich, the Bishop of Penza]. *Russkaya starina* [Russian antiquity], 1879, pp. 159–163. (in Russian)
6. Irkutsk, ego mesto i znachenie v istorii i kul'turnom razvitii Sibiri [Irkutsk, and its place and significance in the history and cultural development of Siberia]. Moscow, 1891, 278 p. (in Russian)
7. *K istorii dekabristov (Predpisanie I.B. Cejdleru, 1 sentyabrya 1826)* [To the History of Decembrists (Instruction to I.B. Zeidler, September 1, 1826)]. *Historical Bulletin*, 1898, vol. 72, May.

8. Leskov N.S. *Sobranie sochinenij* [The collected works]. Moscow, 1957, vol. 6, 688 p. (in Russian)
9. Stogov E.I. Bunt arhiepiskopa Irineya [Revolt of the Archbishop Irinej]. *Russkaya starina* [Russian antiquity], 1878, pp. 99-117. (in Russian)
10. Tumanik E.N. "Bunt" arhiepiskopa Irineya: prichiny i tajnye pruzhiny [The revolt of the Archbishop Irinej: causes and secret springs]. *Problemy istorii, russkoj knizhnosti, kultury i obshchestvennogo soznaniya* [Problems of history, Russian literacy, culture and social consciousness], Novosibirsk, 2000, pp. 399-405. (in Russian)

Дамешек Ирина Львовна

доктор исторических наук, профессор,
Педагогический институт
Иркутский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: dameshek@rambler.ru

Dameshek Irina Lvovna

Doctor of Sciences (History), Professor,
Irkutsk State University, Pedagogical
Institute
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: dameshek@rambler.ru

Санников Александр Павлович

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории России
Иркутский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: aps.72@mail.ru

Sannikov Alexandr Pavlovich

Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, Department of History of Russia
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: aps.72@mail.ru

УДК 61(571.53)(091)

<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.52>

Система управления медицинскими учреждениями Российской империи конца XIX – начала XX в. (на примере Восточной Сибири)

В. А. Шаламов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Изучается система медицинских учреждений Восточной Сибири, которая от общеимперской отличалась рядом особенностей. Отмечается такая характерная для Сибири черта, как отсутствие земства, что позволяло сохраниться архаичным медицинским учреждениям в виде приказов общественного призрения и сельско-врачебной части. Уделяется внимание самостоятельным медицинским учреждениям для работников железной дороги, водного транспорта, горного ведомства, кабинета Его Императорского Величества, армии и забайкальского казачества, а также медучреждениям в тюрьмах и на кааторге. Исследуется система управления такой разрозненной и разросшейся конструкцией здравоохранения.

Ключевые слова: история здравоохранения, история медицины, система управления, Российская империя, медицинская администрация.

Для цитирования: Шаламов В. А. Система управления медицинскими учреждениями Российской империи конца XIX – начала XX в. (на примере Восточной Сибири) // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2021. Т. 38. С. 52–64. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.52>

Особенностью медицинской сферы Российской империи было то, что она имела чрезвычайно дробный характер. Частная медицина соседствовала с общественной, а та в свою очередь с государственной. При этом государственная система здравоохранения была рассредоточена по множеству ведомств, начиная с военно-санитарного управления и заканчивая архаичным приказом общественного призрения. Соответственно, перед нами возникает неизбежная задача рассмотреть, как выглядела система управления всей этой разросшейся сферы, на примере Восточной Сибири.

Начнем с центральных органов управления. Как известно, в 1802 г. были учреждены министерства. В ходе нескольких преобразований в недрах Министерства внутренних дел в 1819 г. выделяется медицинский департамент, ведавший всеми вопросами врачебно-санитарной части по гражданскому сектору [7, с. 87–88]. Борьба с недостатками системы здравоохранения в течение XIX в. привела к чрезмерной опеке медицинским департаментом местных лечебных учреждений и медицинских работников. Система бюрократизировалась и мало отвечала своему назначению. В ходе земской реформы 1864 г. и городской реформы 1870 г. медицинское обеспечение было передано в руки местного самоуправления. Департамент лишь формально сохранил общий

контроль. Однако в Сибири земство создано не было, поэтому казенное здравоохранение со всеми его недостатками сохраняло свои позиции.

В 1886–1889 гг. работала комиссия во главе с С. П. Боткиным по вопросу улучшения санитарных условий и снижения смертности в России, где был сделан вывод о необходимости учреждения централизованного ведомства, которое сосредоточит в своих руках все дело оказания медицинской помощи в империи. Был предложен проект создания Министерства здравоохранения, поскольку медицинский департамент не имел ни достаточных средств, ни юридического статуса, ни кадрового потенциала. Однако из-за сопротивления ведомств, имеющих медицинские службы, проект не был воплощен в жизнь [6, с. 46]. С этого времени идея единства медицинских организаций овладела медицинской общественностью. До Первой мировой войны было образовано еще шесть комиссий и совещаний, которые разбирали вопрос, связанный с учреждением Министерства здравоохранения, но результат оставался тем же [4, с. 60–61].

Наибольшее значение имела комиссия под председательством Г. Е. Рейна, которому удалось в 1910 г. убедить Николая II в необходимости создания Министерства народного здоровья¹. И хотя председатель правительства П. А. Столыпин не разделял эти идеи, он способствовал работе над проектом, а также над другими инициативами, которые могли улучшить санитарное состояние империи [2, с. 50–52]. К сожалению, убийство П. А. Столыпина прервало эти труды. Госдуме 3-го созыва удалось принять лишь корректирующие законодательные акты [5, с. 54–57]. Таким образом, из-за бюрократического сопротивления внутри государственного аппарата первое в мире Министерство здравоохранения так и не было учреждено.

Представим структуру управления здравоохранением на местах. Во 2-й половине XIX в. в сибирских губерниях все медицинское управление было сосредоточено у врачебных управ. Все важнейшие вопросы о перестановке сотрудников, введении санитарных норм, заключении договоров и т. п. решались коллегиально. Врачебный инспектор выступал как исполнитель решений врачебной управы². С преобразованием сибирских губернских учреждений по закону от 1 июня 1895 г. врачебные управы были расформированы³. На их месте были образованы врачебные отделения при губернских правлениях. Формально врачебное отделение превратилось в высшее санитарное учреждение в регионе. Однако напрямую инспекторам подчинялись лишь сельско-врачебная часть и учреждения приказа общественного призрения, а также частные и общественные учреждения. От других ведомств получить какие-либо сведения или добиться участия в общей работе было затруднительно.

Реформа сельско-врачебной части 1897 г. в Иркутской и Енисейской губерниях и Якутской области, а также 1901 г. в Забайкальской области утвердила штаты управлений. В губерниях по штату полагалось иметь двух по-

¹ Рейн Г. Е. Из пережитого. 1907–1918. Берлин : Парабола, 1935. С. 64–65.

² Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 43. Оп. 1. Д. 4. Л. 28, 51, 78 и др.

³ ГАИО. Ф. 25. Оп. 18. Д. 201. Л. 1.

мощников врачебного инспектора, а в областях – только одного. Для управления фармацевтической сферой вводится должность фармацевта при всех врачебных отделениях, кроме отделений Якутской области, где число аптек было невелико. В качестве мобильного кадрового резерва была установлена должность врача для командировок: в губерниях – по два, а в областях – по одному. Кроме того, полагалось иметь вспомогательный персонал в лице делопроизводителей и их помощников, численность которых со временем увеличивалась⁴.

Как ни странно, но в Иркутском генерал-губернаторстве не предусматривалось соответствующей должности врачебного инспектора. В случаях, когда возникала необходимость, генерал-губернаторы пользовались услугами иркутского врачебного инспектора, хотя обслуживать генерал-губернатора не входило в его обязанности. Об этом, в частности, в своем всеподданнейшем докладе за 1910–1911 гг. сообщал генерал-губернатор Л. М. Князев. Предлагалось учредить должность районного или окружного врачебного инспектора, который действовал бы в пределах Иркутского генерал-губернаторства⁵. Однако в центре считали, что эта должность будет дублировать губернских и областных инспекторов, поэтому разрешения на ее учреждения так и не последовало.

Государственно-общественные институты по оказанию помощи нуждающимся включали в себя приказы общественного призрения, созданные по указу Сената 1775 г. [8, с. 97]. Иркутский приказ общественного призрения распространял свое действие на Забайкальскую и Якутскую области. С введением земских учреждений (1864 г.) и учреждений городского общественного управления (1870 г.) к ним перешли обязанности приказов общественного призрения. Ввиду отсутствия земств в Сибири приказы общественного призрения здесь были сохранены. Реформа 1870 г. предполагала передачу больниц в ведение городского самоуправления, но, как правило, город за недостатком средств отказывался от этого [15, с. 125]. В итоге горожане не имели полноценных стационаров. В ветшающих больницах приказа чаще всего лечились арестанты, солдаты и богадельщики. После проведения новой городской реформы 1892 г. вновь возник вопрос об учреждении приказа общественного призрения. В 1895 г. в связи с преобразованиями губернского управления приказы были включены в состав врачебных отделений [1, с. 253–256]. Однако учреждения оставались в плачевном состоянии.

В Енисейской губернии из пяти учреждений только Енисейск взял больницу на свой бюджет [15, с. 125]. Остальные существовали на проценты с капитала, оставшегося от приказной системы. В Иркутской губернии ситуация была сложнее. В подчинении местного приказа находилась Якутская гражданская больница и больница на Туркинских минеральных водах (ныне Горячинск), расположенная в Забайкальской области. Создалась парадоксальная ситуация, вызвавшая сложности в управлении. К примеру, больница на

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3 (ПСЗРИ-3). Т. XVII. Отд. 1. 1897. № 14188. С. 316–319; ПСЗРИ-3. Т. XXI. Отд. 1. 1901 г. № 20352. С. 632–633.

⁵ ГАИО. Ф. 25. Оп. 3. Д. 3296. Л. 14–15.

Туркинских водах располагалась в 400 верстах от Иркутска, где находилось управление, и в 170 верстах от Верхнеудинска. До 70 % пользующихся курортом были жителями Забайкальской области, а содержалось учреждение на средства Иркутской губернии⁶. Иркутское врачебное управление через посредничество губернатора пыталось передать больницы властям по принадлежности еще в 1889 г. Однако забайкальский военный губернатор отказался его принять, поскольку в бюджете не были предусмотрены средства на ее содержание. В 1896 г. были получены дополнительные средства из земской сметы Иркутской губернии, что позволило произвести необходимый ремонт⁷. В 1897 г. врачебный инспектор Н. Е. Маковецкий выезжал в Якутск по заданию губернатора для упорядочивания дел Якутской больницы⁸. Только после того, как объекты были приведены в надлежащее состояние, их в 1900 г. передали в ведение соответствующих областных правлений⁹. С этого времени приказная система сохраняла контроль только над учреждениями в Иркутске, Киренске и Нижнеудинске¹⁰.

Формально городские самоуправления не обязаны были содержать медицинские учреждения. В городах, где существовали приказные больницы, городские власти не стремились создавать собственные учреждения. Они предпочитали обходиться малой кровью, выдавая приказу общественного призрения небольшие суммы из городских бюджетов. Так, Иркутск платил Кузнецовской больнице 10 тыс. руб. на содержание сверхштатных коек и 1,5 тыс. руб. за дезинфекционную камеру. Общие же расходы этой приказной больницы составляли 88,5 тыс. руб., в силу чего город не решался взять ее на свой бюджет¹¹. Такая же ситуация наблюдалась в Красноярске, где городское управление выплачивало приказной больнице 7,5 тыс. руб. и 2 тыс. руб. хирургическому барaku общества врачей¹². В исключительных случаях город оказывался вынужденным брать на себя финансирование больницы. Как правило, речь шла о больницах, в нагрузку с которыми шел крупный капитал. Большой опыт в этом плане имел Иркутск – иркутские купцы неоднократно учреждали больницы (Медведниковская для хроников, Солдатовская мещанская и Ивано-Матренинская детская)¹³. Малые города, в которых располагались резиденции сельских врачей, пользовались услугами сельско-врачебной части, участвуя в земских сборах¹⁴.

В Забайкалье не было создано приказной системы, поэтому крупные города вынуждены были открывать собственные больницы. Они имелись в

⁶ ГАИО. Ф. 32. Оп. 9. Д. 741. Л. 10–13 с об.

⁷ ПСЗРИ-3. Т. XVIII. Отд. 1. 1898. № 15514. С. 420.

⁸ ГАИО. Ф. 25. Оп. 18. Д. 201. Л. 1 с об.

⁹ Там же. Ф. 32. Оп. 9. Д. 741. Л. 34, 36.

¹⁰ Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 146. Л. 5.

¹¹ Там же. Л. 5 с об., 8 с об.

¹² Сибирская врачебная газета. 1910. № 36.

¹³ ГАИО. Ф. 32. Оп. 9. Д. 688. Л. 84 об.

¹⁴ Памятная книжка Иркутской губернии на 1912 год. Иркутск : Губ. тип., 1912. С. 232; Адрес-календарь Якутской области на 1905 год. Якутск : Тип. обл. упр., 1905. С. 25–30; Памятная книжка Забайкальской области на 1912 год. Чита : Электротипография Забайкальского обл. правления, 1912. С. 40, 45, 79.

Чите, Верхнеудинске, Троицкосавске и Нерчинске. Все они содержались на городские средства. Прием был платный, но оплата не покрывала расходы. В Чите в 1906 г. был введен больничный сбор с населения города¹⁵. Однако и такая система не позволяла свести концы с концами. На больницу тратили около 60 тыс. руб., больничный сбор давал 9 тыс., плата за лечение – 10 тыс. Но расход оставался высоким¹⁶.

При городских самоуправлениях существовали санитарные советы или комитеты, состоящие из медперсонала, находившегося на городской службе. Однако эти органы играли лишь консультативную роль. Практика показывала, что «отцы города» зачастую не считались с их мнением¹⁷. Стоит учитывать, что в управлении городов преобладали купцы-предприниматели, заведения которых периодически приходилось осматривать санитарным врачам. Наложение штрафов за неподобающее санитарное состояние приводило к излишним расходам.

В Сибири функции учреждений земской медицины выполняла сельскохозяйственная часть губернских и областных управлений, которые были далеки от нужд населения. Практически при каждом генерал-губернаторе разрабатывались новые проекты введения земства в Восточной Сибири, но ни один так и не был реализован [14, с. 60–70]. Между тем в Сибирский край усиливается поток переселенцев, знакомых с налаженной деятельностью земской медицины. Перед властью встал вопрос о расширении сети существующих медицинских учреждений в сельской местности. Однако это потребовало бы в короткий срок значительно увеличить финансирование. Вместо этого имперская администрация избрала паллиативные меры – была создана специальная медицинская служба для переселенцев. Еще в 1893 г. в Томской губернии было заложено четыре первых переселенческих пункта, в том числе в Боготоле. В Центральном переселенческом управлении во главе медицинского дела находился обычный чиновник, не имеющий никакого отношения к медицине¹⁸. Первоначально медицинская помощь в пути переселенцам обеспечивалась железной дорогой. Однако в 1906 г. сложилось два района передвижения, границей между которыми был Иркутск. В 1910 г. границы были пересмотрены. Теперь вся Восточная Сибирь вошла в подчинение заведующему Восточным районом передвижения. Среди прочего он отвечал за организацию медицинской помощи, которая осуществлялась на переселенческих пунктах. Наиболее крупные из них – в Тулуне, Иркутске, Сретенске – возглавляли переселенческие чиновники, а мелкие – врачи или служащие по хозяйству. В каждой губернии был назначен заведующий переселенческим районом. На местах открывались врачебные и фельдшерские пункты [3, с. 41–44]. Врачи и фельдшеры оказывались под жестким контролем заведующих подрайонами, что создавало неудобства, когда регламентация доходила

¹⁵ Русский врач. 1906. № 29.

¹⁶ Сибирская врачебная газета. 1911. № 44.

¹⁷ Там же. 1910. № 36.

¹⁸ Труды первого съезда врачей Томской губернии (9–14 сент. 1917) / под ред. П. И. Чистякова. Томск : Печатня С. П. Яковлева, 1917. Вып. 1. С. 141–142.

до крайностей. Так, «Врачебная газета» в 1912 г. отметила выход в отставку сразу двух врачей в Забайкалье, отказавшихся подчиняться чиновникам, которые имели лишь домашнее образование, но контролировали медицинскую деятельность¹⁹. Часто противодействие чиновников вызывали факты оказания медпомощи старожильческому населению. Из морально-этических принципов медперсонал зачастую не мог отказать в просьбе. Лишь в 1910 г. было принято решение по возможности оказывать помощь и другим категориям населения²⁰. Такой дуализм, сложившийся в сельской местности, неизбежно вызывал нарекания. Стали чаще звучать призывы к объединению ведомств.

В 1851 г. в Забайкалье было сформировано Забайкальское казачье войско. В административном плане до 1898 г. имелось три отдела: 1-й (центр в Троицкосавске), 2-й (в Акше) и 3-й (в Сретенске). Позднее выделился 4-й отдел (в Нерчинске). Медицинская часть в Забайкальском казачьем войске была представлена врачебно-санитарным советом при хозяйственном правлении войска, который возглавлял старший войсковой врач. Первоначально им был А. Г. Цитович, одновременно являвшийся главой системы здравоохранения Забайкальской области. Позднее его сменил Н.-И. И. Араксимович. Финансирование осуществлялось Военным министерством. Старший войсковой врач подчинялся сначала окружному военно-санитарному инспектору Приморского, а с 1906 г. Иркутского военного округа [10, с. 17]. Управление медицинскими учреждениями было таким же, как и в армии. Главами больниц считались атаманы. Врачи и фельдшера отвечали только за лечебную часть. Разный объем финансирования создавал разные возможности, отсюда возникали противоречия между крестьянами, переселенцами и казаками. Иркутские и енисейские казаки не имели собственных медицинских служб, но достигли договоренности с ближайшими к их месту жительства медучреждениями²¹.

Одним из источников возникновения и распространения инфекционных заболеваний были места заключения, поэтому при тюрьмах действовали лечебные учреждения и работал персонал. В XIX в. управление ими осуществлялось посредством губернских и областных комитетов попечительных обществ о тюрьмах. В 1895 г. в связи с реформой губернского управления были образованы тюремные отделения во главе с тюремными инспекторами, руководившими администрациями тюрем [9, с. 257–260]. В Забайкалье при тюремной инспекции имелось управление Нерчинской каторги. Больницы с их персоналом подчинялись администрации тюрем. Оплата труда медперсонала была настолько низкой, что практически весь период кадры заполнялись за счет совместителей. Для ссыльных в 1889 г. было принято решение Государственного совета о выделении специальной суммы по тюремному ведомству. С этого времени ссыльный мог приниматься в лечебные сельские или городские лечебные заведения, а тюремное ведомство по требованию выплачивало необходимую сумму²².

¹⁹ Врачебная газета. 1912. № 28.

²⁰ Сибирские вопросы. 1910. № 44.

²¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 28. Д. 39. Л. 1–5.

²² ПСЗРИ-3. Т. IX. 1889 г. № 5733. С. 37.

Железная дорога во все времена была зоной повышенной опасности, поэтому имела в своем составе медицинскую службу. Ряд историков считают датой ее возникновения 1886 г., когда был организован съезд врачей и представителей железных дорог. Таким образом, к началу строительства Транссибирской магистрали в 1891 г. уже существовала юридическая основа для создания соответствующей структуры. В 1893 г. принимаются Правила врачебно-санитарной службы на железных дорогах, открытых для общественного пользования. Этот документ до 1914 г. дополнялся семь раз по мере возникновения потребности [16, с. 37–39].

В 1894–1899 гг. велось строительство Среднесибирской железной дороги в пределах Восточной Сибири. Кругобайкальская дорога возводилась в 1899–1904 гг., Забайкальская – в 1895–1900 гг., западный участок Амурской – в 1907–1913 гг. При управлениях строительством были выделены врачебные службы во главе со старшими врачами. По мере возведения объектов вблизи станций строились больницы и приемные покои. Старший врач отвечал за санитарное состояние дороги, лечение рабочих и порядок в подотчетных учреждениях. В своей работе он подчинялся начальнику строительства дороги²³.

После сдачи дороги в эксплуатацию образовывалось управление. Среднесибирская дорога была преобразована в Томскую с центром в Томске. Центром Забайкальской дороги был Иркутск. Во главе врачебного отдела Забайкальской дороги в рассматриваемый период стояли старшие врачи Н. В. Попов и П. Н. Кудрявцев. Подчинение оставалось тем же. Соответственно, границы железных дорог и губерний не совпадали. По мере развития каждая дорога обустроивалась, и старшим врачам приходилось работать с постоянно растущим хозяйством. Медперсонал железной дороги не обязан был принимать посторонних лиц, что изредка вызывало конфликты с сельскими врачами [16, с. 37–40].

Водные пути сообщения длительное время не были обеспечены медицинской помощью. В 1907 г. пароход из Енисейска занес эпидемию оспы в Туруханский край. Этот случай получил огласку и политическое звучание в среде депутатов Государственной думы. Местные власти вынуждены были отправить в низовья Енисея отряды Красного Креста²⁴. По всей видимости, эти факты подвигли власть на организацию в 1913 г. санитарного надзора на водных путях Сибири, в частности в Томском округе путей сообщения. Структура управления была такой же, как на железной дороге. Было выделено четыре санитарных участка, в их числе Обь-Енисейский с центром в Красноярске²⁵. Возглавила участок О. Ф. Попова, по мужу Крачковская²⁶. Прочие территории Восточной Сибири не имели и этого.

²³ Положение о врачебной службе на строящейся Забайкальской железной дороге. Иркутск : Типолит. П. И. Макушина, 1896. С. 1–3.

²⁴ Сибирские вопросы. 1908. № 19–20.

²⁵ Труды первого съезда врачей Томской губернии (9–14 сент. 1917) / под ред. П. И. Чистякова. Томск : Печатня С. П. Яковлева, 1917. Вып. 1. С. 15.

²⁶ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 643. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

Промышленные предприятия также являются зоной повышенной опасности. И в первую очередь это касается горных разработок. Важнейшим промышленным центром в Забайкалье был Нерчинский округ кабинетного ведомства. По примеру частных предприятий в нем имелись больницы и соответствующий персонал. В 1902 г. была проведена реформа, в результате которой в Главном управлении округа появляются медицинский инспектор и фельдшер. Собственного управления выделено не было. Инспектор пользовался общей канцелярией управления. Инспекторами служили А. С. Подтягин, Е. В. Бек. В хозяйственном плане инспектор подчинялся управляющему округом²⁷. Нужно сказать, что медицинская работа была поставлена достаточно хорошо.

Промышленность Сибири была представлена преимущественно частными предприятиями или компаниями. Губернские и областные горные присутствия не имели медицинского надзора на приисках, однако они пытались регулировать медицинское дело своими постановлениями, составляемыми на основе Горного устава. Как правило, из этого мало что выходило. К примеру, по постановлению 1898 г. предписывалось иметь на приисках на каждые 1500 рабочих одного врача и на 300 человек одного фельдшера, на 100 человек – кровать в больнице или приемном покое [11, с. 30]. Однако мелкие подрядчики лишь формально заключали договор с крупной компанией об обслуживании своих заболевших рабочих, на практике этот договор не исполнялся²⁸. Медперсонал на прииски нанимался самими компаниями. Золотопромышленники подбирали себе «удобных врачей» и никогда не интересовались деловыми и нравственными качествами последних [15, с. 165]. Попытки государства создать казенную медицинскую организацию в приисковых районах в 1904 и 1909 гг. вызывало бурную реакцию промышленников, которые понимали, что это приведет к последующему ужесточению мер. Они стремились не допустить власть до подконтрольных территорий²⁹. На похожих условиях работали медицинские учреждения прочих промышленных предприятий Восточной Сибири.

Часто промышленники стремились переложить траты на медпомощь на самих рабочих. Для этого с 1880-х гг. с рабочих стали взysкивать больничный сбор (2,5 руб. в год с мужчин и 1,5 руб. с женщин). Как правило, эти деньги попадали в руки управляющих, которые не всегда использовали их по назначению. Изредка создавались различного рода фонды с участием рабочих и предприятий. Например, в Бодайбо Иркутской губернии был образован фонд помощи с участием золотопромышленников разных компаний и рабочих (взималось по 10 коп. в год с человека). Там же был организован фонд приюта для больных и бездомных рабочих на похожих условиях [11, с. 35]. Исходя из вышесказанного, стоит отметить крайне запущенное состояние дел по оказанию медпомощи на промышленных предприятиях. Главным образом причина состояла в нежелании государства вмешиваться в дела частного

²⁷ ПСЗРИ-3. Т. XXII. Отд. 2. 1902 г. № 21740. С. 247–249.

²⁸ Сибирские вопросы. 1912. № 16.

²⁹ Врачебная газета. 1909. № 45.

предпринимателя. Государство соблюдало тем самым неприкосновенность собственника, одновременно попирая право на здоровье тысяч людей.

Когда государственная система здравоохранения оказывалась неэффективной, в дело вступали общественные организации. В Восточной Сибири они играли важную роль, ведя ту или иную деятельность в области здравоохранения (Российское общество Красного Креста, Всероссийская лига борьбы с туберкулезом, Общество борьбы с заразными болезнями и некоторые другие). Большинство из них представляли местные отделения общероссийских организаций. Они имели сходную организацию управления: члены общества формировали правление, избирались председатель, его товарищ, казначей и ревизионная комиссия, собрания обычно созывались раз в месяц, составлялись протоколы, которые иногда публиковались. Общества существовали на членские взносы и добровольные пожертвования. Казначей едва сводил концы с концами. Российскому обществу Красного Креста подчинялись общины сестер милосердия, лечебные заведения и местные отделения Красного Креста. Местные отделения существовали в Красноярске, Верхнеудинске, Якутске. Общества врачей имели разнообразные учреждения, например: Общество врачей Восточной Сибири взяло на себя организацию Михеевской лечебницы, а также бактериологическую лабораторию [12, с. 51–56]; Общество врачей Енисейской губернии открыло Александровский хирургический барак, а в 1896 г. – аптеку. Доходы с аптеки позволяли Обществу безбедно существовать и содержать за свой счет лечебницу, хирургический барак и открытую в 1889 г. фельдшерскую школу [13, с. 15–20]. Это единственный пример, когда общественная медицинская организация хорошо наладила деятельность подведомственных учреждений с экономической точки зрения. В Якутске Общество врачей приобрело единственную в городе аптеку за крупную сумму, которую получило в кредит³⁰.

Еще одной стороной работы обществ врачей стали ночные дежурства, своеобразные пункты скорой помощи, но действовали они на добровольных началах и, как правило, больше двух-трех лет не функционировали, пока вновь не подбирался деятельный состав³¹. Всероссийская лига борьбы с туберкулезом с 1911 г. стала проводить в Сибири «дни белой ромашки». Деньги, собранные за продажу ромашек, шли на борьбу с туберкулезом. В 1912 г. в Красноярске, Иркутске и Чите появляются местные отделения Лиги, которые организовали бесплатные амбулатории, убежища, проводили мероприятия для больных этим недугом³². К сожалению, деятельность этого полезного общества была недолгой, поэтому о результативности судить не приходится. Иркутское отделение Общества борьбы с заразными болезнями сохранило в Усть-Орде фельдшерский пункт³³. Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых с начала XX в. обратило внимание на Сибирь, где фиксировалось большое количество случаев глазных заболеваний.

³⁰ Сибирская врачебная газета. 1908. № 22.

³¹ Там же. № 37.

³² Там же. 1914. № 8; Там же. № 11.

³³ ГАИО. Ф. 32. Оп. 9. Д. 738. Л. 3–70; Там же. Д. 739. Л. 5–31.

Ответом стало снаряжение в край небольших отрядов со специалистом во главе. Так, в 1900 г. отряд женщины-врача Путяты-Кершбаумер работал вдоль Транссиба и добрался до Минусинска. В 1901 г. З. Г. Франк-Каменецкий с глазным отрядом помогал слепым в Тулуне, Черемхово, Манзурке, Оеке³⁴. В 1908 г. такой отряд в составе врачей О. И. Левитской и Н. В. Гриневой был направлен в Якутскую область³⁵. Прочие общественные организации собственные медицинские учреждения не имели.

В Российской империи была разрешена частная практика. Для ее осуществления требовалось предоставить во врачебное отделение заявление, паспорт и свидетельство о наличии медицинского образования. Обычно врач принимал на дому, выделяя одну комнату для амбулаторного приема. То же самое касалось зубо врачебного кабинета. Изредка открывались специальные частные лечебные заведения. Наибольшее количество частных лечебниц приходилось на Иркутск и Читу. По отчету за 1906 г., в Иркутске числилось четыре таких заведения: Глазная лечебница доктора З. Г. Франк-Каменецкого, Хирургическая лечебница доктора Г. А. фон-Бергмана, Родильный приют доктора Н. А. Штейнгауза и Родильный приют докторов М.-В. З. Левенсона и Л. С. Зисмана³⁶. В 1910 г. открылась физиотерапевтическая лечебница доктора И. П. Михайловского³⁷. В Чите в 1909 г. открылась частная повивальная школа с родильным отделением доктора медицины А. Д. Давыдова и врача А. Л. Цейтлина. В 1911 г. заведение было закрыто. В 1911–1914 гг. работала акушерско-гинекологическая лечебница доктора Я. М. Шольца с родильным приютом, а в 1912–1920 гг. – урологический кабинет, затем лечебница доктора медицины В. А. Бурмакина [10, с. 17]. Как видно из приведенного списка, частные лечебницы восполняли пробелы, оставленные казенной медициной. В плане управления они зависели от врачебных отделений, но внутреннюю жизнь организовывали самостоятельно. Врачебное отделение требовало соблюдения санитарных норм и ведения делопроизводства на общих основаниях.

В заключение отметим, что система управления медицинской сферой в Восточной Сибири конца XIX – начала XX в. была крайне запутанна. Едва ли не каждое ведомство имело собственные медицинские учреждения, на которые тратились казенные средства. В итоге эти средства сильно распылялись. Многоведомственность с неясной системой соподчиненности приводила к несогласованности действий, особенно во время сильных эпидемий. Наибольшая нагрузка падала на приказ общественного призрения, городские самоуправления и сельско-врачебную часть. Вместе с тем стоит подчеркнуть положительную роль общественной и частной инициативы, позволявшей закрывать пробелы системы управления казенными учреждениями. Чрезмерная централизация и оглядки на центральную власть по каждому незначительному вопросу сильно сдерживали модернизацию системы здравоохранения в изучаемом регионе.

³⁴ ГАИО. Ф. 32. Оп. 9. Д. 738. Л. 20–201 с об.

³⁵ Сибирская врачебная газета. 1908. № 30.

³⁶ ГАИО. Ф. 32. Оп. 9. Д. 688. Л. 84 об.

³⁷ Восточно-Сибирская правда. 1908. 24 марта.

Список литературы

1. *Асочаков А. С., Катцина Т. А.* Управление и финансовые основы деятельности приказов общественного призрения Восточной Сибири (конец XVIII – начало XIX в.) // Вестник КрасГАУ. 2004. № 6. С. 252–257.
2. *Блохина Н. Н.* Роль П. А. Столыпина в развитии здравоохранения в начале XX столетия // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2001. № 2. С. 50–54.
3. *Бобылева О. М.* Деятельность переселенческих организаций Восточной Сибири в 1906–1916 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2000. 232 с.
4. *Егорышева И. В., Данилишина Е. И.* Деятельность правительственных комиссий по реорганизации управления врачебно-санитарным делом в России (конец XIX – начало XX века) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 1999. № 5. С. 60–64.
5. *Егорышева И. В.* Значение трудов комиссии Г. Е. Рейна для здравоохранения России // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2013. № 2. С. 54–57.
6. *Егорышева И. В., Морозов А. В.* Эволюция центральных органов государственного управления здравоохранением в дореволюционной России // Вестник современной клинической медицины. 2016. Т. 9, вып. 3. С. 43–48.
7. *Ерофеев Я. А.* Центральные и губернские органы «охранения народного здоровья» в XVIII – начале XX в. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. 2012. С. 86–92.
8. *Катцина Т. А.* Государственно-общественные институты социального попечения в Восточной Сибири (XIX – начало XX вв.) // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2009. № 3 (66). С. 96–104.
9. *Колосок С. В.* Иркутская губернская тюремная инспекция // Сибирская ссылка : сборник научных статей. Иркутск : Оттиск, 2003. Вып. 2 (14). С. 257–261.
10. *Малая энциклопедия Забайкалья. Здравоохранение и медицина* / гл. ред. Р. Ф. Геннатулин. Новосибирск : Наука, 2011. 628 с.
11. *Овсянникова Н. Д.* Заболеваемость, производственный травматизм рабочих и медицинское обслуживание на золотых приисках Урала и Сибири в конце XIX – начале XX века // Сибирский исторический сборник (Социально-экономическое и политическое развитие Сибири). Вып. 2. Иркутск : Иркутская обл. тип. № 1, 1974. С. 15–38.
12. *Петряев Е. Д.* Из истории врачебных обществ Восточной Сибири // Советское здравоохранение. 1960. № 3. С. 51–56.
13. *Терапия Енисейской губернии и Красноярского края: Исторические очерки и воспоминания* / Н. А. Борисенко [и др.]. Красноярск : КрасГМУ, 2012. 205 с.
14. *Угрюмова М. В.* Думские и правительственные проекты 1907–1917 гг. – источники по изучению истории реформы земского самоуправления в Сибири // Вестник Нижневартовского гос. гуманитарного ун-та. 2011. № 1. С. 60–70.
15. *Федотов Н. П., Мендрин Г. И.* Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск : Изд-во ТГУ, 1975. 255 с.
16. *Щупикова А. О.* Организация и функционирование системы медицинского обслуживания железнодорожников Сибири (конец XIX в. – 1917 г.) : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2015. 220 с.

The Management System of Medical Institutions of the Russian Empire of the Late 19th – Early 20th Century (on the Example of Eastern Siberia)

V. A. Shalamov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The medical sphere of Eastern Siberia was distinguished by a number of features. As for the entire Russian Empire, it was characterized by an extremely large number of departments and organizations that had their own medical organization. In Siberia, there was no zemstvo, which allowed archaic institutions to survive in the form of public charity decree and rural medical units, which were criticized for their inefficiency. City governments were reluctant to develop medical facilities, which encouraged private initiative. There were independent medical institutions for employees of the railway, water transport, mining departments, the cabinet of his Imperial Majesty, the army and the Trans-Baikal Cossacks. Siberia was the land of hard labor and exile, which provoked the emergence of medical institutions in prisons and in hard labor. The agrarian reform of P. A. Stolypin contributed to the resettlement of peasants to the east, including to Eastern Siberia. Medical services were created especially for them both on the way to Siberia and at the places of their new residence. In the cities, a number of public organizations (the Russian Red Cross Society, the Society of Doctors, the All-Russian League against Tuberculosis) created their own medical institutions.

Keyword. History of healthcare, history of medicine, management system, Russian Empire, medical administration.

For citation: Shalamov V. A. The Management System of Medical Institutions of the Russian Empire of the Late 19th – Early 20th Century (on the Example of Eastern Siberia). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2021, vol. 38, pp. 52-64. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.52> (in Russian)

References

1. Asochakov A.S., Kattsina T.A. Upravleniye i finansovyye osnovy deyatelnosti prikazov obshchestvennogo prizreniya Vostochnoy Sibiri (konets 18 – nachalo 19 vv.) [Management and financial bases of the activities of public charity orders in Eastern Siberia (late 18th – early 19th centuries)]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Bulletin of Krasnoyarsk State Agrarian University], 2004, no. 6, pp. 252-257. (in Russian)
2. Blokhin N.N. Rol P. A. Stolypina v razvitii zdravookhraneniya v nachale XX stoletiya [The role of P.A. Stolypin in the development of health care at the beginning of the twentieth century]. *Problemy sotsialnoy gigiyeny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny* [Problems of social hygiene, health care and history of medicine], 2001, no. 2, pp. 50-54. (in Russian)
3. Bobyleva O.M. *Deyatelnost pereselencheskikh organizatsiy Vostochnoy Sibiri v 1906-1916 gg.* [Activity of resettlement organizations in Eastern Siberia in 1906-1916. Cand. sci. diss.]. Irkutsk, 2000, 232 p. (in Russian)
4. Egorysheva I.V., Danilishina E.I. Deyatelnost pravitelstvennykh komissiy po reorganizatsii upravleniya vrachebno-sanitarnym delom v Rossii (konets 19 – nachalo 20 veka) [Activity of government commissions on the reorganization of the management of medical and sanitary affairs in Russia (late 19th – early 20th century)]. *Problemy sotsialnoy gigiyeny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny* [Problems of social hygiene, health care and history of medicine], 1999, no. 5, pp. 60-64. (in Russian)
5. Egorysheva I.V. Znachenije trudov komissii G.Ye. Reyna dlya zdravookhraneniya Rossii [Significance of the works of the G.Ye. Rein commission for the health care of Russia]. *Problemy sotsialnoy gigiyeny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny* [Problems of social hygiene, health care and history of medicine], 2013, no. 2, pp. 54-57. (in Russian)
6. Egorysheva I.V., Morozov A.V. Evolyutsiya tsentralnykh organov gosudarstvennogo upravleniya zdravookhraneniem v dorevolutsionnoy Rossii [Evolution of central government

health authorities in pre-revolutionary Russia]. *Vestnik sovremennoy klinicheskoy meditsiny* [Bulletin of modern clinical medicine], 2016, vol. 9, iss. 3, pp. 43-48. (in Russian)

7. Erofeev Ya.A. Tsentralnyye i gubernskie organy "okhraneniya narodnogo zdoraviya" v 18 – nachale 20 v. [Central and provincial bodies of "protection of public health" in the XVIII – early XX century]. *Aktualnyye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh* [Actual problems of historical research: the view of young scientists], 2012, pp. 86-92. (in Russian)

8. Kattsina T.A. Gosudarstvenno-obshchestvennyye instituty sotsialnogo popecheniya v Vostochnoy Sibiri (19 – nachalo 20 vv.) [State-public institutions of social care in Eastern Siberia (19 – early 20 centuries)]. *Uchenyye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsialnogo universiteta* [Scientific notes of the Russian State Social University], 2009, no. 3 (66), pp. 96-104. (in Russian)

9. Kolosok S.V. Irkutskaya gubernskaya tyuremnaya inspeksiya [Irkutsk provincial prison inspection]. *Sibirskaya ssylka: Sbornik nauchnykh statey* [Siberian link: Collection of scientific articles]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2003, iss. 2 (14), pp. 257-261. (in Russian)

10. Geniatulin R.F. *Malaya entsiklopediya Zabaykalya. Zdravookhraneniye i meditsina* [Small encyclopedia of Transbaikalia. Health care and medicine]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2011, 628 p. (in Russian)

11. Ovsyannikova N.D. Zaboilevayemost, proizvodstvennyy travmatizm rabochikh i meditsinskoye obsluzhivaniye na zolotyykh priiskakh Urala i Sibiri v kontse XIX – nachale XX veka [Morbidity, industrial injuries of workers and medical care in the gold mines of the Urals and Siberia in the late 19 – early 20 century]. *Sibirskiy istoricheskiy sbornik (Sotsialno-ekonomicheskoye i politicheskoye razvitiye Sibiri)* [Siberian historical collection (Socio-economic and political development of Siberia)]. Irkutsk, Irkutsk regional printing house Publ., 1974, iss. 2, no. 1, pp. 15-38. (in Russian)

12. Petryaev E.D. Iz istorii vrachebnykh obshchestv Vostochnoy Sibiri [From the history of medical societies in Eastern Siberia]. *Sovetskoye zdravookhraneniye* [Soviet health care], 1960, no. 3, pp. 51-56. (in Russian)

13. Borisenko N.A. *Terapiya Yeniseyskoy gubernii i Krasnoyarskogo kraya: Istoricheskiye ocherki i vospominaniya* [Therapy of the Yenisei province and the Krasnoyarsk Territory: Historical essays and memoirs]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Medical University Publ., 2012, 205 p. (in Russian)

14. Ugryumova M.V. Dumskie i pravitelstvennyye proyektory 1907-1917 gg. – istochniki po izucheniyu istorii reformy zemskogo samoupravleniya v Sibiri [Duma and government projects of 1907-1917 – sources for the study of the history of the reform of zemstvo self-government in Siberia]. *Vestnik Nizhnevartovskogo gos. gumanitarnogo un-ta* [Bulletin of the Nizhnevartovsk state humanitarian university], 2011, no. 1, pp. 60-70. (in Russian)

15. Fedotov N.P., Mendrina G.I. *Ocherki po istorii meditsiny i zdravookhraneniya Sibiri* [Essays on the history of medicine and healthcare in Siberia]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 1975, 255 p. (in Russian)

16. Shchupikova A.O. *Organizatsiya i funktsionirovaniye sistemy meditsinskogo obsluzhivaniya zheleznodorozhnikov Sibiri (konets 19 v. – 1917 g.)* [Organization and functioning of the system of medical services for railway workers in Siberia (late 19th century – 1917) Cand. sci. diss.]. Omsk, 2015, 220 p. (in Russian)

Шаламов Владимир Александрович
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории России
Иркутский государственный
университет, Россия, 664003, Иркутск,
ул. К. Маркса, 1
e-mail: Wladimir13x@ya.ru

Shalamov Vladimir Alexandrovich
Candidate of Sciences (History), Associate
Professor Department of history of Russia
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian
Federation
e-mail: Wladimir13x@ya.ru

УДК 339.166(571.5)

<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.65>

Роль торговых обычаев в правовом регулировании пушной торговли в Российской империи (по материалам Северо-Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.)

М. Д. Кушнарева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Анализируются нормы законодательных источников торгового права Российской империи периода модернизации. Исследование торговых обычаев осуществляется по ранее не опубликованным и не введенным в научный оборот архивным источникам: кассовым, торговым книгам фирм «Н. Д. Эверстов», «Г. В. Никифоров», «Г. В. Никифоров и К^о», «И. П. Антипин и Г. В. Никифоров», Акционерного общества спичечной и меховой фабрики «Н. П. Рылов и Ф. П. Лесников», содержащим записи сделок, заключенных на основе торговых обычаев. Для решения поставленных задач применяются сравнительный, проблемно-хронологический методы, а также функциональный и сравнительно-правовой методы юриспруденции. Устанавливается, что синтез норм обычного права коренного населения Северо-Восточной Сибири с нормами общеимперских законов обусловил формирование комплекса торговых обычаев в отрасли. Анализируется практика реализации таких торговых обычаев, как начисление долга промысловикам и его переход на следующий промысловый сезон, неравноценная мена, фиксация коммерческой информации в личной переписке. Делаются выводы, что торговые обычаи в пушной торговле имели превосходство над нормами Торгового устава и других законодательных актов государства, чему способствовали особые исторические условия и специфика правосознания общества окраины Российской империи. Развитие товарно-денежных отношений и государственная политика законодательного сближения правового статуса коренного и русского населения окраинных территорий Сибири вели к постепенному снижению роли торговых обычаев в пушной торговле в начале XX в.

Ключевые слова: норма права, Северо-Восточная Сибирь, торговля, торговый обычай, закон.

Для цитирования: Кушнарева М. Д. Роль торговых обычаев в правовом регулировании пушной торговли в Российской империи (по материалам Северо-Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2021. Т. 38. С. 65–71. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.65>

Основным источником торгового права во второй половине XIX в. был Свод учреждений и уставов торговых от 1857 г.¹ В 1863 г. он был дополнен

¹ Свод учреждений и уставов торговых // Свод законов Российской империи. Т. 11, ч. 2. СПб., 1857.

Положением «О пошлинах за право торговли и других промыслов» от 1 января 1863 г.² и Законом «О внесении дополнений в Положение о пошлинах на право торговли и других промыслов» от 9 февраля 1865 г.³ В 1857 г. Свод учреждений и уставов торговых был переименован в Устав торговый с сохранением прежнего содержания законоположений и структурированием текста источника. Закон санкционировал применение норм обычного права в торговле и признавал юридическую силу гражданского законодательства⁴. В 1887 г. последовала новая редакция Торгового устава. Фактически государство наделило обычаи правопродуцирующей силой, но не придало им статуса источника торгового права. В пушной торговле в Северо-Восточной Сибири в период модернизации российской экономики сложилась целая система местных отраслевых обычаев. В это число входили и торговые обычаи. Их преимущественное положение в сфере торговли над нормами общегражданского закона порождало определенные правовые последствия.

Неразвитость торгового права и обычного законодательства Российской империи периода модернизации экономики отмечал Г. Ф. Шершеневич. Автор указал на четкое разделение торгового законодательства на публичное и частное право со значительным преобладанием первого, отметил, что закон являлся источником торгового права в отличие от обычая [4]. Влияние обычаев на организацию пушной торговли в северных округах Якутской области описал В. М. Зензинов [1]. По мнению Ю. М. Гончарова и А. В. Старцева, проблемы законодательного регулирования российской торговли в современной историографии остаются наименее изученными [3]. Вопрос о кодификации норм обычного права инородцев в 30–40-х гг. XIX в. был рассмотрен Л. М. Дамешком. Автор указал, что существование обычного права коренного населения Сибири являлось исторической традицией, поскольку до присоединения края к русскому государству жители не знали письменных законов [2, с. 211]. В первой половине XIX в. первый Сибирский комитет провел масштабную работу по кодификации норм обычного права народов Восточной Сибири, в результате которой было создано несколько проектов Свода степных законов инородцев Восточной Сибири [2, с. 212–218]. Однако законодательного утверждения нормы обычного права так и не получили. Наряду с официально изданными правовыми актами Российской империи на территории Сибири во второй половине XIX – начале XX в. продолжали действовать нормы обычного права коренного населения, синтез которых с нормами общеимперских законов привел к появлению и формированию целого комплекса торговых обычаев.

Таким образом, главной целью данной публикации является анализ роли торговых обычаев в процессе правового регулирования организации пушной торговли на Северо-Востоке Сибири во второй половине XIX – начале XX в.

² Положение «О пошлинах за право торговли и других промыслов» от 1 января 1863 г. ПСЗ-I. Т. XXXVIII. № 39118.

³ Закон «О внесении дополнений в Положение о пошлинах на право торговли и других промыслов» от 9 февраля 1865 г. ПСЗ-I. Т. XL. № 41779.

⁴ Устав Торговый. Свод законов Российской империи. Т. 11, ч. 2. СПб., 1857. Пreamбула.

Во второй половине XIX в. в пушной торговле широкое распространение получили практика двойного учета отпуска товаров промысловикам, завышение сумм натуральных и денежных кредитов при расчете за пушнину, занижение реальной стоимости принятой пушнины. Обычно сделки с пушной имели характер меновых или денежно-меновых, с обязательным условием долга промысловика, переходившего в следующий промысловый сезон. Так сформировался торговый обычай начисления долга при любой сделке с пушниной. Примеров подобной практики можно привести множество, отметим лишь некоторые из них. Так, в 1860 г. в Вилуйске состоялась меновая сделка между якутским купцом 1-й гильдии Н. Д. Эверстовым и промысловиком М. М. Максимовым на сумму 19 тыс. руб. В кассовой книге Н. Д. Эверстова было указано, что от М. М. Максимова было принято 1115 белых песцов 1-го сорта, 318 лисиц красных и черно-бурых, 1500 шкурок горностая, 15 тыс. шкурок красной белки. Общая стоимость партии оценивалась в 9 тыс. руб. В счет стоимости пушнины М. М. Максимова было отпущено 3 пуда табака и 130 кирпичей чая на сумму 19 тыс. руб.⁵ Сделка считалась завершённой. Сумма в 10 тыс. руб. числилась в качестве недостачи М. М. Максимова. В кассовой книге Н. Д. Эверстова в разделе «Долги» за 1861 г. имелась запись: «Долг М. М. Максимова 10 тыс. руб. на 1861 г.»⁶

Следует отметить, что оценка принятой пушнины носила формальный характер и не соответствовала рыночным ценам 1860–1861 гг. Стоимость товаров потребления была завышена на 100 %. Очевидно, что подобного рода сделка являлась неравноценной меной, ущемлявшей интересы поставщика пушнины, однако была законной, исходя из сути торговых обычаев, существовавших в определенной местности и отрасли торговли. Более того, нормы Торгового устава 1857 г. не содержали санкций за нарушение коммерческих интересов какой-либо из сторон сделки, что в конечном итоге придавало ей законный статус.

В 1903 г. был введен в действие новый Торговый устав⁷. В нормативном правовом акте сохранились принципы предшествующих редакций Торгового устава 1857 и 1887 гг. В законе была продолжена тенденция сближения норм торгового и общегражданского законодательства с сохранением роли обычного права. В ст. 676 Торгового устава содержалась норма, устанавливавшая ответственность за нарушение правил ведения торговой сделки. Ее основанием служило наличие в торговой документации предпринимателя недопустимых помяток, исправлений между строк, подчисток без оговорок и несоблюдение правил ведения документации⁸. При этом гражданско-правовая ответственность за ненадлежащее ведение торговых операций могла наступить только в случае истребования судом торговой книги у купца или фирмы, которая составляла коммерческую тайну. В Книге расчетов разных лиц Акцио-

⁵ Национальный архив Республики Саха Якутия (НАРС (Я)). Ф. 500 (Торговый дом «Эверстов Н. Д.»). Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

⁶ НАРС (Я). Ф. 500. Оп. 1. Д. 3. Л. 17.

⁷ Устав Торговый. Свод законов Российской империи. Т. 11, ч. 2. СПб., 1903

⁸ Там же. Ст. 676.

нерного общества спичечной и меховой фабрики «Н. П. Рылов и Ф. П. Лесников» в 1919 г. была зафиксирована сделка с Сивцовым Г. И. на сумму 40 тыс. руб.⁹ На основании торгового свидетельства № 117 Сивцову Г. И. было отпущено разных товаров (мануфактура, чай, табак, сахар) на 7300 руб. и выдан кредит наличными на покупку пушнины на 12 700 руб. В соответствии с торговым свидетельством № 559 от Сивцова Г. И. было принято пушнины (лисица, колонок, горностаи) на 40 тыс. руб.¹⁰ В качестве примечания указано обязательство Сивцова Г. И. сдать партию красной лисицы в 1920 г. на сумму 20 тыс. руб.¹¹ Анализируя записи Книги расчетов разных лиц за 1919 г. акционерного общества «Н. П. Рылов и Ф. П. Лесников», можно сделать вывод, что сделка была заключена на основе торгового обычая начисления долга промысловнику на следующий промысловый сезон. В официальной торговой документации акционерного общества отсутствовали пометки, оговорки, исправления и пометки. Совокупность действия торгового обычая, принятого на определенной территории в пушной торговле, и ст. 676 Торгового устава исключала гражданско-правовую ответственность и придавала сделке законный характер.

В начале XX в. в пушной торговле в Северо-Восточной Сибири широкое распространение получила практика скупки пушнины крупными фирмами через систему независимых агентов. Торговые агенты получали от предприятия товары и деньги в кредит с обязательством сдать определенное количество пушнины по окончании промыслового сезона. Существовала отчетность агентов перед своими кредиторами. Так, в 1908 г. на баланс «Г. В. Никифоров и К^о» поступила партия пушнины стоимостью 53 500 руб. от агента фирмы Т. П. Андросова¹². В 1910 г. от агента торгового дома «И. П. Антипин и Г. В. Никифоров» В. Ф. Новгородова было принято на баланс пушнины на сумму 83 тыс. руб.¹³ Сделка между агентами и фирмой заключалась на основании ст. 669 Торгового устава, с внесением письменных записей в торговую книгу предприятия¹⁴. Между тем агенты приобретали пушнину у промысловиков в обмен на товары потребления на основе торговых обычаев. То есть письменные записи таких сделок практически не велись, или форма записей не позволяла проверить достоверность данных. Фактически торговый обычай отменял действие ст. 669 Торгового устава при организации пушной торговли агентов с промысловиками. Обязательственные отношения между торговым агентом и промысловиком возникали на основании торговых обычаев и не являлись юридическими фактами, необходимыми для возникновения гражданско-правовой ответственности для субъектов сделки.

Согласно ст. 667 и 669 Торгового устава официальной торговой документацией предприятия считались кассовые, торговые, расчетные книги, счета, журналы записи операций, мемориалы, приходно-расходные книги,

⁹ НАРС (Я). Ф. 420 (Якутское отделение Акционерного общества спичечной и меховой фабрики «Н. П. Рылов и Ф. П. Лесников»). Оп. 1. Д. 26. Л. 393 об., 394.

¹⁰ НАРС (Я). Ф. 420. Оп. 1. Д. 26. Л. 394 об.

¹¹ Там же. Л. 394.

¹² НАРС (Я). Ф. 415 (Торговый дом «Г. В. Никифоров»). Оп. 1. Д. 5. Л. 4.

¹³ НАРС (Я). Ф. 343 (Якутский областной статистический комитет). Оп. 6. Д. 126. Л. 14

¹⁴ Устав Торговый. Свод законов Российской Империи. Т. 11, ч. 2. СПб., 1903. Ст. 669.

расценки товаров, книги лицевых счетов. К делопроизводственной документации фирмы не относилась деловая переписка распорядителей компании, телеграммы, дневники и другие записи личного характера. Рост уровня внутренней и внешней конкуренции, интенсификация пушной торговли, увеличение скорости оборота капитала, вовлечение новых отдаленных территорий в хозяйственный оборот требовали от предприятий оперативного обмена коммерческой информацией. В начале XX в. в пушной торговле в Северо-Восточной Сибири сформировался новый торговый обычай, суть которого заключалась в фиксации информации о количестве прихода и расхода пушного сырья в коммерческой переписке. Это не только позволяло оперативно решать текущие вопросы организации пушной торговли в отделениях фирм, но и снижать налогооблагаемую базу предприятия за отчетный период. По данным коммерческой переписки торгового дома «Г. В. Никифоров» за 1916 г., в Верхоянское отделение поступило пушнины на сумму более 500 тыс. руб.¹⁵ Между тем на основании записей в торговой книге на балансе Верхоянского отделения фирмы Г. В. Никифорова числилось пушнины всего на 380 тыс. руб.¹⁶ В Якутской городской управе считали, что реальный оборот Верхоянского отделения Г. В. Никифорова за 1916 г. достигал 550 тыс. руб.¹⁷ Однако прямых доказательств сокрытия объемов производимых торговых операций ведомство предоставить не смогло.

Особые исторические условия и специфика правосознания общества окраины Российской империи обусловили широкое распространение торговых обычаев, их главенствующее положение над нормами закона. Признание Торговым уставом юридической силы торговых обычаев способствовало формированию практики организации сделок с пушниной исключительно на основе обычаев, которые не были кодифицированы в российском законодательстве. С одной стороны, это приводило к заключению неравноценных сделок, когда стороны были наделены разным по содержанию комплексом прав и обязанностей, сохранению патриархально-феодалных отношений в отрасли. С другой стороны, обычаи, принятые в пушной торговле на Северо-Востоке Сибири, благоприятствовали процессу первоначального накопления и концентрации капитала, формированию конкурентоспособных предприятий. С развитием товарно-денежных отношений в Сибири и проникновением в пушную торговлю иностранного капитала роль торговых обычаев постепенно начала снижаться. Включение производительных сил Сибири в орбиту общегосударственных и международных отношений изменило правосознание населения. Этому процессу способствовала в том числе государственная политика законодательного сближения правового статуса коренного и русского населения окраинных территорий Сибири.

¹⁵ НАРС (Я). Ф. 415. Оп. 1. Д. 4. Л. 1-25.

¹⁶ НАРС (Я). Ф. 415. Оп. 1. Д. 5. Л. 9, 10, 10 об.

¹⁷ НАРС (Я). Ф. 165 (Якутская городская управа). Оп. 1. Д. 1. Л. 133, 133 об., 134, 134 об.

Список литературы

1. Зензинов В. М. Очерки торговли на севере Якутской области. М. : Наука, 1916. 95 с.
2. Дамешек Л. М. Избранное. Т. 1. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.). Иркутск : Оттиск, 2018. 456 с.
3. Старцев А. В., Гончаров Ю. М. История предпринимательства в Сибири (XVII – начало XX в.) : учеб. пособие. Барнаул : Аз Бука, 2007. 214 с.
4. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т. 2. Товар, торговые сделки. Изд. 4-е. СПб. : Изд-во Бр. Башмаковых, 1891. 596 с.

The Role of Trade Customs in the Legal Regulation of the Fur Trade in the Russian Empire (Based on Materials from North-Eastern Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century)

M. D. Kushnareva

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The main purpose of the publication is to analyze the role of trade customs in the process of legal regulation of the organization of the fur trade in the north-east of Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries. Achieving this goal presupposes an analysis of the norms of the legislative sources of the trade law of the Russian Empire during the period of modernization. The analysis of trade customs is based on examples from previously unpublished and unreported archival sources. Analyzed cash, trade books of firms “N. D. Everstov”, “G. V. Nikiforov”, “G. V. Nikiforov and Co”, “I. P. Antipin and G. V. Nikiforov”, Joint Stock Company of Match and Fur Factory “N. P. Rylov and F. P. Lesnikov”, containing records of transactions concluded on the basis of trade customs. The topic is of theoretical and applied relevance. The article is of an interdisciplinary nature. To solve the set tasks, comparative, problem-chronological methods, as well as functional and comparative legal methods of jurisprudence were applied in the work. The author determined that the synthesis of the norms of customary law of the indigenous population of North-Eastern Siberia with the norms of general imperial laws led to the formation of a complex of trade customs in the industry. The article analyzes the practice of implementing such trade customs in the fur trade, such as: accrual of debt to fishers and its transition to the next fishing season, unequal exchange, fixing commercial information in personal correspondence. As the main conclusions, it was noted that the trade customs in the fur trade were superior to the norms of the Trade Charter and other legislative acts of the state. This was facilitated by the special historical conditions and specificity of the legal consciousness of society in the outskirts of the Russian Empire. The development of commodity-money relations and the state policy of legislative convergence of the legal status of the indigenous and Russian population of the outlying territories of Siberia contributed to a gradual decrease in the role of trade customs in the fur trade at the beginning of the 20th century.

Keywords: rule of law, North-Eastern Siberia, trade, trade custom, law.

For citation: Kushnareva M. D. The Role of Trade Customs in the Legal Regulation of the Fur Trade in the Russian Empire (Based on Materials from North-Eastern Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2021, vol. 38, pp. 65-71. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.65> (in Russian)

References

1. Zenzinov V.M. *Ocherki trgovli na severe Yakutskoi oblasti* [Essays on Trade in the North of the Yakutsk Region]. Moscow, Nauka Publ., 1916, 95 p. (in Russian)

2. Dameshek L.M. *Izbrannoe. Vol. 1. Sibirskie "inorodtsy" v imperskoi strategii vlasti (18 – nachalo 20 vv.)*. [Favorites. Vol. 1. Siberian "foreigners" in the imperial strategy of power (18 – early 20 centuries)]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2018, 456 p. (in Russian)
3. Starcev A.V., Goncharov Ju.M. *Istorija predprinimatel'stva v Sibiri (17 – nachalo 20 v.): Uchebnoe posobie*. [History of Entrepreneurship in Siberia (XVII – Beginning of XX Century): Tutorial]. Barnaul, Az Buka Publ., 2007, 214 p. (in Russian)
4. Shershenevich G.F. *Kurs trgovogo prava. Vol. 2. Tovar, trgovye sdelki* [Course of commercial law. Vol. 2. Goods, commercial transactions]. 4th ed. Saint Petersburg, Br. Bashmakovykh Publ., 1891, 596 p. (in Russian)

Кушнарева Маргарита Дмитриевна
 доктор исторических наук, доцент,
 кафедра сервиса и сервисных технологий
 Иркутский государственный университет
 Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
 e-mail: rita270880@mail.ru

Kushnareva Margarita Dmitrievna
 Doctor of Sciences (History), Associate
 Professor, Department of Service and
 Service Technologies
 Irkutsk State University
 1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian
 Federation,
 e-mail: rita270880@mail.ru

УДК 94(570)

<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.72>

Государственное регулирование рыболовства в России в XIX – начале XX в.

Е. В. Санкин

Средняя общеобразовательная школа № 25, г. Сургут, Россия

В. П. Зиновьев

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
г. Томск, Россия*

Аннотация. На сибирском материале рассматривается проблема регулирования рыболовства в Российской империи в конце XIX – начале XX в., когда для общественности и местных чиновников стали очевидны серьезные последствия хищнического, ничем не ограниченного пользования природными ресурсами. Отмечается осознание необходимости введения ограничительных мер на уровне регионального управления и невнимание общеимперских структур власти к этому вопросу применительно к Азиатской России. Устанавливается, что рыбопромышленники активно выступали против какого-либо регулирования времени и способов рыбной ловли в Сибири; рыболовство в Азиатской России не имело ограничений вплоть до советского времени.

Ключевые слова: рыболовство, меры государственного регулирования, Сибирь.

Для цитирования: Санкин Е. В., Зиновьев В. П. Государственное регулирование рыболовства в России в XIX – начале XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2021. Т. 38. С. 72–85. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.72>

Россия, заняв пространства Северной Евразии, долгое время не находила сил и средств для изучения тех гигантских природных ресурсов, которые ей достались в силу исторических обстоятельств. Только со второй четверти XVIII в. началось научное исследование Северной Азии, тогда как стихийное освоение территории на век с лишним опередило усилия центральных властей по узнаванию края. Расхищение природных богатств Сибири – истребление пушных зверей, вырубка и выжег лесов, вылов ценных пород рыбы – было замечено современниками в XIX в. Регулировалось пользование природных ресурсов Северной Азии, объявленных собственностью казны и кабинета Его Императорского Величества, только там, где затрагивались интересы этих почтенных ведомств. Государственная политика по охране и использованию лесных ресурсов Сибири изучена М. О. Тяпкиным [15], регулирование пушного промысла – А. В. Старцевым [14]. История регулирования рыбного промысла в Сибири затрагивалась лишь в диссертации Е. В. Санкина [11].

Рассмотрение вопроса государственного регулирования рыболовства имеет большое значение для определения тех законодательных норм и правил, в рамках которых развивалась рыбопромышленность в Сибири, что позволяет проследить эволюцию рыболовного права и выявить отношение государства к этой отрасли хозяйства. Впервые в отечественной литературе проблеме правового регулирования рыболовства уделено внимание во второй половине XIX в., что являлось, в свою очередь, отражением необходимости введения в России рыболовного законодательства.

Изучая дореволюционное «рыболовное» законодательство, нельзя не согласиться с мнением известного ихтиолога Н. Бородина, который в конце XIX в. писал, что «наше законодательство представляет из себя в общем пеструю, из разных обрезков сшитую одежду, которой приходится прикрываться без угрызания совести каждому из имеющих то или иное отношение к управлению рыбными промыслами или к рассмотрению тех или иных вопросов по устройству отечественных рыбных промыслов» [2]. Действительно, рыболовное законодательство дореволюционной России было сосредоточено в разных по содержанию законопроектах, таких как Свод законов гражданских, Устав казенных оброчных статей, Устав сельского хозяйства, Устав об обеспечении народного продовольствия, Устав врачебный, Устав об управлении инородцев, Положение об инородцах и др.

Все дореволюционные законы, касающиеся регулирования рыболовства, можно разделить на три группы. В первую группу вошли законы и нормативные акты, затрагивающие определение собственника рыбных ловель. Вторая группа касается сохранения и воспроизводства рыбных ресурсов и третья – организационной стороны промышленного рыболовства.

Стоит сказать, что целенаправленная политика государства в области рыболовства началась с середины XIX в., что было обусловлено необходимостью рационализации промышленного морского рыболовства, которая впоследствии затронула и всю российскую рыбопромышленность. До этого времени в Сибири действовало непосредственное косвенное право промыслового рыболовства, которое определяло собственника или пользователя рыбных ловель и регламентировало отношения между собственником и арендатором. Собственниками рыбных ловель в Сибири являлись казна и кабинет Е. И. В., пользователями – коренное население, крестьяне и городские промышленники.

Государственная политика в отношении коренных жителей с самого начала освоения Сибири была направлена на невмешательство в их традиционную хозяйственную жизнь, и поэтому рыбные угодья были отданы в полное пользование последним. Следует отметить еще один важный момент: сибирские рыбные ловли долго не представляли, с точки зрения властей, особой ценности, как, например, охотничьи угодья, которые являлись источником ценной пушнины.

Наиболее крупные рыболовные угодья находились в пользовании коренного населения. Официально русскому населению разрешалось брать в аренду у инородческих обществ рыболовные участки, но на незначительное

время, чтобы не подорвать жизнеспособность главных поставщиков ясака в казну. При этом власти понимали, что коренное население не имело прочных и больших рыболовных снарядов, что обуславливало слабую эксплуатацию ими лучших рыболовных мест. Такая позиция государства в отношении долгосрочной аренды угодий объясняется его стремлением не допустить торговых людей и рыбопромышленников на рынок пушных товаров, чтобы не спровоцировать сокращение поступления натурального ясака.

Но тем не менее долгосрочные арендные отношения между коренным и пришлым населением развивались. По мнению современных историков, практика долгосрочной аренды начала складываться с середины XVIII в., когда многие купцы и мещане стали пользоваться рыбными угодьями в течение десятилетий [5, с. 97; 9]. Долгосрочная аренда угодий и засилье рыбопромышленников вызывала у инородцев недовольство, что выражалось в многочисленных жалобах в администрацию. Коренные жители ссылались на то, что промышленники большими неводами перекрывали ход рыбы и до их селений рыба не доходила¹. Местные власти в течение всего XIX – начала XX в. принимали ряд мер по запрещению долгосрочной аренды рыболовных угодий. Так, в январе 1805 г. губернское управление запретило приезжим рыбопромышленникам в Березовском крае брать пески в долгосрочную аренду и производить промысел в инородческих волостях, так как это пагубно отражается на жизнедеятельности ясачного населения. Однако это постановление было быстро отменено. Сенатор Корнилов после посещения Березовского края в 1807 г. счел жалобы инородцев несправедливыми и несостоятельными. Причем, по его мнению, этот запрет мог сильно отразиться на снабжении рыбой населения Тобольской, Томской, Пермской и Оренбургской губерний [12].

В то же время инородческие князьки и старшины имели самовольное право сдачи в аренду рыболовных угодий, чем пользовались рыбопромышленники, подкупая их в обход решения общества, что также сказывалось на развитии долгосрочной аренды. В 1822 г. Устав об управлении инородцев отменил привилегии старейших и узаконил отдачу в оброчное содержание рыбных ловель только с согласия общества (ст. 32)². В продолжение всего в 1857 г. Совет Главного управления Западной Сибири «в ограждение инородцев от обмана и стеснений со стороны приезжих рыбопромышленников» принял постановление об отдаче инородческих рыболовных угодий Березовского округа с торгов до трех лет. Но это постановление осталось лишь на бумаге. Только в 1894 г. законодательно был оформлен максимальный срок аренды до четырех лет³. Все официальные ограничения не имели реальных последствий и не изменили ситуацию уже с традиционной долгосрочной арендой рыболовных угодий. Во-первых, не существовало специального управленче-

¹ Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в Тобольске (ГУТО ГА в г. Тобольске). Ф. 329. Оп. 13. Д. 249.

² Устав об управлении инородцев // Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX): сборник правовых актов и документов. Тюмень, 1999. С. 85–111.

³ Сибирская торговая газета. 1898. № 216.

ско-надзорного аппарата. Во-вторых, именно торговые люди являлись на севере практически основными поставщиками всего необходимого для жизнедеятельности коренного населения, и поэтому имели большие возможности для манипуляции ими.

Стоит обратить внимание и на формальное изменение имущественных прав коренного населения на рыбные угодья. Дело в том, что в течение XIX в. государство часто напоминало коренным жителям, что рыбные ловли являются казенным имуществом, и постепенно юридически оформляло этот постулат, который окончательно сводился примерно к следующему: «Все земли, леса и воды Березовского и Сургутского уездов составляют государственную собственность; права же инородцев на эти угодья заключаются лишь в пользовании таковыми» [3, с. 199]. Разница заключалась в том, что в сравнении с лесными угодьями в управлении инородческих рыбных ловель казна не принимала особого участия. И это надолго предопределило исключительное право коренных жителей на пользование рыбными угодьями.

По мере освоения Западной Сибири и роста народонаселения местные власти ставили перед собой новые и более широкие задачи, требующие финансовых вливаний, и это в свою очередь заставило казну обратить свой взор на свободные рыбные угодья. Впервые о своих намерениях обложить оброком рыбные ловли казна заявила в 1822 г., когда генерал-губернатор Западной Сибири П. М. Капцевич решил на доходы от сдачи рыбных ловель в аренду с торгов построить Сибирский университет. Но инициатива генерал-губернатора не была поддержана Сибирским комитетом, который сослался на подрыв экономики крестьянского народонаселения. Тем не менее государственные власти стали постепенно зачислять в оброчные статьи рыбные ловли, что в особенности проявилось в 1850-е гг., когда было отменено постановление Сибирского комитета, касающееся запрета вводить рыбные ловли в казенно-оброчные статьи [6]. Оброчными статьями, по Уставу казенных оброчных статей (1876 г.), являлись казенные недвижимые имущества, отдаваемые в оброчное, с публичных торгов, содержание или временно оставляемые по безуспешности торгов в хозяйственном управлении, как то: свободные земли, рыбные ловли, мельницы и другие заводы и т. п. [4, прил., с. 5]. В течение XIX – начала XX в. число оброчных статей постоянно увеличивалось. Например, в 1857 г. в Тобольской губернской казне насчитывалось 309 рыболовных статей, а в 1913 г. – 405 [6, с. 66]. Местные власти очень рачительно относились к казенному имуществу, и в частности к рыбным ловлям. Казна была заинтересована в высокой стоимости сдаваемых в оброк рыбных ловель, цена которых зависела прежде всего от рыбной продуктивности водоемов. Для этого, например, ограничивалось число неводных артелей. Но эти мероприятия не имели особого эффекта. Местные власти, например, для оз. Сартлан установили 13 максимально используемых неводов, а для Чанов – 25, при этом число реально работающих неводов было выше – 20 и 84 соответственно [13, с. 60]. Из вышеизложенного видно, что мероприятия казны по охране рыбных ресурсов были продиктованы в первую очередь фискальными соображениями.

С середины XIX в. в истории рыболовного законодательства начинается принципиально новый по содержанию этап, характеризующийся целенаправленной политикой государства в области развития российского рыболовства и охраны рыбных ресурсов. К этому времени российское рыболовство стало приобретать промышленные масштабы, особенно в Волжско-Каспийском и Азовском бассейнах, где эта отрасль хозяйствования имела большое значение для экономики регионов и в целом для страны. Однако появлялись первые жалобы о сокращении рыбных запасов в ряде мест, поэтому были необходимы кардинальные меры по регулированию рыболовства в стране. Для разработки специальных законов требовались массовые научно-промысловые исследования рыболовства. Первые научные экспедиции были организованы под эгидой Министерства государственных имуществ, которые возглавили А. М. Бэр и Н. Я. Данилевский. В течение 1851–1859 гг. были изучены рыбные промыслы Чудского и Псковского озер, бассейны Каспийского, Белого морей и Северного Ледовитого океана и др. [1, с. 25]. Итогом экспедиций стала разработка проекта временных правил рыболовства для изученных регионов.

По инициативе Министерства госимуществ проекты правил были представлены на рассмотрение сибирским губернаторам. Правила регламентировали в первую очередь техническую сторону рыболовства и были направлены на ограничение использования некоторых орудий и способов рыболовства. К ним относился запрет на перегораживание рек и притоков с помощью забоев, заборов и насыпей. Также оговаривались размеры неводов, которые по длине не должны были превышать середину ширины реки и иметь малые ячей, — эти меры должны были препятствовать вылову молоди. Правила не учитывали региональные особенности рыбного промысла. Сибирские губернаторы и рыбопромышленники сочли их неприменимыми к сибирскому рыболовству: местные власти руководствовались тем, что крестьянское и коренное население могло остаться без дополнительного заработка, а казна, следовательно, без налоговых поступлений; рыбопромышленники ссылались на изобилие рыбы в Обском бассейне, не требующее, по их мнению, особого регулирования⁴. В 1870-х гг. проект Н. Я. Данилевского об ограничении лова рыбы хищническими способами постигла та же участь. Губернаторы вновь признали его неприменимым к местным условиям.

Тем не менее миф о неистощимых рыбных богатствах Обского бассейна вскоре был разрушен. В конце 1870-х г. на юге Березовского округа было отмечено сокращение улова осетровых в реке Оби. Одной из причин этого явления было массовое употребление рыбопромышленниками крючковой снасти — переметов и самоловов, а также неводов с малыми ячейками, которые препятствовали свободному ходу осетровой молоди. По устройству переметы — это длинные веревочные снасти, к которым прикреплялись на коротких нитках крючки с наживкой. Самоловы от переметов отличались тем, что крючки изготавливались из проволоки, которая сильно затачивалась, крючки использовались для ловли ходовой рыбы без наживки. Судя по источникам, в низовьях

⁴ Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 3. Оп. 3. Д. 4238. Л. 23–49 об.

Оби самоловы стали применять в начале 1870-х г., когда и приобрели промышленные масштабы⁵ [3, с. 248].

В 1879 г. Главное управление Западной Сибири издало постановление о запрещении русским рыбопромышленникам в Березовском крае промышленно ловить рыбу самоловами, переметами, неводами, длина которых превышает половину ширины реки, и другими способами, которые мешали свободному ходу рыбы [16, с. 147]. За нарушение этих правил предусматривалось наказание в виде штрафа в размере 25 руб.⁶ Эта мера не дала существенного эффекта. Многие рыбопромышленники для ловли самоловами стали нанимать коренных жителей, которым по закону разрешалось ловить рыбу любыми снарядами и в любое время. Также отсутствие надзора и незначительность наказания не заставили рыбаков отказаться от применения самоловов и других орудий лова. Сургутский уездный исправник Г. А. Пирожников в начале XX в. писал, что русские рыбопромышленники «добывали осетра за один суточный просмотр самоловов по сто штук и более, и ничтожность наказания высмеивали, выражая готовность заплатить штраф за 10 лет вперед» [7, с. 31].

С другой стороны, самоловный промысел имел огромное значение для крестьянских хозяйств Тобольского округа и Нарымского края. С использованием самоловов был связан зимний «юровой» промысел на низовьях Иртыша и средней Оби. Суть промысла состояла в лове стерляди и осетра в глубоких местах, или «ямах», где рыба залегала с осени до весны. Ловля зимой самоловами широко была распространена и в Нарымском крае. А.Ф. Плотников писал, что «самоловный промысел зимою дает самую лучшую рыбу – подледную и составляет самый важный и значительный заработок для местного населения. Для промысла здешние жители, по большей части, небольшими партиями выезжают из населенных мест и поселяются на берегах Оби в корамах, где живут, сушат и точат напилками самоловы» [8, с. 321]. Местные власти понимали всю важность этого промысла для экономики крестьянских хозяйств и не распространяли принятые меры на крестьян. Тем более что промысел проходил всего несколько дней, охранялся и регулировался самими крестьянскими обществами.

В научно-публицистической литературе того времени высказывались разные мнения по поводу использования самоловов и другой крючковой снасти в промышленном рыболовстве. Например, А. А. Дунин-Горкавич считал использование самоловов вредным для рыбных запасов Оби. Во-первых, по его мнению, они препятствовали движению осетра, устраивались по всей ширине русла реки. Во-вторых, много рыбы срывалось с крючка и бесполезно для человека погибало [3, с. 248–249]. Существовала и другая точка зрения. Л. П. Сабанеев не признавал самоловы хищническими орудиями лова, но некоторые способы их применения осуждал. На его взгляд, осетровые «крайне живучи и выносливы, и раны, нанесенные крючками, очень скоро заживают» [10, с. 295].

⁵ ГАОО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 17425. Л. 1-2.

⁶ Там же. Л. 2.

Позже, в 1886 г., правила, касающиеся запрета на использование самоловов и других орудий лова в Березовском крае, нашли отражение в Уставе сельского хозяйства, который распространялся на всю Россию [4, прил., с. 7–9]. В частности, им запрещалось употреблять для лова рыбы самоловы и другие снасти, которые препятствовали свободному ходу рыбы «из моря в речные устья и снизу вверх по рекам» (ст. 216). Также рыбопромышленникам запрещалось использовать неводы, длина которых превышала ширину реки (ст. 217). Особое внимание в Уставе уделено правам сибирских инородцев и казаков на рыбную ловлю (ст. 204–207), статьи, в сущности, были заимствованы из Устава об управлении инородцев и не касались каких-либо ограничений в рыбном промысле. Ничего принципиально нового в общих положениях не появилось и в Уставе сельского хозяйства за 1903 г.⁷ Основной отличительной особенностью этого Устава от предыдущего стало появления ряда правил промыслового рыболовства для отдельных регионов страны. Так, в Уставе четко описаны правила рыбной ловли в Белом море, Северном океане, Азовском и Каспийском бассейнах и других регионах (ст. 507–1072). При этом сибирская рыбопромышленность в документе не была упомянута.

Ярким явлением в развитии российской рыбопромышленности было создание в 1881 г. Российского общества рыбоводства и рыболовства. Само общество было образовано по инициативе Министерства госимуществ и состояло в его ведении. Основные цели и направления деятельности общества прописаны в Уставе [4, прил., с. 127–137]. Главная цель Общества заключалась в содействии «развитию рыбоводства и рыболовства и других морских и речных промыслов в Российской Империи, а также правительственным по этой части мероприятиям» (ст. 1). Одной из ключевых задач Общества ставилось изучение и распространение знаний о водной фауне и рыбном промысле, а также разработка материалов для узаконений правил рыболовства. Принцип организации Общества строился на общественных началах, и результаты его работы зависели от личной инициативы каждого его участника. Бюджет организации формировался из ежегодных членских взносов и пожертвований. В 1884 г. Общество принялось за переработку проекта Данилевского, который был впоследствии передан на заключение главному инспектору сельского хозяйства О. А. Гримму. Сам проект прежде всего был направлен на сохранение и воспроизводство рыбных ресурсов [4, с. 118–126]. В частности, им устанавливалось запретное время для промысла, регламентировалось использование различных орудий лова и указывались размеры рыбы, запрещенные к вылавливанию (ст. 17–50). При этом в каждом отдельном рыболовном районе местные власти должны были сами определять время промысла, орудия лова и размер промысловой рыбы. Слабым местом проекта была недостаточная разработанность контроля и надзора за исполнением правил. Авторы перекладывали весь надзор за исполнением закона на местную административно-полицейскую власть, нечетко прописывая создание специальных органов (ст. 51–58). В части контроля и надзора авторы отводили большую роль

⁷ Свод законов Российской империи. СПб., 1903. Т. XII. Ч. 2. Устав сельского хозяйства. 291 с.

общественной сознательности и взаимоконтролю населения. Например, предполагалось, что 25 % от денежного штрафа будет отдаваться «открывателю нарушения» (ст. 55).

По проекту устав общих правил рыболовства не распространялся на воды Азиатской России. По большому счету проект, предложенный Обществом рыболовства, был обобщением исследований рыболовства Европейской России и уже существующих региональных законов. В 1890 г. переработанный проект был представлен в Департамент земледелия, но так и не был обсужден [2, с. 330].

Одной из главных причин длительности выработки законопроекта, регулирующего рыболовство в России, являлась слабая изученность запасов рыбы и самого промысла. Во второй половине XIX в. изучением сибирского рыболовства занимались исключительно члены Российского географического общества, работы которых в основном носили научно-публицистический характер. Лишь в конце XIX в. начинаются специальные исследования сибирского рыболовства. Местные власти осознавали, что для рационального использования рыбных ресурсов необходимы специальные изыскания. В 1894 г. тобольский губернатор Н. М. Богданович ходатайствовал перед Министерством госимуществ о командировке специалиста в Тобольскую губернию для изучения обского рыболовства⁸. В 1895 г. в Тобольск прибыл для исследования Обь-Иртышского рыболовства астраханский ихтиолог Н. А. Варпаховский, основной целью его командировки было изучение водной фауны, орудий рыболовства и организации самого промысла. А. Н. Варпаховскому было выделено 1300 руб., 300 из которых должны были пойти на покупку спиртов для зоологических коллекций и образцов и моделей рыболовных снастей⁹. Результаты командировки А. Н. Варпаховского отразились в публикации его основного отчета в 1898 г. «Рыболовство в бассейне реки Оби. Орудия рыболовства и продукты рыбного промысла». В 1911 г. изучение западносибирского рыболовства продолжил ихтиолог А. С. Скориков, который исследовал озерное рыболовство Барабинского района. По окончании исследования состоялось совещание в 1912 г. при Томском управлении госимуществ по проблемам развития рыболовства в Барабинском районе [13, с. 3–7]. На совещании были предложены меры, касающиеся охраны рыбных ресурсов, надзора за правильным рыболовством и правил отдачи казенных статей в оброчное содержание.

В 1901 г. в Тобольске на общем собрании губернского музея обсуждался проект Общего устава рыболовства, который был выработан Департаментом земледелия [3, с. 249]. На собрании также присутствовали и рыбопромышленники, которые разошлись во мнениях по многим пунктам устава. Причинами разногласий являлись слабые знания биологии рыб – их поведения, периода икрометания и т. п. Каждый опирался на свои наблюдения и предлагал в соответствии с ними определенные меры. Проблема состояла еще и в том, что в Оби водилось несколько видов промысловых рыб, которые имели свои

⁸ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 479. Оп. 2. Д. 6. Л. 79–81.

⁹ Там же. Д. 52. Л. 6 об.

биологические особенности, поэтому выработать общие ограничения для рыболовства было весьма затруднительно. Тем не менее важным итогом совещания стало образование в Березовском округе заповедного места по Малой Оби между Войкаром и Шурушкаром в период от рекостава до февраля, когда вылавливалась в основном осетровая и сига́вая молодь [3. Приложение, с. 31–32]. Томские рыбопромышленники в 1902 г. также высказались против принятия рыболовного устава, ссылаясь на те же доводы¹⁰.

В 1909 г. на общем собрании Тобольского отдела Российского общества рыбопромышленности и рыболовства состоялось обсуждение нового устава рыболовства, который был подготовлен уже рыболовной комиссией Государственной думы¹¹. Отличало новый проект то, что в нем были прописаны подробно не только меры, направленные на сохранение и воспроизводство рыбных ресурсов, но и механизм действия устава с подробным изложением организации контроля и надзора за исполнением правил. Так, для организации контроля за исполнением устава в каждой губернии или области создавались комитеты по делам рыболовства, в которые входили по одному представителю от разных ведомств: землеустройства и земледелия, внутренних дел, путей сообщения, торговли и промышленности, а также от рыбопромышленников (ст. 19). Сами комитеты не были постоянным органом власти, а собирались по мере надобности. Ведущей функцией комитета являлось изменение и дополнение действующих правил и нужд местного рыболовства, а именно: определение запретных сроков и границ лова, размеров и числа используемых орудий лова; составление правил торговли (ст. 22–24). Рыболовные комитеты имели лишь совещательную функцию и не являлись последней инстанцией в принятии и установлении правил. Выработанные комитетом правила передавались на рассмотрение Губернскому земскому собранию или Губернскому комитету, после чего вынесение окончательного вердикта оставалось за губернатором (ст. 24). Основной надзор за исполнением правил рыболовства возлагался на Главное управление землеустройства и земледелия, а местный региональный надзор вверялся губернаторам, управлениям земледелия и госимуществ, а также всем чинам полиции, судоходства и корпуса лесничих (ст. 31–34). При этом в новом уставе за нарушение правил рыболовства предусматривалось уголовное преследование.

Хотя в ст. 1 Устава указано, что его действие распространяется на все воды Российской империи, депутаты Госдумы ограничили его применение лишь европейской частью России, указав, что с 1912 г. действие Устава будет узаконено на всей территории России. Местные рыбопромышленники не поддерживали введение общего устава рыболовства, ссылаясь на слабую изученность в ихтиологическом отношении рек тобольского Севера¹². Причем результаты исследования обского рыболовства А. Н. Варпаховским остались почти невостребованными.

¹⁰ Сибирская жизнь. 1902. № 58.

¹¹ Общий устав рыболовства по проекту рыболовной комиссии Государственной Думы // Вестник рыбопромышленности. СПб., 1909. № 24. С. 587–595.

¹² Сибирский листок. 1908–1911. Тюмень : Изд-во Юрия Мандрики, 2003. С. 243.

Таким образом, в Западной Сибири в дореволюционное время не действовали специальные рыболовные нормы и правила, которые бы регулировали и контролировали рациональное использование рыбных ресурсов. Существовали лишь частные законы, регламентировавшие техническую сторону рыболовства – закон 1879 г. и несколько статей Устава сельского хозяйства о запрещении использования самоловов и других орудий лова, препятствующих свободному ходу рыбы. По этому поводу А. А. Дунин-Горкавич писал, что «хотя закон безусловно воспрещает употребление самоловов в рыболовстве, но тем не менее приведенные статьи судебной властью толкуются в разных местностях различно. В то время как в одном уезде лица, замеченные в употреблении самоловов, несут заслуженное наказание, в другом подобные дела оканчиваются оправданием» [3, с. 249]. Можно согласиться с мнением А. А. Дунина-Горкавича и привести ряд примеров. В Тобольской губернии в начале XX в. вышеприведенные законы практически не работали ввиду отдаленности промысловых мест друг от друга и от административных пунктов. Напротив, в Томской губернии плотность населения была значительно выше, что порождало проблему нехватки промысловых угодий, и использование запрещенных видов орудий лова пагубно отражалось не только на рыбных запасах, но и на благосостоянии жителей прибрежных районов. Поэтому контроль со стороны местных властей был намного серьезнее, и это отразилось в частых судебных разбирательствах¹³.

Еще один важный аспект правового регулирования, который имел место, касался социально-бытовой стороны промышленного рыболовства, которая так или иначе имела отношение к организации самого промысла. Генерал-губернатор Западной Сибири Н. Г. Казнаков после посещения Березовского края в 1878 г. был возмущен санитарно-техническим состоянием рыбопромышленных заведений и положением рабочих и предложил местным властям выработать специальный закон, который бы регламентировал отношения между хозяевами и рабочими и контролировал санитарную сторону промысла. В 1880 г. Тобольское губернское управление приняло постановление, которое обязывало рыбопромышленников выдавать рабочим специальную одежду и обувь, расширить рацион питания, куда должно было входить мясо, рыба, хлеб, каша, масло, квас и чай. Также ограничивался рабочий день до 15 часов в сутки; устраивались отдельные помещения для рабочих, которые должны были располагаться вдали от засольной и мест топки жира. При этом вменялось вежливое обращение с рабочими и увеличение заработной платы до 30 руб. за сезон. Ответственными за исполнение постановления назначались окружные исправники¹⁴. Сильнейшая вспышка эпидемии тифа в 1885–1887 гг. среди рабочих показала, что ситуация в рыбопромышленных заведениях несколько не изменилась. Это стало очередным поводом для выработки более серьезных мер по улучшению быта на промыслах. В 1892 г. были приняты новые санитарные правила по организации рыбного промысла на пес-

¹³ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 243. Оп. 1. Д. 19, 23.

¹⁴ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 352. Оп. 1. Д. 309. Л. 21–22.

ках. Подробно регламентировалось устройство помещений для рабочих, организация врачебно-полицейского надзора и врачебной помощи, а также оговаривалась структура контракта рабочего с рыбопромышленником¹⁵. Многие пункты из санитарно-бытовых правил рыбопромышленниками не выполнялись. Сами правила были несовершенны. При их разработке многие особенности рыбного промысла просто не учитывались. А отдаленность промысловых заведений от административных центров способствовала слабому исполнению законных постановлений.

Завершая анализ правовой стороны развития промыслового рыболовства, можно заключить, что на протяжении всего XIX – начала XX в. меры центральных и местных властей по регулированию рыболовства в Сибири были малоэффективными. Сложность составления и реализации рыболовного законодательства заключалась в недостаточности научно-промысловых знаний о рыболовстве. Некоторые принятые меры не исполнялись из-за слабого надзора; организации более строгого надзора препятствовала отдаленность рыбных промыслов от административных центров. Тем не менее можно констатировать, что в России на протяжении второй половины XIX – начала XX в. шел активный процесс формирования рыболовного законодательства, который завершился в 1912 г. принятием рыболовного устава, действие которого на Сибирь не распространялось.

Список литературы

1. *Борисов П. Г.* Научно-промысловые исследования на морях и пресных водоемах. М. : Пищевая промышленность, 1964. 260 с.
2. *Бородин Н.* Наше рыболовство и его порядки. СПб. : Типография редакции периодических изданий Министерства финансов, 1893. С. 329–343. Отд. оттиск.
3. *Дунин-Горкавич А. А.* Тобольский Север. Этнографический очерк местных инородцев. Т. 1. М. : Либерея, 1995. 376 с.
4. *Вешняков В. И.* Рыболовство и законодательство. СПб. : Тип. Тренке и Фюсно, 1894. 1061 с.
5. *Зиновьев В. П.* Обские рыбопромышленники XVIII – первой половины XIX века // Российское купечество от средних веков до нашего времени. М. : Ин-т рос. истории РАН, 1993. С. 96–99.
6. *Зиновьев В. П.* Озерное рыболовство в Сибири в XIX – начале XX вв. // Хозяйственное освоение Сибири: история, историография, источники. Томск : Изд-во Томского университета, 1991. С. 62–81.
7. *Пирожников Г. А.* Записки уездного исправника. Серия XX век. События и личности. Сургут : Северо-Сибирское региональное книжное издательство, 2002. 104 с.
8. *Плотников А. Ф.* Нарымский край (5 стан Томского уезда, Томской губернии): историко-статистический очерк // Записки Императорского Русского географического общества по отделению статистики / изд. под ред. Н. В. Латкина ; Т. 10. Вып. 1. СПб. : Типография В. Ф. Киршбаума, 1901. [2], II, 366, 17 с.
9. *Разгон В. Н.* Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Барнаул : Алтайский государственный университет, 1999. 659 с.
10. *Сабанеев Л. П.* Рыбы России. Жизнь и ловля (уженье) наших пресноводных рыб. М. : Физкультура и спорт, 1982. Т. 2. 575 с.

¹⁵ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 352. Оп. 1. Д. 309. Л. 21–22.

11. Санкин Е. В. Промысловое рыболовство в Западной Сибири в XIX – начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Сургут, 2008. 188 с.
12. Сибирские и Тобольские губернаторы: исторические портреты и документы. Тюмень : Тюмен. издат. дом, 2000. 577 с.
13. Скорилов А. С. Озерное рыболовство в Барабинском районе // Материалы к познанию русского рыболовства. Т. II. Вып. 8. СПб. : Главное управление земледелия и землеустройства, Департамент Земледелия. Тип. В. Ф. Киршбаума, 1913. 87 с.
14. Старцев А. В. Государственное регулирование охотничьего промысла в России в XVIII – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 400. С. 152–156. <https://doi.org/10.17223/15617793/400/25>
15. Тяпкин М. О. Государственная лесоохранная политика в Западной Сибири в XVIII – начале XX в. Барнаул : Барнаул. юрид. институт МВД России, 2019. 496 с.
16. Ямал – знакомый и неизвестный. Тюмень : Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН, 1995. 238 с.

State Regulation of Fishing in Russia in the 19th – Early 20th Century

E. V. Sankin

Secondary School N 25, Surgut, Russian Federation

V. P. Zinoviev

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Abstract/ the article, mainly based on Siberian material, examines the problem of regulation of fishing in the Russian Empire in the late 19th – early 20th century, when serious consequences of predatory, unrestricted use of natural resources became apparent to the public and local officials. There is an awareness of the need for restrictive measures at the level of regional administration and the inattention of the general imperial power structures to this issue in relation to Asian Russia. Fishermen actively opposed any regulation of the time and methods of fishing in Siberia. Fishing in Asian Russia had no restrictions until the Soviet era. The officials found justification for this primarily in the rights of the foreign population to use traditional fishing grounds. All the lands of Siberia remained officially state-owned and during the XIX century, fishing grounds were gradually transferred to tax articles. Attempts to regulate the rental relations of the aboriginal population and fishermen, undertaken by local authorities, have not yielded great results. Somewhat more important were the measures to regulate the relations of fishermen and hired workers at capitalist fishing enterprises – strezhevye sands. The resolutions of the Tobolsk provincial administration obliged fishermen to give workers special clothes and shoes, improve nutrition, meat, fish, bread, porridge, butter, kvass and tea were to be included in the workers' diet. The working day was limited to 15 hours a day. The resolutions ordered to arrange separate rooms for workers to rest, imputed polite treatment of workers and an increase in wages to 30 rubles. per season. District police officers were appointed responsible for the execution of the resolution. This kind of control made the regulations practically useless. The fishing industry of Siberia remained throughout the 19th – early 20th century a field of spontaneous regulation based on the economic traditions of the Russian and aboriginal population.

Keywords: fishing, measures of state regulation, Siberia.

For citation: Sankin E. V., Zinoviev V. P. State Regulation of Fishing in Russia in the 19th – Early 20th Century. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2021, vol. 38, pp. 72-85. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.72> (in Russian)

References

1. Borisov P.G. *Nauchno-promyslovye issledovaniya na moryh i presnyh vodoyemah* [Scientific and commercial research on the seas and fresh water bodies] Moscow, Pishchevaia promyshlennost Publ., 1964, 260 p. (in Russian)
2. Borodin N. *Nashe rybolovstvo i ego poryadki* [Our fishing and its procedures]. Saint Petersburg, Tipografia redakzii periodicheskikh izdaniy Ministerstva finansov Publ., 1893, pp. 329-343. (in Russian)
3. Dunin-Gorkavich A.A. *Tobolskiy Sever. Etnograficheskiy ocherk mestnykh inorodzev* [Tobolsk North. Ethnographic essay of local aboriginal population]. Vol. 1. Moscow, Libereya Publ., 1995, 376 p. (in Russian)
4. Veshnyakov V.I. *Rybolovstvo i zakonodatelstvo* [Fisheries and legislation]. Saint Petersburg, Tipografiya Trenke i Fyusno Publ., 1894, 1061 p. (in Russian)
5. Zinoviev V. P. *Obskie rybopromyshlenniki XVIII – pervoy poloviny XIX veka* [Ob fishermen of the 18th – first half of the 19th century.]. *Rossiyskoe kupechestvo ot srednih vekov do nashego vremeni* [Russian merchants from the Middle Ages to our time]. Moscow, Institut Rossiyskoy istorii RAS Publ., 1993, pp. 96-99. (in Russian)
6. Zinoviev V.P. *Ozernoe rybolovstvo v Sibiri v 19 – nachale 20 vv.* [Lake fishing in Siberia in the 19th – early 20th centuries]. *Hozyaystvennoe osvoenie Sibiri: istoria, istoriografia, istochniki* [Economic development of Siberia: history, historiography, sources]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1991, pp. 62-81. (in Russian)
7. Pirozchnikov G.A. *Zapiski uездного ispravnika. Seria 20 vek. Sobytiya i lichnosti* [Notes of county police officer. 20th century series. Events and personalities]. Surgut, Severo-Sibirskoe regionalnoe knizhnoe Publ., 2002, 104 p. (in Russian)
8. Plotnikov A.F. *Narymsky kray (5 stan Tomskogo uезда, Tomskoy gubernii): istoriko-statisticheskiy* [Narymsky Krai (5th camp of Tomsk county, Tomsk province): historical and statistical essay]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleyu statistiki* [Notes of the Imperial Russian Geographical Society on the Department of Statistics]. Ed. by N.V. Latkin; Vol. 10. Iss. 1. Saint-Petersburg, Tipografia V.F. Kirshbauma, 1901, 366 p. (in Russian)
9. Razgon V.N. *Sibirskoe kupechestvo v 18th – pervoy polovine 19th v.* [Siberian merchants in the 18 – first half of the 19 century]. Barnaul, Altaiskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 1999, 659 p. (in Russian)
10. Sabaneev L.P. *Ryby Rossii. Zhizn i lovlya (uzchenye) nashih presnovodnykh ryb* [Fish of Russia. The life and fishing of our freshwater fish.]. Moscow, Fizkultura i sport Publ., 1982, vol. 2, 575 p. (in Russian)
11. Sankin E. V. *Promyslovoe rybolovstvo v Zapadnoy Sibiri v XIX – nachale XX vv. Diss. na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [Commercial fishing in Western Siberia in the 19th – early 20th centuries. Cand. sci. diss]. Surgut, 2008, 188 p. (in Russian)
12. *Sibirskie i Tobolskie gubernatory: istoricheskie portrety i dokumenty* [Siberian and Tobolsk governors: historical portraits and documents]. Tyumen, 2000, 577 p. (in Russian)
13. Skorikov A.S. *Ozernoe rybolovstvo v Barabinskom raione* [Lake fishing in the Barabinsky district]. *Materialy k poznaniyu russkogo rybolovstva* [Materials for the knowledge of Russian fishing]. Vol. 2. Is. 8. Saint-Petersburg, Glavnoe upravlenie zemledeliya i zemleustroystva, Departament Zemledeliya, Tip. V. F. Kirshbauma Publ., 1913, 87 p. (in Russian)
14. Starzev A.V. *Gosudarstvennoe regulirovanie ohotnichyego promysla v Rossii v 18 – nachale 20 v.* [State regulation of hunting in Russia in the 18th – early 20th century]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2015, no. 400, pp. 152-156. <https://doi.org/10.17223/15617793/400/25> (in Russian)
15. Tyapkin M. O. *Gosudarstvennaya lesokhrannaya politika v Zapadnoy Sibiri v 18 – nachale 20 v.* [State forest protection policy in Western Siberia in the 18th – early 20th century]. Barnaul, Barnaulskiy uiridichekiy unstitut MVD Rossii, 2019. 496 p. (in Russian)

16. *Yamal – znakomyy i neizvestnyy* [Yamal – familiar and unknown]. Tyumen, Institut problem osvoeniya Severa Sibiskogo otdeleniya PAS Publ., 1995. 238 p. (in Russian)

Санкин Евгений Валериевич

кандидат исторических наук,

учитель истории

Средняя общеобразовательная школа № 25

Россия, 628401, г. Сургут,

ул. Декабристов, 8

e-mail: sc25@admsurgut.ru

Sankin Evgeny Valeryevich

Candidate of Sciences (History),

History Teacher

Secondary School N 25

8, Dekabristy st., Surgut, 628401,

Russian Federation

e-mail: sc25@admsurgut.ru

Зиновьев Василий Павлович

доктор исторических наук, профессор,

Национальный исследовательский Томский

государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

e-mail: rektor@mail.tsu.ru

Zinoviev Vasilii Pavlovich

Doctor of Sciences (History), Professor

National Research Tomsk State University.

Russian Federation

36, Lenin ave., Tomsk, 634050,

Russian Federation

e-mail: rektor@mail.tsu.ru

УДК 947:571.6(591)

<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.86>

Политика российских властей в отношении корейских мигрантов на Дальний Восток России во второй половине XIX в.

А. Ю. Иванов

Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск, Россия

Аннотация. Рассматривается проводимая российскими властями политика в отношении корейских переселенцев на территорию России во второй половине XIX в. Отмечается, что в условиях малочисленности русского населения на Дальнем Востоке российское правительство и местные власти осуществляли меры по обустройству беженцев из северных районов Кореи, стремясь определить их статус на территории России.

Ключевые слова: российский Дальний Восток, корейские иммигранты, миграционная политика.

Для цитирования: Иванов А. Ю. Политика российских властей в отношении корейских мигрантов на Дальний Восток России во второй половине XIX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2021. Т. 38. С. 86–94. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.86>

В первое десятилетие после включения Приамурья и Приморья в состав Российской империи на русском Дальнем Востоке ощущалась острая нехватка рабочей силы. В связи с этим перед русской администрацией встала задача по освоению дальневосточных окраин и созданию там крепкого крестьянства. Однако это требовало огромных финансовых средств, которыми царское правительство не располагало.

27 апреля 1861 г. Александром II был утвержден законопроект «О правилах для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири», согласно которому колонистам, желающим поселиться в Приамурском крае, при условии переселения за свой счет предоставлялось право выбора свободных участков казенной земли во временное пользование или в полную собственность в размере 100 дес. на семью. При этом они навсегда освобождались от подушных податей, от воинской повинности – на 10 лет и от пользования землей – на 20 лет¹.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 36. Отделение 1-е. 1861. № 36490-37190. СПб., 1863. № 36928.

Однако в первые годы действия этого закона число переселенцев на Дальний Восток было незначительным. По данным чиновника особых поручений Ф. Ф. Буссе, в течение 1863–1870 гг. в Южно-Уссурийский край русских крестьян переселилось 2266 чел., а в период 1871–1882 гг. – лишь 632 чел. [1, с. 5–6]. Таким образом, к 1882 г. общая численность русского населения в Приморской области составляла всего 8385 чел. [2, с. 129].

При такой малочисленности русского населения местные власти весьма благожелательно восприняли переселение корейских беженцев из северных районов Кореи, которые, несмотря на строжайший запрет переселяться и селиться под угрозой смертной казни, расселялись на северных берегах рек Амур и Туманган.

Самые первые переселенцы из Кореи поселялись на русских землях благодаря самостоятельному решению начальников военных постов, которые непосредственно вступали в контакт с корейскими жителями правобережья р. Туманган. Так, поручик Резанов позволил одному корейцу привести свое семейство и поселил его по р. Тизинхэ. О намерении корейцев остаться на территории России при условии обеспечения их безопасности от маньчжуров Резанов сообщил военному губернатору Приморской области контр-адмиралу П. В. Казакевичу в рапорте от 30 ноября 1863 г. Однако затруднительные сообщения с Николаевском в зимний период заставили Резанова принять самостоятельное решение о поселении корейцев в 15 верстах от поста Новгородского. Поэтому, когда П. В. Казакевич весной 1864 г. дал указание о содействии переселению корейцев, на территории российского Дальнего Востока уже жили 60 корейцев, обзаведясь домами, огородами и скотом.

Однако среди этих переселенцев не было ни одного, кто мог бы прокормиться до первого урожая. В связи с этим Резанов вынужден был выдать им займы 100 пудов муки. Между тем, чтобы не кормить корейцев даром, поручик Резанов позволил им переселяться не ранее февраля-марта 1864 г., с тем чтобы до нового урожая оставалось не более 5–6 месяцев².

В апреле 1864 г. военный губернатор Приморской области, получив рапорт поручика Резанова от 30 ноября 1863 г., предписывал ему, что разрешает при наличии «свободных людей выстроить дом в месте поселения корейцев» и «принять самые энергичные меры к ограждению безопасности и спокойствия всех туземцев, живущих в наших пределах», а также, насколько позволяют средства, «устранять всякое вмешательство и самовольное распоряжение маньчжур в отношении туземцев». В. П. Казакевич указывал Резанову, что он должен «по возможности стараться внушить туземцам, что живя в наших пределах, они пользуются покровительством и защитой русских законов наравне со всеми русскими и что всякая обида, нанесенная им, не останется без наказания»³.

² Гельмерсен П. А. Записка о корейцах, желающих принять подданство России. 22 мая 1865 г. // ГАИО. Ф. 24. О. 11/3. Д. 24. Л. 27–29.

³ Предписание военного губернатора Приморской области контр-адмирала Казакевича начальнику поста в заливе Новгородском. Николаевск, апреля 1864 г. // ГАИО. Ф. 24 О. 11/3. Д. 24. Л. 2–3.

Посетивший в мае 1864 г. Тизинхэ штабс-капитан Генерального штаба П. А. Гельмерсен также изложил свои взгляды на переселение и размещение корейцев на территории России. В частности, он писал: «Я считаю поселение их в наших пределах делом не только полезным, но и существенно важным для будущности этого края, богатого всем, кроме рабочих рук... Первое применение корейцев могло бы быть на копиях каменного угля в Посъете. Не говоря уже, что от корейцев, скорее всего, можно ожидать сбыт хлеба для войска, что даст прямой барыш от понижения цен мы получим ту выгоду, что положим основание для будущего развития края, облегчая русским его заселение тем, что они придут сюда и найдут многое на месте, что теперь нужно возить за тысячи верст, а с другой стороны привлечем иностранный капитал на промышленные и торговые предприятия»⁴.

П. А. Гельмерсен предлагал применить к корейцам 8-й параграф Правил для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири, в соответствии с которым было разрешено отводить в пользование на каждое семейство 100 десятин. При этом он считал, что помощь корейцам «нужно выдавать с большой осмотрительностью и непременно на определенный срок, чтобы не приучать к безвозмездному вспомоществованию, которое только развращает, а не приносит действительной пользы»⁵. И нет необходимости «причислить их в государственные крестьяне», так как это потребует, с одной стороны, слишком большой расход для такого незначительного количества душ, а с другой – подчинить их таким повинностям, как, например, рекрутская, которая для них будет очень трудна, а государству не принесет никакой пользы, потому что «первое поколение корейцев, по незнанию русского языка и русской жизни не может дать хороших солдат»⁶. Кроме того, Гельмерсен предлагал учредить среди корейцев, способных к ассимиляции, русскую школу и особую гражданскую власть, которая непосредственно ведала бы переселенцами.

Впоследствии многие рекомендации П. А. Гельмерсена были приняты во внимание восточносибирской администрацией при составлении инструкции по управлению корейским населением.

Генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков, получив первые сведения об успешном освоении земель корейскими переселенцами, в ноябре 1864 г. просил военного губернатора Приморской области «ввиду особой важности заселения края» оказывать корейцам, желающим «прочно заселиться в наших пределах», покровительство и помощь продовольствием на

⁴ Выписка из отчета Генерального штаба капитана Гельмерсена о поездке в гавань Посъет в 1865 г. // РГИА ДВ. Ф. 87. О. 1. Д. 278. Л. 54.

⁵ Там же.

⁶ Гельмерсен П. А. Записка о корейцах, желающих принять подданство России. 22 мая 1865 г. // ГАИО. Ф. 24. О. 11/3. Д. 24. Л. 27–29.

первое время в необходимом размере из «экстраординарных сумм»⁷. В августе 1866 г. М. С. Корсаков распорядился выделить средства в размере 100 руб. серебром на строительство школы для корейцев⁸.

С началом корейской иммиграции на территорию России дальневосточная администрация стала принимать меры по определению правового статуса иммигрантов и регулированию административного управления корейским населением. 13 августа 1866 г. генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков поручил военному губернатору Приморской области И. В. Фургельму в заселенной преимущественно корейцами южной части Уссурийского края с 1 января 1867 г. ввести новый порядок управления, при котором все корейское население окрестностей залива Петра Великого переходило в подчинение начальнику Новгородского поста [8, с. 211].

В своей деятельности начальник Новгородского поста руководствовался составленной в конце 1866 – начале 1867 г. Инструкцией заведующему Суйфунским округом по управлению туземным, корейским, китайским и маньчжурским населением. Этот документ отразил в себе первый опыт решения в России вопроса об административном управлении корейским населением [6, с. 82].

В первые годы после утверждения русской власти в Приморье корейское правительство при поддержке китайских властей г. Хуньчуня всемерно пыталось воспрепятствовать переходу на российскую территорию корейцев. Однако генерал-губернатор Восточной Сибири ввиду неопределенных политических отношений России с Кореей, отсутствия официальных дипломатических связей между ними до разрешения вопроса о зачислении переселенцев в государственные крестьяне предписывал начальнику Новгородского поста руководствоваться следующими положениями, которые были даны ему еще в 1864 г.:

1. Между русскими и корейскими правительствами не существует никаких соглашений относительно переходящих на русскую территорию корейцев; по русским же законам мы не можем мешать желающим принять русское подданство.

2. Все корейцы, перешедшие в русские пределы, должны пользоваться полной свободой и покровительством русских законов.

3. В случае, если живущие около Новгородского поста корейцы будут подвергаться притеснениям со стороны китайских чиновников, начальнику поста предоставлено право для устранения этого вмешательства употребить даже вооруженную силу⁹.

Неурожай осенью 1869 г., случившийся в Северной Корее, вызвал массовую миграцию корейского населения на территорию российского Дальнего Востока. В конце сентября – начале октября 1869 г. на р. Тизинхэ пришли 1850 корейцев, а в конце ноября – начале декабря границу перешли еще 4500

⁷ Корейцы Приамурского края. Краткий исторический очерк переселения корейцев в Южно-Уссурийский край // Приамурские ведомости. 1895. Прил. № 83. С. 1.

⁸ Записка генерал-губернатора Восточной Сибири М. С. Карсакова о выделении средств на создание школы для корейцев, направленная военному губернатору Приморского края // РГИА ДВ. Ф. 87. О. 1. Д. 1007. Л. 1-1 об.

⁹ Доклад о переселении корейцев // РГИА ДВ. Ф. 87. О. 1. Д. 278. Л. 46–47.

человек. Всего в конце 1869 г. из провинции Хамгён в Южно-Уссурийский край прибыли 7 тыс. корейцев [10, с. 110; 11, с. 45].

Военный губернатор Приморской области контр-адмирал И. В. Фуругельм во избежание массовой гибели корейцев от голода распорядился отпустить из магазинов интендантского ведомства для раздачи корейцам 4 тыс. пудов ржи и 2 тыс. пудов муки. Генерал-губернатор Восточной Сибири, в свою очередь, распорядился об отпуске необходимых средств корейцам и предложил Фуругельму разместить мигрантов внутри Южно-Уссурийского края, не допуская поселения их близ морского побережья и государственной границы с Китаем [6, с. 86].

С этого времени власти Приморья стали выражать беспокойство, что растущий наплыв корейских переселенцев создаст как политические, так и экономические неудобства. В политическом отношении они боялись образования на границе с Кореей сплошного корейского населения, а в экономическом – не хотели лишать будущих русских переселенцев лучших плодородных земель. В связи с этим вопрос об отношении русских властей к корейскому переселению вступал в новую фазу: с одной стороны, местные русские власти стремились ограничить наплыв переселенцев из Кореи, а с другой – очистить приграничную полосу от «корейского элемента», переселяя корейцев в глубинные районы Уссурийского края [Там же].

Выражая взгляд царского правительства на переселение корейцев в Россию, директор Азиатского департамента МИД П. Н. Стремоухов писал 9 января 1870 г. генерал-губернатору Восточной Сибири Н. П. Синельникову: «Мы можем только радоваться увеличению населения в наших пустынных областях и притом такого населения, которое своим трудолюбием... подает надежды к скорейшему водворению прочного гражданского трудоустройства в том крае. Само собой разумеется, что поселение корейских семейств поблизости нашей границы могло бы представить важные неудобства и даже послужить поводом к недоразумениям с соседними корейскими властями. Ваше Превосходительство, вероятно, признает полезным дать местным властям определенные постановления относительно способа водворения корейцев вдали от пограничной черты, чтобы не образовали сплошного корейского населения, а были, напротив, размещены между русскими селами и деревнями. Только в последнем случае мы можем надеяться на скорейшее обрусение их слияние с прочим населением края»¹⁰.

С весны 1871 г. началась новая полоса корейского переселения в Уссурийский край. В связи с этим Н. П. Синельников предписал военному губернатору Приморской области 500 семейств вновь прибывших переправить на пароходах на Амур, а военному губернатору Амурской области Педашенко – построить дома для переселенцев, обеспечить их продовольствием до урожая 1872 г. и снабдить семенами, рабочим скотом и необходимым инвентарем. На

¹⁰ Письмо директора Азиатского департамента МИД Стремоухова генерал-губернатору Восточной Сибири Карсакову. СПб., 9 марта 1870 г. // АВПРИ. Ф. «СПб. Главный архив, 1-9». О. 8. 1870–1882 гг. Д. 25. Л. 15.

эти нужды выделялся 13 651 руб. В конце июля 1871 г. 102 семейства в числе 431 души были привезены на р. Самару для поселения в с. Благословенном.

В связи с массовой миграцией переселенцев из Кореи и увеличивающимся притоком русскоязычного населения все чаще ставился вопрос о целесообразности дальнейшей корейской иммиграции. Немалую роль в решении вопроса о корейских мигрантах играли личные взгляды генерал-губернаторов и военных губернаторов. Так, военный губернатор Приморской области И. Г. Баранов считал, что у корейцев нет чувства благодарности к России, так как местные русские власти вскоре после переселения корейцев на Дальний Восток потеряли к ним всякий интерес, в результате чего «построенные в первые годы часовни и школы стоят пустые», а «крещенные корейцы молятся своим предкам. Дети их обучаются грамоте по корейским учебникам, преимущественно исторического содержания и ни в культе, ни в домашнем обиходе, ни в общественном строе... не проглядывается у них наше влияние»¹¹.

В 1886 г. в Хабаровске был созван 2-й съезд губернаторов и других представителей местных властей Приамурского края. Хабаровский съезд заслушал комиссию по корейскому вопросу Приморской области и Амурского края. Решения съезда сводились к тому, чтобы не допустить дальнейшего переселения корейцев, а переселившихся раньше выселить вглубь территории края. Корейские переселенцы должны были оставить уже освоенные ими земли, которые переходили в пользование русских крестьян-переселенцев [5, с. 26]. Решения съезда по корейскому вопросу и соответствующее ходатайство первого генерал-губернатора Приамурского края А. Н. Корфа, решительного противника иммиграции корейцев, были одобрены Комитетом министров в Петербурге [9].

Вместе с тем необходимо было решить вопрос о правовом статусе уже переселившихся в Россию корейцев. Согласно указанию приамурского генерал-губернатора А. Н. Корфа все корейцы, находившиеся в России, были условно разделены на три категории. К первой категории были отнесены корейцы, переселившиеся и осевшие в России до заключения русско-корейского договора 1884 г. Им разрешалось остаться в Уссурийском крае, и они должны были быть приняты в русское гражданство.

Вторую группу составляли корейцы, переселившиеся и осевшие в России после 1884 г., но желающие принять русское подданство и обязывающиеся исполнять правила, установленные для первой категории. Они лишались прав на пользование надельными землями и в течение двух лет должны были ликвидировать свои хозяйства и выехать в Корею.

К третьей категории были отнесены корейцы, временно проживающие в Приамурском крае, т. е. не осевшие здесь, а приехавшие на заработки. Они не имели права создавать хозяйства на государственных землях. Оставаться в русских пределах они могли только с разрешения русских властей по получении русских билетов на жительство [7, с. 2–5].

¹¹ Представление военного губернатора Приморской области И. Г. Баранова о принятии в русское подданство корейцев и причислении их к сельским обществам // РГИА ДВ. Ф. 702. О. 1. Д. 69а. Л. 2–5 об.

В 1893 г. новым Приамурским генерал-губернатором был назначен С. М. Духовский, выступивший с иной, нежели барон Корф, позицией в отношении корейского вопроса в Приамурье. Он был сторонником использования корейцев для колонизации края и приема их в русское подданство с наделением землей. В государственных интересах Духовский считал необходимым без замедления привести к присяге корейцев первой категории, чтобы дарованием такой льготы улучшить их материальное положение, а вместе с тем вызвать еще большие симпатии к России со стороны Кореи. Одновременно он признал необходимым дать отсрочку на выселение корейцев второй категории, взыскивая с них за время пребывания определенную плату за пользование землей.

Политику С. М. Духовского в корейском вопросе продолжил его преемник на посту приамурского генерал-губернатора Н. И. Гродеков. По его инициативе в 1898 г. было разработано Положение о китайских и корейских подданных в Приамурской области, согласно которому в русское подданство приняли всех оставшихся без присяги корейцев первой категории и было обещано принять в русское подданство также корейцев второй категории, проживших в Уссурийском крае не менее пяти лет; корейцам третьей категории разрешили селиться по рекам Иману, Хору, Кие и Амуру [7, с. 114].

Таким образом, в 1900 г. разрешился важный вопрос о подданстве корейцев, переселившихся в Россию. Было решено принять в русское подданство всех корейцев, отнеся их к сословию государственных крестьян, наделить их землей по 50 десятин на семью; привлечь ко всякого рода налогам и сборам и принять меры к скорейшей ассимиляции их с русским населением [3].

Либерализация политики С. М. Духовского и Н. И. Гродекова в отношении корейских переселенцев способствовала быстрому увеличению численности переселяющихся в Россию корейцев. В 1894 г. в Приамурский край прибыло морем всего 9 980 переселенцев из Кореи, из них 3 995 чел. – во Владивосток, 5 985 – в Амурскую область [4, с. 31].

В течение второго этапа (с 1884 по 1900 г.) численность корейского населения Приморской области выросла почти в четыре раза и составила 28,5 тыс. чел., из которых 16,5 тыс. являлись русскоподданными, а 12 тыс. не имели российского гражданства. Фактическое число корейцев, переходящих русско-корейскую и русско-китайскую границу, во много раз превышало численность тех, кто проходил паспортно-визовый контроль или приобретал русский билет. Главная масса корейских иммигрантов переплавлялась в русское Приморье нелегально через р. Туманган. Корейцы поселялись в окрестностях Владивостока, по морскому побережью Амурского и Уссурийского заливов и т. д.

В результате принятия части корейцев Приамурского края в подданство России привело к тому, что иммигранты из Кореи стали расселяться по всему русскому Дальнему Востоку, часто в нелегальном порядке. С другой стороны, местным властям все сложнее стало контролировать миграционный процесс из Кореи на российский Дальний Восток.

Список литературы

1. Аносов С. Д. Корейцы в Уссурийском крае. Хабаровск ; Владивосток : Кн. дело, 1928. 84 с.
2. Граве В. В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. СПб.: Тип. В. Киришбаума. 1912. 412 с.
3. Ким Г. Н. Переселение в Россию и просвещение корейцев в дореволюционный период // World.lib.ru: сайт. URL: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/ch2rtf.shtml
4. Ким Сын Хва. Очерки по истории советских корейцев. Алма-Ата : Наука, 1965. 251 с.
5. Надаров И. П. Материалы к изучению Уссурийского края. Владивосток : Тип. Штаба портов Восточного океана, 1886. 27 с.
6. Пак Б. Д. Россия и Корея. М. : ИВ РАН, 2004. 520 с.
7. Песоцкий В. Д. Корейский вопрос в Приамурье // Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. Т. 11. Хабаровск. 1913. 188 с.
8. Рагоза А. Краткий исторический очерк переселения корейцев в наши пределы // Военный сборник. 1903. № 6. С. 206–222.
9. Сборник пограничных договоров, заключенных Россией с соседними государствами. СПб. : Тип. Тренке и Фюсно. 1891. 346 с.
10. Унтербергер П. В. Приморская область. 1856–1898 гг. СПб. : Тип. Киришбаума, 1900. 324 с.
11. Пак Но Бён. Хан-но кёнчже исимён 1884–1903 (20 лет российско-корейской экономики. 1884–1903). Сеул, 1994. 260 с.

The Policy of the Russian Authorities in Relation to Korean Migrants to the Russian Far East in the Second Half of the 19th Century

A. Yu. Ivanov

Pacific National University, Khabarovsk, Russian Federation

Abstract. Resettlement of Koreans from northern Korea to Russian territory has been important in the development of the Russian Far East. In the first decade after the Amur region and Primorye was included in the Russian Far East, there was an acute shortage of labor. In this regard, before the Russian administration faced with the task to develop the Far Eastern suburbs and the establishment there of strong peasantry. The measures taken by the Russian authorities to provide protection and food aid to displaced persons in many ways contributed to the further relocation of Koreans in the Russian Far East.

Keywords: Korean immigrants, migration, the Russian Far East, the land development.

For citation: Ivanov A. Yu. The Policy of the Russian Authorities in Relation to Korean Migrants to the Russian Far East in the Second Half of the 19th Century. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2021, vol. 38, pp. 86-94. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.86> (in Russian)

References

1. Anosov S.D. *Koreytsy v Ussuriyskom krae* [Koreans in the Ussuri region]. Khabarovsk-Vladivostok, Knizhnoye delo, 1928, 84 p. (in Russian)
2. Grave V.V. *Kitaitsy, koreitsy I yapontsy v Priamurye* [Chinese, Koreans and Japanese in Priamurye]. Saint Petersburg, B. Kirshbaum's Publ., 1912, 412 p. (in Russian)

3. Kim G.N. *Pereseleniye v Rossiyu i prosveshcheniye koreytsev v dorevolutsionnyy period* [Resettlement to Russia and the Enlightenment of Koreans in the Pre-Revolutionary Period]. World.lib.ru. Available at: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/ch2rtf.shtml (date of access: 25.08.2021). (in Russian)
4. Kim Seun Hwa. *Ocherki po istorii sovetskikh koreytsev* [Essays on the history of Soviet Koreans]. Alma-Ata, Nauka Publ., 1965, 251 p. (in Russian)
5. Nadarov I.P. *Materialy k izucheniyu Ussuriyskoyu kraya* [Materials for the study of the Ussuri region]. Vladivostok, Eastern Ocean Ports Stuff's Publ., 1886, 27 p. (in Russian)
6. Park B.D. *Rossiya I Koreya* [Russia and Korea]. Moscow, IDV RAN, 2004, 520 p. (in Russian)
7. Pesotski V.D. Koreyskiy vopros v Priamurye [The Korean question in the Amur region]. *Trudy komandirovannoy po Vysochayshemu poveleniyu Amurskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Amur Expedition sent by the Highest command]. Khabarovsk, vol. 11, 1912, 188 p. (in Russian)
8. Ragoza A. *Kratkiy istoricheskiy ocherk pereseleniya koreytsev v nashi predely* [A brief historical sketch of the resettlement of Koreans to our borders]. *Voyenniy sbornik*, 1903, no. 6, p. 206-222. (in Russian)
9. *Sbornik pogranichnykh dogovorov, zaklyuchennykh Rossiiy s sosednimi gosudarstvami* [Collection of border treaties concluded by Russia with neighboring states]. Saint Petersburg, Trenke&Fyusno Publ., 1891, 346 p. (in Russian)
10. Unterberger P.V. *Primorskaya oblast* [Primorye region]. 1856-1898. Saint Petersburg, Kirshbaum's Publ., 1900, 324 p. (in Russian)
11. Park No Byon. Hanro kyonjae icimnyon. 1884–1903 [20 years of the Russian-Korean economy. 1884–1903]. Seoul, 1994, 260 p. [in Korean].

Иванов Александр Юрьевич

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра восточных языков, факультет
востоковедения и истории
Тихоокеанский государственный
университет
Россия, 680000, г. Хабаровск,
ул. К. Маркса, 68
e-mail: ivanoff1967@mail.ru

Ivanov Alexander Yurievich

Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, Department of Oriental Studies
and History
Pacific National University
68, K. Marx st., Khabarovsk, 680000,
Russian Federation
e-mail: ivanoff1967@mail.ru

УДК 325.1(519:470)(091)

<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.95>

Оформление правового положения корейских мигрантов в России в XIX в.

Е. С. Бурдин

Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, г. Хабаровск, Россия

Аннотация. Рассматривается процесс миграции корейских подданных на территорию российского Дальнего Востока, вызвавший необходимость правового регулирования положения мигрантов. Делается вывод, что дальневосточные власти изначально воспринимали обосновавшихся в Южно-Уссурийском крае корейских переселенцев как подданных России, но не могли предоставить им все льготы в соответствии с российским законодательством, так как такой шаг мог вызвать протесты со стороны Кореи и Китая.

Ключевые слова: Дальний Восток, Корея, корейская миграция, Южно-Уссурийский край.

Для цитирования: Бурдин Е. С. Оформление правового положения корейских мигрантов в России в XIX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2021. Т. 38. С. 95–101. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.95>

Вторая половина XIX в. характеризовалась активизацией внешней политики России на Дальнем Востоке. Воспользовавшись слабостью Китая из-за восстания тайпинов (1850–1864 гг.) и второй опиумной войны (1856–1860 гг.), Россия подписала Айгунский (1858 г.) и Пекинский (1860 г.) договоры. По условиям данных соглашений в состав Российской империи вошли Приамурье и Приморье, тогда же по реке Туманган была определена граница между Россией и Кореей. В начале 1864 г. через эту границу в Южно-Уссурийский край пришли первые семьи корейцев общей численностью 65 чел. Гонимые голодом, нищетой и деспотизмом корейских властей, мигранты образовали первое корейское поселение в России – деревню Тизинхэ, получившую название в честь одноименной реки. Данное событие стало началом корейской миграции на российский Дальний Восток.

С этого момента местные власти стали предпринимать попытки оформить правовой статус иностранных мигрантов [5, с. 95]. В частности, в 1865 г. военный губернатор Приморской области контр-адмирал П. В. Казакевич, чтобы оградить переселенцев от преследований правительства Кореи и китайских чиновников (Сеул в тот период находился под влиянием Пекина), предложил Совету Главного управления Восточной Сибири зачислять их в «государственных крестьян». Однако это предложение было отклонено, поскольку у корейцев отсутствовало российское подданство.

В 1866 г. вопросами устройства быта корейцев в Приморской области заинтересовался генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков. По его распоряжению с 1 января 1867 г. был введен новый порядок управления

Южно-Уссурийским краем, заселенным преимущественно выходцами из Кореи [6, с. 207–208]. В соответствии с новыми правилами окрестности залива Петра Великого выделили в отдельную административно-территориальную единицу – Суйфунский округ, руководство которым было возложено на начальника Новгородского поста. Ему в помощь назначался офицер, управлявший населением на правах земского исправника. Позднее в округе была учреждена еще одна офицерская должность «заведующего корейцами» [5, с. 98]. Его деятельность регламентировалась Инструкцией заведующему Суйфунским округом по управлению туземным, корейским, китайским и маньчжурским населением по доставлению срочных сведений, которую составил военный губернатор Приморской области И. В. Фуругельм в конце 1866 – начале 1867 г. Инструкция предписывала избрать старшину и двух помощников в каждом корейском селе и урочище, где находились не менее 10 дворов. Возложить на них обязанность предупреждать и пресекать беспорядки и самоуправство, а также доносить обо всех подобных случаях и прочих происшествиях командованию поста. Полномочий налагать на нарушителей каких-либо взысканий старшинам не предоставлялось.

Со второй половины 1870-х гг. Корея попала под сильное влияние Японии, что привело к окончанию политики самоизоляции корейского государства. Изменившаяся ситуация на Дальнем Востоке позволила российскому правительству в конце 1870-х гг. начать переговоры об установлении официальных отношений с Сеулом. В преддверии указанных переговоров администрация Восточно-Сибирского генерал-губернаторства вплотную занялась корейским вопросом. Для организации переписи корейского населения, а также сбора сведений о поселениях корейцев, их образе жизни и занятиях генерал-губернатор Восточной Сибири, генерал-адъютант барон П. А. Фредерикс направил в Южно-Уссурийский край старшего чиновника особых поручений при Главном управлении Восточной Сибири В. Н. Висленева [3, с. 38]. Такое пристальное внимание центральных и местных властей свидетельствовало о нацеленности Петербурга на выработку конкретного подхода к корейской миграции.

В 1884 г. Россия и Корея установили дипломатические отношения. Но несмотря на это, внешнеполитическим ведомствам обеих стран не удалось сразу выработать единую позицию по проблеме обосновавшихся на российской территории корейцев. Царское правительство было настроено на признание этих мигрантов российскими подданными. Именно такая идея была отражена в инструкции Министерства иностранных дел российскому поверенному в Корее К. И. Веберу в 1885 г. Документ предписывал убедить корейское правительство в необходимости признания подданными России и наделении соответствующими правами всех корейцев, переселившихся на российскую территорию до заключения договора 1884 г. [Там же, с. 51].

В соответствии с инструкцией К. И. Вебер поднял проблему правового статуса корейских мигрантов в ходе переговоров о сухопутной торговле в 1886–1888 гг. Необходимо отметить, что русский дипломат смог убедить президента коллегии иностранных дел Кореи Ким Юн Сика внести в первоначальный проект договора статью о признании российской юрисдикции над

всеми корейцами, прибывшими в Россию до 1884 г. Однако в последний момент корейское правительство изменило свое решение, не пожелав публично отказываться от своих подданных. При этом корейская сторона не возражала против того, чтобы российские власти продолжали соблюдать достигнутые устные договоренности [5, с. 103].

Таким образом, в 1888 г. вопрос о подданстве корейских переселенцев в России не получил окончательного разрешения. Мероприятия по оформлению правового статуса мигрантов отныне проводились на основании норм Российско-корейской конвенции о приграничных сношениях 1888 г., а также устного (джентльменского) соглашения между К. И. Вебером и Ким Юн Сиком. Было решено, что корейцы, прибывшие в Россию до заключения договора между Россией и Кореей о дружбе и торговле, т. е. до 25 июня (7 июля) 1884 г., признавались российскими подданными. Мигранты, переселившиеся после этого срока, депортировались. Им предписывалось получить за определенную плату так называемые русские билеты (виды на жительство), ликвидировать свои хозяйства и вернуться на родину.

В феврале 1891 г. приморский губернатор П. Ф. Унтербергер направил представление приамурскому генерал-губернатору А. Н. Корфу, в котором предложил разделить проживающих в Приморской области корейцев на три категории. Документ также содержал порядок действия властей по отношению к каждой из этих групп. Представление было изучено и доработано в канцелярии генерал-губернатора, после чего в виде циркуляра № 2977 от 21 июля 1891 г. разослано в адрес военных губернаторов Приморской и Амурской областей [5, с. 106]. По распоряжению А. Н. Корфа корейцы разделялись на три категории следующим образом [4, с. 3].

Первая категория – корейцы, предназначенные к принятию в русское подданство. К их числу были отнесены переселенцы, осевшие в крае до подписания договора об установлении русско-корейских дипломатических отношений, т. е. до 25 июня (7 июля) 1884 г. Домохозяйствам этой категории предписывалось выдавать свидетельства за подписью начальника округа, в которых указывались год переселения и состав семьи мигрантов. На основе выданных свидетельств формировались посемейные списки, передававшиеся на хранение в местные сельские общественные управления.

Мигранты первой категории привлекались к исполнению денежных и натуральных земских повинностей наравне с крестьянами, прожившими в крае не менее 20 лет. При создании отдельных деревень или сельских обществ им выделялись особые земельные наделы из расчета 15 десятин на семью. Данные участки строго запрещалось сдавать в аренду корейцам, временно находящимся в крае.

Корейские селения или вводились в состав крестьянских обществ, или преобразовывались в особые общественные управления на основаниях, которые действовали в отношении других крестьянских поселенцев. На таких же общих условиях допускался переход корейцев из одного сельского общества в другое. Мигрантам предписывалось состричь шишки и косы, являющиеся элементами традиционной прически в Корее. Корейцы первой категории приводились к присяге на российское подданство.

Во вторую категорию попали корейцы, переселившиеся в Россию и приобретшие оседлость после 25 июня (7 июля) 1884 г., но желавшие принять российское подданство и исполнять правила, введенные для корейцев первой категории. Указанные лица лишались права на дальнейшее пользование казенной землей. Им предписывалось в двухлетний срок ликвидировать свои хозяйства, освободить самовольно занятые земельные участки и обзавестись национальными паспортами. В течение этого времени они несли денежные и натуральные повинности на одинаковых условиях с корейцами первой категории.

Корейским мигрантам второй категории выдавались годовые русские билеты с взиманием налога в размере, установленном для корейцев, прибывающих из Кореи. К лицам, в двухлетний срок не исполнившим требований властей, применялись правила, действовавшие в отношении мигрантов, пришедших в Россию без национальных паспортов.

К третьей категории отнесли корейцев, проживавших в Приамурском крае временно, на заработках. Представители этой категории могли оставаться на территории России только после получения русских билетов. Им было запрещено самовольно селиться и устраивать хозяйства на казенных землях.

Летом 1892 г. корейское население было распределено по указанным категориям. Главную роль в этом сыграла особая комиссия под председательством начальника Южно-Уссурийского края А. В. Суханова [3, 54]. В результате к первой категории были отнесены 1855 семей, ко второй – 1055 [7, с. 33]. Однако в отчете чиновника особых поручений Н. А. Насекина отмечалось, что члены указанной комиссии не знали корейского языка, из-за чего при определении принадлежности мигрантов к той или иной категории чрезмерно полагались на мнения переводчиков, а также волостных и сельских руководителей. Последние пользовались этим обстоятельством и зачисляли в первую категорию своих родственников и друзей, прибывших в Россию в том числе после 1884 г. В то же время многие старожилы, не имевшие такой протекции, несправедливо попадали во вторую категорию [2, с. 59].

В дальнейшем распоряжением властей Приамурского края полномочия по определению лиц, подлежащих выселению, были переданы корейским обществам [5, с. 107]. Главную роль в отборе кандидатов на получение подданства стали играть корейская сельская и волостная администрации, а также нижние чины полиции. [4, с. 54–55]. Это создало почву для злоупотреблений со стороны как представителей корейских обществ, так и российских чиновников.

В этот период в адрес властей поступали индивидуальные и коллективные обращения корейцев второй категории с просьбой оставить их в России. Но приамурская администрация принципиально отклоняла все запросы, чтобы не создавать нежелательных прецедентов. Убедившись в твердости позиции российской власти, корейцы начали постепенно ликвидировать свои хозяйства и переселяться обратно в Корею. Часть мигрантов, однако, предпочла осесть в Маньчжурии, где им было разрешено занять свободные земельные участки [8, с. 112–113].

Вместе с тем некоторые зажиточные мигранты второй категории, имевшие крупные хозяйства и не желавшие покидать русские пределы, прибегали

к хитрости и приобретали свидетельства о принадлежности к первой категории у корейцев, уезжавших обратно в Корею. Таким образом, они остались жить в России под чужими именами [2, с. 59].

Пришедший на смену А. Н. Корфу в 1893 г. новый приамурский генерал-губернатор С. М. Духовской был сторонником использования труда корейцев для освоения края и настаивал на принятии их в русское подданство с наделением земель. Ссылаясь на накопленный положительный опыт, он потребовал ускорить принятие в подданство переселенцев первой категории и считал целесообразным дать отсрочку представителям второй [3, с. 57]. В результате в 1895–1896 гг. к присяге были приведены корейцы Суйфунского и Посыетского участков. В 1897–1898 гг. подданство приняли оставшиеся мигранты из этих районов, не получившие его ранее по разным причинам. Воспользовавшись благосклонностью новой администрации, многие корейцы второй и третьей категории также стали ходатайствовать о принятии их в российское подданство.

Взяв в расчет выводы Н. А. Насекина об упущениях в работе комиссии по разделению корейцев на категории и злоупотреблениях переводчиков, волостных и сельских начальников, С. М. Духовской пересмотрел численность мигрантов каждой категории. В результате в 1895 г. к первой категории были причислены уже 11 311 чел., ко второй – 2,4 тыс. и к третьей – 3 тыс. [1, с. 28].

Новый приамурский генерал-губернатор Н. И. Гродеков продолжил политику своего предшественника. При нем в 1898 г. была образована комиссия по упорядочению положения китайских и корейских мигрантов. На основе разработанного комиссией положения российское подданство получили все еще не принявшие его к этому времени корейцы первой категории. Кроме того, было обещано принять в подданство тех мигрантов второй категории, которые прожили в Уссурийском крае не менее 5 лет.

В 1900 г. вопрос о правовом положении корейцев, переселившихся в Россию после 1884 г., был окончательно урегулирован. Все они получили российское подданство и были включены в сословие государственных крестьян. Приведенные к присяге корейцы наделялись землей в размере 50 десятин на семью, на них распространялось налогообложение наравне с российскими крестьянами. Дальневосточным властям предписывалось принять меры к скорейшей ассимиляции этих мигрантов с русским населением [3, с. 59]. Корейцы, проживавшие в городах, были зачислены в мещанское общество.

Следует отметить, что в вопросе о статусе переселившихся в российские земли корейцев длительное время сохранялась неопределенность. С одной стороны, корейское переселение на Дальний Восток началось в 1864 г. с согласия и при поддержке дальневосточной администрации. Ввиду этого русские чиновники изначально воспринимали корейских переселенцев как подданных России, оказывали им содействие при обустройстве и разрешали обрабатывать столько земли, сколько те в состоянии были освоить. На корейских мигрантов фактически распространялось крестьянское общественное самоуправление и русские законы [8, с. 116].

С другой стороны, корейцы переходили на русский Дальний Восток, не имея на это официального разрешения властей России и Кореи, т. е. с юридической точки зрения нелегально. Из-за этого дальневосточная администрация

не решалась предоставлять им все льготы в соответствии с законом от 27 апреля 1861 г. «О правилах для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приамурской областях Восточной Сибири». Такие действия могли спровоцировать протест Сеула, у которого были бы основания рассматривать их как демонстрацию Петербургом своей юрисдикции над корейскими подданными.

Кроме того, царское правительство должно было учитывать позицию и интересы Пекина. Цинский Китай в тот период всерьез опасался потерять свой традиционный сюзеренитет над Кореей, из-за чего негативно реагировал на российско-корейские приграничные контакты и даже пытался препятствовать установлению дипломатических отношений между Петербургом и Сеулом.

В таких обстоятельствах руководство России не могло пойти по иному пути, кроме как отложить решение проблемы оформления правового положения корейских мигрантов до момента установления официальных российско-корейских контактов.

Список литературы

1. Духовской С. М. Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора Генерал-Лейтенанта Духовского. 1893, 1894 и 1895 годы. СПб., 1895. 172 с.
2. Насекин Н. А. Корейцы Приамурского края. М. : Книга по требованию, 2012, 63 с.
3. Пак Б. Д., Бугай Н. Ф. 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. М. : Институт востоковедения РАН, 2004. 464 с.
4. Песоцкий В. Д. Корейский вопрос в Приамурье. Хабаровск : Тип. Канцелярии Приамурского Генерал-Губернатора, 1913. 188 с.
5. Петров А. И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60–90-е годы XIX века. Владивосток : ДВО РАН, 2000. 304 с.
6. Рагоза А. Краткий исторический очерк переселения корейцев в наши пределы // Военный сборник, 1903, № 6, с. 206–222.
7. Риттих А. А. Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае. СПб. : Тип. Министерства Внутренних дел, 1899. 160 с.
8. Унтербергер П. Ф. Приморская область. 1856–1898 гг. Очерк. СПб. : Типография В. О. Киришаума, 1900. 324 с.

Registration of the Legal Status of Korean Migrants in Russia in the 80s 19th Century

E.S. Burdin

Far-East Institute of Management, Branch of RANEP, Khabarovsk, Russian Federation

Abstract. After the start of Korean migration to Russia in 1864, the Russian authorities began to make attempts to formalize the legal status of the arrived migrants in order to protect them from persecution by the Korean government and its patron China. Areas of compact residence of Korean immigrants were separated into a separate administrative-territorial unit – Suifun District, where the post of “head of Koreans” was established. Separate elements of local self-government were introduced in the Korean settlements. After the establishment of official diplomatic relations with Korea in 1884, the problem of the legal status of Korean migrants in Russia became one of the important topics on the agenda of Russian-Korean negotiations. Due to its decision, Petersburg wanted to stop the uncontrolled transfer of the population from Korea to the Russian Far East and prevent the unauthorized seizure of state lands by Korean settlers. In 1888, the Russian authorities managed to partially resolve the issue of citizenship of the Korean settlers who settled in Russia. From now on, measures to formalize their legal status were carried

out on the basis of the norms of the Russian-Korean convention on border relations of 1888, as well as an oral (gentleman's) agreement between K.I. Weber and Kim Yun Sik. An agreement was reached that the Koreans who settled in Russia before the establishment of Russian-Korean diplomatic relations were recognized as equal with Russian subjects. Migrants who settled in the region after the conclusion of this agreement were to liquidate their farms and return to their homeland. The issue of the status of Korean immigrants was finally settled only in 1900. Russian citizenship was granted to all migrants, including those who resettled after 1884. The author comes to the conclusion that the Far Eastern authorities initially perceived the Korean settlers who settled in the South Ussuriysk Territory as subjects of Russia, but could not provide them with all the benefits in accordance with Russian law, since such a step could cause protests from Korea and China.

Keywords: Far East, Korea, Korean migration, South Ussuri region.

For citation: Burdin E. S. Registration of the Legal Status of Korean Migrants in Russia in the 80s 19th Century. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2021, vol. 38, pp. 95-101. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.95> (in Russian)

References

1. Dukhovskoi S.M. *Vsepoddaneishii otchet Priamurskogo general-gubernatora General-Leitenanta Dukhovskogo* [The most submissive report of the Amur Governor-General, Lieutenant-General Dukhovsky]. 1893, 1894 i 1895 gody. Saint Petersburg, 1895, 172 p. (in Russian)
2. Nasekin N.A. *Koreitsy Priamurskogo kraya* [Koreans of the Amur Territory]. Moscow, Book on demand Publ., 2012, 63 p. (in Russian)
3. Pak B.D., Bugai N.F. *140 let v Rossii. Ocherk istorii rossiiskikh koreitsev* [140 years in Russia. Essay on the history of Russian Koreans]. Moscow, Institute of Oriental Studies RAS Publ., 2004, 464 p. (in Russian)
4. Pesotskii V.D. *Koreiskii vopros v Priamur'e* [The Korean question in the Amur region]. Khabarovsk, Printing house of the Office of the Amur Governor-General Publ., 1913, 188 p. (in Russian)
5. Petrov A.I. *Koreiskaya diaspora na Dal'nem Vostoke Rossii. 60-90 gody XIX veka* [Korean Diaspora in the Russian Far East. 60-90s of the XIX century]. Vladivostok, Far Eastern Branch RAS Publ., 2000, 304 p. (in Russian)
6. Ragoza A. *Kratkii istoricheskii ocherk pereseleniya koreitsev v nashi predely* [A brief historical sketch of the resettlement of Koreans to our borders]. *Voennyy sbornik* [Military collection], 1903, no. 6, pp. 206-222. (in Russian)
7. Rittikh A.A. *Pereselencheskoe i krest'yanskoe delo v Yuzhno-Ussuriiskom krae* [Resettlement and peasant business in the South Ussuri region]. Saint Petersburg, Printing house of the Ministry of Internal Affairs Publ., 1899, 160 p. (in Russian)
8. Unterberger P.F. *Primorskaya oblast'. 1856-1898 gg. Ocherk* [Primorsky region. 1856-1898 Feature article]. Saint Petersburg, Printing V.O. Kirshbaum Publ., 1900, 324 p. (in Russian)

Бурдин Евгений Сергеевич

аспирант

Дальневосточный институт
управления – филиал РАНХиГС
Россия, 680000, г. Хабаровск,
ул. Муравьева-Амурского, 33
e-mail: burdin-1955@mail.ru

Burdin Evgeny Sergeevich

Postgraduate

Far-East Institute of Management,
Branch of RANEPa,
33, Muravyov-Amursky st.,
Khabarovsk, 680000, Russian Federation
e-mail: burdin-1955@mail.ru

УДК 355(519:571.5/.6)

<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.102>

Корейцы в Красной армии. К проблеме русско-корейских взаимоотношений в Советском Союзе

В. Г. Дацышен

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия
Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева,
г. Красноярск, Россия*

Аннотация. Рассматриваются проблемы службы корейцев в Красной армии. Отмечается, что корейцы, как российские граждане, так и эмигранты из Кореи, добровольно вступали в Красную армию с первых дней ее существования, а затем советские корейцы призывались в нее на общих основаниях. Особое внимание уделяется проблемам русско-корейских взаимоотношений. Делается вывод о том, что отсутствие в Красной армии расовой и национальной дискриминации не исключало проблем и противоречий во взаимоотношениях между русскими и корейскими военнослужащими, но эти проблемы не оказывали серьезного влияния на боеспособность Красной армии.

Ключевые слова: корейцы в Красной армии, Сибирь и Дальний Восток, 26-я стрелковая дивизия, межнациональные отношения.

Для цитирования: Дацышен В. Г. Корейцы в Красной армии. К проблеме русско-корейских взаимоотношений в Советском Союзе // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2021. Т. 38. С. 102–110. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.102>

В истории корейцев, проживавших в Советском Союзе, остаются недостаточно изученные вопросы и проблемы. В их числе вопросы межнациональных отношений в армии, в том числе и русско-корейских взаимоотношений. Исследователи справедливо отмечают: «Вопрос о службе представителей корейской этнической общности в Красной армии... слабо разработан в российской историографии» [9, с. 107].

Корейская община в России начала формироваться с 1860-х гг. Корейцы-переселенцы не просто селились на территории вошедшего в состав Российской империи Южно-Уссурийского края, но крестились в православие, отдавали своих детей в школу, принимали в российское подданство. Новые русские подданные, как и переселенцы из западных районов России, были освобождены от воинской повинности. Лишь изредка российские корейцы привлекались к обеспечению мобилизационных мероприятий и защите границ.

Законом от 18 марта 1909 г. было установлено: «Русское население и состоящие в русском подданстве корейцы привлекаются на общих основаниях

согласно Уставу 1906 г.»¹ Российские корейцы принимали участие в Первой мировой войне. В 1917 г. в числе офицеров, перешедших на сторону большевиков, были и корейцы, например подпоручик Петр Петрович Цой [10, с. 201].

Корейцы приняли активное участие в Гражданской войне и борьбе с иностранной вооруженной интервенцией в России в 1918–1922 гг. В напечатанном в газете «Известия» 15 августа 1919 г. сообщении о митинге корейцев в Москве говорилось: «При большом подъеме собрания красный офицер-кореец тов. И (Уй-Чжон), начальник пулеметной команды N-ского стрелкового полка, отличившийся при взятии Уфы... предлагает обратиться к Советскому правительству с просьбой мобилизовать всех находящихся в России и Сибири корейцев»². С частями Красной армии, как правило в составе объединенных китайско-корейских или интернациональных отрядов, корейские красноармейцы пришли в Сибирь. В 1920 г. в Омске функционировали Корейские командные курсы³.

В Восточной Сибири Красная армия получила пополнение и из числа немногочисленных местных корейцев, а также за счет корейских партизан Дальнего Востока. Но первоначально большевики в Сибири не доверяли местным корейцам, делая ставку на проверенные кадры с запада. В документах Восточного секретариата Исполкома Коминтерна указано: «Приказом Главкома НарРевАрмии ДВР 5 мая 1920 года за № 93 было положено начало формированию 1 Сибирского Стрелкового полка из китае-корейцев. Кадром или вернее основу этой единицы должна была войти Восточная группа Китае-корейцев, оставленная Главкомом ДВР в гор. Иркутске временно в распоряжении ГубВоенкомата и все те добровольцы Китае-корейцы, которые состоят в рядах Красной Армии и которые согласно секретного приказа РевВоенСовета 5 данного в апреле в гор. Красноярске ЗапСибу должны были по концентрации их в городах Омске и НовоНиколаевске, направляться в НарРевАрмию для укомплектования вновь формируемого полка... Все пополнения в полк пришли из воинских частей СоветРоссии и ни один китаец и кореец не был принят добровольцем в ряды полка»⁴.

Известный деятель корейского революционного движения Ли Инсеб, живший в России с 1913 г., писал: «Под руководством Янсона в г. Иркутске я участвовал в организации интернациональных частей при 5-й Красной Армии» [1, с. 122]. В июне 1920 г. для пополнения 1-го Сибирского стрелкового полка, переименованного в Интернациональный полк 5-й армии, «прибыло 80 человек корейцев с командных 1 Советских курсов в гор. Омске»⁵. В целом, говоря о проблемах формирования «стрелкового полка из китае-корей-

¹ Важнейшие законодательные акты (1908–1912 гг.) / сост. М. С. Иоффе. СПб. : Право, 1913. С. 49.

² Корейцы в СССР. Материалы советской печати 1918–1937 гг. М. : Институт востоковедения РАН, 2004. С. 33.

³ Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф.1. Оп.1. Д. 452. Л. 4.

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 154. Д. 44. Л. 6.

⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 44. Л. 6.

цев» в Иркутске, следует отметить, что комплектование его проходило в основном за счет красноармейцев-китайцев, присланных с запада, корейцы здесь были в явном меньшинстве.

Несмотря на малочисленность, корейские красноармейцы играли важную роль в усилении боеспособности китайско-корейских воинских частей в непростых условиях продолжавшейся Гражданской войны в России. В докладе помощника командира Интернационального полка по политической части Колесова в Восточную секцию ЦК РКП(б) говорилось: «Главная масса кр-цев китайцы, которые совершенно темны и не развиты политически, а большинство совершенно не говорят по русски... Вторая часть красноармейцев корейцы, те более развиты, многие говорят по русски, а часть даже грамотна...»⁶ Исследователи пишут: «В двух корейских полках, дислоцировавшихся в сентябре 1921 г. в Иркутске, насчитывалось 1640 чел.» [8, с. 166].

Корейские красноармейцы в составе Красной армии стали опорой создаваемого в Восточной Сибири корейского коммунистического движения. На встрече делегатов съезда Корейской компартии в Иркутске в марте 1921 г., как сообщала газета «Власть труда», «сильную приветственную речь сказали красноармеец одной из частей корейской красной армии...»⁷.

После окончания Гражданской войны часть служивших в Красной армии корейцев были демобилизованы и вовлечены в социалистическое строительство на Дальнем Востоке. Например, 29 демобилизованных красноармейцев Отдельного корейского полка при 5-й армии в конце 1922 г. были объединены во 2-ю Сучанскую трудовую земледельческую артель. В докладе известного корейского деятеля Ким Мангына по вопросу сохранения сельскохозяйственной коммуны «Красная Звезда» от 22 августа 1925 г. отмечалось: «Необходимо учесть, что члены коммуны (100 %), по демобилизации из Красной Армии и партизанских отрядов по окончании гражданской войны, были поставлены перед необходимостью работы уже изнуренными и даже некоторые больными» [6, с. 143].

Немало корейцев после войны остались служить в Красной армии на командных должностях. Исследователи указывают: «Для подготовки политработников в декабре 1921 г. были сформированы Корейская и Китайская секции при военно-политических курсах 5-й армии и ВСВО... В Корейской секции на 1 января 1922 г. обучалось 66 курсантов» [8, с. 167–168]. В числе курсантов был, например, известный политический деятель Ли Бэкчо.

В Советском Союзе корейцы, как и представители других национальных общин, несли воинскую повинность, служили в армии. По вопросу гражданства корейцев, приехавших в начале XX в. из Кореи и Маньчжурии на заработки, но так и оставшихся жить по всей территории Сибири, у советских властей не было единого мнения. Если эти корейцы попадали в Красную армию, это не вызвало заметных проблем. Вообще, советское руководство в отношении корейцев проводило наиболее либеральную политику по сравнению

⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 20. Л. 19.

⁷ Корейцы в СССР. Материалы советской печати 1918-1937 гг. М. : Институт востоковедения РАН, 2004. С. 57.

с выходцами из других стран. В частности, доля корейцев, получивших советское гражданство, от общего числа поданных ходатайств была самой высокой. В документе «Статистические сведения о движении ходатайств о признании ИНО гражданства по Западно-Сибирскому краю по данным на 1 апреля 1932 года» указывается, что из 44 подавших заявление корейцев 36 гражданство получили, в то время как по китайцам соотношение было 36 из 54, немцев – 32 из 66, венгров – 9 из 90 и т. д.⁸

Что касается советских корейцев, компактно проживавших на юге Приморья и принявших российское подданство и православие до революции 1917 г., то их правовой статус и фактическое положение в СССР ничем не отличались от статуса и положения русского населения региона. Но при этом корейские крестьяне, выросшие в корейской монокультурной среде, были недостаточно адаптированы к русскому культурному пространству. Призыв этой группы населения на службу в Вооруженные силы Советского Союза, где у подавляющего большинства русских красноармейцев из крестьян не было опыта совместного проживания с представителями других национальностей, имел своим следствием проблемы межнациональных взаимоотношений.

В 1920-х гг. призванные в кадровые части Красной армии корейцы в основном служили в частях и подразделениях Сибирского военного округа. В конце 1920-х гг. призывники отправлялись в том числе в расквартированный в г. Канске 76-й Карельский стрелковый полк 26-й Златоустовской стрелковой дивизии. Корейцами был укомплектован первый батальон этого полка. С 1930 по 1937 г. командиром батальона 76-го полка 26-й стрелковой дивизии был Ф. И. Ким, вступивший в Красную армию еще в 1920 г.

Корейское присутствие в 26-й Златоустовской стрелковой дивизии в целом во многом было знаковым. Например, в опубликованной в 1925 г. книге «История 26-й Златоустовской стрелковой дивизии» был помещен портрет призванного из Приморья красноармейца-корейца Петра Кима, который был указан как стрелок 6-й роты 78-го Казанского стрелкового полка [5, с. 64]. На многочисленных фотографиях из альбомов 76-го Карельского стрелкового полка, сохранившихся в фондах Канского краеведческого музея, постоянно встречаются лица корейцев. Заметным было корейское присутствие и в расквартированных в Западной Сибири частях Красной армии. Например, много корейцев было в 35-м Татарском стрелковом полку 12-й территориальной стрелковой дивизии⁹.

Наличие значительного числа красноармейцев-корейцев в воинских частях создавало проблемы. В практически монорасовоэтнических районах Сибири имелись целые подразделения, укомплектованные не только отличающимися внешне, но и не владевшими русским языком солдатами. Среди русских красноармейцев имели место проявления великорусского шовинизма, а корейцы активно требовали, чтобы командование учитывало их национальные особенности. Например, красноармейцы-корейцы добивались придания официального статуса корейскому языку. В архиве Канского окружкома

⁸ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1854. Л. 18.

⁹ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 64. Л. 29-30.

ВКП(б) сохранились протоколы партийных собраний. В документах, например, зафиксировано выступление активиста «Ен-ди-ен», который заявил: «Начальник клуба не отметил работу среди национальных меньшинств. И правление клуба этот вопрос не учитывало. А у нас в полку национальных меньшинств немало и работы среди национальных меньшинств нет. Основной вопрос о кино. Зачастую в батальоне кино приходят и смотрят, а самое содержание не знают. Чтобы дать определенное знание, надо чтобы можно было перевести содержание на корейский язык»¹⁰.

Корейцы временами напрямую ставили вопросы межнациональных отношений. Например, в прениях по докладу командира полка о боевой подготовке воинской части в феврале 1929 г. выступил Семен Пак, речь которого была переведена на русский язык и застенографирована. В документе говорится: «Докладчик своевременно поставил вопрос о национальном антагонизме. В полковой школе 5 национальностей, из которых большинство русских товарищей. Существует ли там национальная рознь? Да она существует в виде высмеивания. Также, если строятся там, то корейцев в виду того, что они не знают русского языка, русские товарищи выталкивают из строя, а становятся сами»¹¹. И это было не единственное критическое выступление по проблемам межнациональных отношений, корейцы жаловались на то, что их обижают в столовой, обзывают фазанами и проч.

В 1920-х гг. в Красной армии отсутствовала национальная и расовая дискриминация, а корейцы не проявляли сепаратистских настроений, в том числе и по части службы в армии. Красноармейцы-корейцы нередко занимали должности младших командиров. Кроме того, корейцы получали образование в военных учебных заведениях. Например, в 1925 г. в Ленинградской военной (радио-) школе связи с Курсами усовершенствования комсостава (ЛВШССКУКС) обучалось 7 корейцев [3, с. 474].

В числе проблем, отмечаемых в документах, называлось недоверие русских красноармейцев к корейцам-командирам. Особенно ярко это проявилось во время обострения международных отношений и начала советско-китайского конфликта. В докладе о состоянии частей 12-й территориальной дивизии за август 1929 г. «Реагирования на последние события (о войне и КВЖД)» были приведены следующие антикорейские высказывания: «"Прежде чем идти на войну, нужно убрать от нас командиров – корейцев, они нас могут подвести в боях"» (пер. 1-й роты 35 п. СКРИПЧЕНКО бедняк, б/п.); в роте 2 корейских командира. Если будет только война, то нам надо сначала подавить всех корейцев, которые у нас командирами, тогда идти воевать, а то они на фронте повернут на свою сторону"» (пер. 2 р. 35 п. КОЗОРЕЗОВ, б/п., середняк). Аналогичное толкование на начсостав из корейцев в полку имеет не единственный характер»¹².

Несмотря на русско-корейские противоречия в Красной армии, корейцы-красноармейцы наряду с представителями других национальностей

¹⁰ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-96. Оп. 1. Д. 790. Л. 15.

¹¹ ГАКК. Ф. П-96. Оп. 1. Д. 790. Л. 15.

¹² ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 64. Л. 30.

принимали участие в боях с китайской армией во время советско-китайского конфликта на КВЖД 1929 г. Современные исследователи пишут: «В армию были привлечены и национальные части и подразделения... один батальон состоял из корейцев» [8, с. 68]. Показательным историческим документом является рукопись воспоминаний участника советско-китайского конфликта на Забайкальском участке границы младшего командира Николая Михайловича Кима «Событие на КВЖД в 1929 году»¹³.

Вообще, во время конфликта в Красную армию призвали многих советских корейцев. Известный деятель корейского революционного движения Ли Инсеб вспоминал: «В 1929 г., во время конфликта на КВЖД, меня отправили в штаб Приморской группы Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии, где проработал до окончания конфликта» [1, с. 122]. В советско-китайском конфликте принимали участие будущие участники Великой Отечественной войны: Кан (Тхядун) С. В., Ким Ф.И., Ким Н. А., Цой П. И. Корейцы были среди награжденных за боевые отличия красноармейцев и командиров. В частности, орденом Красного Знамени был награжден Семен Васильевич Кан. В числе погибших в бою за Чжалайнор 17 ноября 1929 г. был курсант полковой школы 105-го стрелкового полка 35-й стрелковой дивизии, уроженец села Благовещенское Амурской области кореец-красноармеец А. Г. Цхэ¹⁴.

В 1930-х гг. корейцы продолжали служить в Красной армии, некоторые делали успешную военную карьеру. Исследователи приводят факты службы корейцев в Красной армии, в том числе и на командных должностях: «В 1934 г. ... в своих должностях были утверждены: И. П. Пак, Н. Н. Ан из 36-й стрелковой дивизии ОКДВА. В списках личных дел, отправленных в Забайкальский и Сибирский военные округа в 1934-1935 гг., значатся также политрук роты 105-го стрелкового полка Н. И. Ким, помощник командира по политической части 3-й учебной роты 107-го стрелкового полка Н. Ф. Ким, политрук полковой школы 280-го стрелкового полка Т. А. Пак...» [9, с. 109].

Уже в середине 1930-х гг. корейцы нередко стали подвергаться преследованиям и увольняться из армии по разным причинам. На это, в частности, указывает исследователь Ж. Г. Сон: «С 1930 по 1937 г. в ОКДВА, Забайкальской группе, Сибирском военном округе, Тихоокеанском флоте было уволено и арестовано 97 корейцев комначсостава...» [Там же, с. 113]. Однако до 1937 г. большевики не проводили репрессий и дискриминации по национальному признаку.

Служба корейцев в Красной армии как пример успешного вовлечения корейцев в семью советских народов использовалась в советской пропаганде до середины лета 1937 г. В газете «Тихоокеанская звезда» в июне 1937 г. в описании корейского колхоза «Крепость» в Приморье говорилось: «Несколько юношей из «Крепости» служат в Красной армии. В прошлом году Хан Андрей окончил военную академию, Цой Иннокентий – лейтенант-летчик, Хасан Алексей – старший лейтенант. В самом колхозе работают сейчас

¹³ Военно-исторический музей Восточного военного округа. Кор. 47.

¹⁴ Книга памяти 1923–1939. URL: <http://www.patriot-izdat.ru/memory/memory-1923-1939/?letter=3&page=4> (дата обращения: 06.06.2020).

7 бывших красноармейцев, 5 из них – младшие командиры... Юноши мечтают о Красной армии, о званиях лейтенантов»¹⁵.

Старт массовым репрессиям в отношении корейцев в СССР был дан статьей «Подрывная работа японской разведки», опубликованной в газете «Правда» 9–10 июля 1937 г. Национальные части и формирования в РККА были ликвидированы в 1938 г. Корейцы как представители «неблагонадежной национальности» увольнялись из рядов Красной армии даже во время Великой Отечественной войны. Как указывают исследователи, «под призывом в армию военкоматы вместо фронта отправляли советских корейцев как «неблагонадежных» в трудовые колонны и батальоны» [2, с. 44]. Лишь немногим корейцам удалось попасть в действующую армию, исследователи смогли установить имена около 400 корейцев-фронтовиков Великой Отечественной войны [11].

Таким образом, служба корейцев в Красной армии стала важной и интересной страницей истории советских корейцев и русско-корейских взаимоотношений в СССР. Несмотря на полувековой опыт русско-корейского сотрудничества, на жесткую политику интернационализма государства и правящей партии в СССР, в Красной армии наблюдались проблемы и противоречия во взаимоотношениях между русскими и корейцами. Отсутствие в армии расовой и национальной дискриминации не исключало проблем и противоречий на межнациональной почве во взаимоотношениях между военнослужащими. Тем не менее история службы корейцев в Красной армии показывает, что на протяжении первых двух десятилетий советской истории корейцы имели равные права и возможности с представителями других национальностей. Межнациональные противоречия в тот период не переходили на уровень конфликта и не оказывали серьезного влияния на боеспособность Красной армии. Репрессивная политика Советского государства в отношении корейцев и отстранение их от службы в армии в конце 1930-х гг. не были следствием проблем в межнациональных отношениях, не вызывались опытом службы корейцев в Красной армии, а были вызваны иными причинами и факторами.

Список литературы

1. Александра Петровна Ким-Станкевич. Очерки, документы и материалы. М. : Институт востоковедения РАН, 2008. 240 с.
2. Бугай Н. Ф. Актуальные проблемы истории российских корейцев на постсоветском пространстве в дискуссиях ученых // Новые тенденции социокультурных изменений в корейском и российском обществах. СПб. : Скифия-принт, 2015. 420 с.
3. Вязовикова Л. В. Работа с «нацменьшинствами» и другие аспекты деятельности военно-учебных заведений Петрограда – Ленинграда в 1920-е гг.: по вновь рассекреченным материалам ЦГАИПД СПб // Русский язык в полиэтническом образовательном пространстве военного вуза : материалы II Межвуз. науч.-метод. конф. 2019. С. 471–483.
4. Голиков В. И. Стрелковые формирования Красной Армии в Сибирском военном округе. Томск : Изд-во науч.-техн. лит., 2006. 413 с.
5. История 26-й Златоустовской стрелковой дивизии. Красноярск : Подив 26 и Ен-губком Р.К.П., 1925. 72 с.

¹⁵ Корейцы в СССР. Материалы советской печати 1918–1937 гг. М. : Институт востоковедения РАН, 2004. С. 336.

6. Ким Мангын (И. С. Серебряков). М. : Ин-т востоковедения РАН, 2001. 212 с.
7. **Матвеев А. А.** Китайцы и корейцы в составе Интернационального полка 5-ой отдельной армии в 1920 году // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность : материалы Всерос. науч.-теорет. конф., посвящ. памяти д-ра ист. наук, проф. Всеволода Ивановича Дулова. Иркутск, 2020. С. 159–164.
8. Подустов Ф. Н. Национальные воинские формирования Красной армии в Сибири и на Дальнем Востоке (191–1938) // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 288. С. 165–169.
9. Сон Ж. Г. Проблемы национальных меньшинств в Красной армии 1930-х годов (на примере корейцев в особой Краснознаменной дальневосточной армии // Российская история. 2009. № 2. С. 107–114.
10. Чхве Джэхён (Цой Петр Семенович) / сост. Б. Д. Пак, В. В. Цой. М. : ИВ РАН, Крафт+, 2010. 352 с.
11. Шин Д. В, Пак Б. Д., Цой В. В. Советские корейцы на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М. : ИВ РАН, 2011. 615 с.

Koreans in the Red Army. On the Problem of Russian-Korean Relations in the Soviet Union

V. G. Datsyshen

*Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russian Federation
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Krasnoyarsk, Russian Federation*

Abstract. The problems of Korean service in the Red Army are considered. It is noted that Koreans, both Russian citizens and emigrants from Korea, voluntarily joined the Red Army from the first days of its existence, and then Soviet Koreans were drafted into it on a general basis. Most of the Koreans served in the Siberian Military District and in the Special Far Eastern Army. Special attention is paid to the problems of Russian-Korean relations. The conclusion is made that the absence of racial and national discrimination in the Red Army did not exclude problems and contradictions in the relations between Russian and Korean servicemen. But these problems did not have a serious impact on the combat capability of the Red Army

Keywords: Koreans in the Red Army, Siberia and the Far East, 26th rifle division, interethnic relations.

For citation: Datsyshen V. G. Koreans in the Red Army. On the Problem of Russian-Korean Relations in the Soviet Union. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2021, vol. 38, pp. 102–110. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.102> (in Russian)

References

1. Alexandra Petrovna Kim-Stankevich. *Ocherki, dokumenty i materialy* [Essays, documents and materials]. Moscow, Institute of Oriental Studies RAS Publ., 2008, 240 p. (in Russian)
2. Bugai N.F. Aktuakliye problem istorii rossiiskih koreitsev na postsovetskom prostanstve v diskussiyah uchyonih [Actual problems of the history of Russian Koreans in the post-Soviet space in the discussions of scientists]. *Noviye tendentsii sociokulturnih izmenenii v koreiskom i rossiiskom obshestvakh* [New trends in socio-cultural changes in Korean and Russian societies]. Saint Petersburg, Skifiya print Publ., 2015, 420 p. (in Russian)
3. Vyazovikova L.V. Rabota s “nacmeshinstvami” i drugie aspekty deyatelnosti voenno-uchebnyh zavedenij Petrograda – Leningrada v 1920-e gg.: po vnov rasskrechennym materialam CGAIPD SPb [Work with “national minorities” and other aspects of the activities of the

military educational institutions of Petrograd – Leningrad in the 1920s.]. *Russkij yazyk v polietnicheskom obrazovatelnom prostranstve voennogo vuza. Materialy II Mezhevuzovskoj nauchno-metodicheskoy konferencii* [Russian language in the multiethnic educational space of a military university. Materials of the II Interuniversity Scientific and Methodological Conference], 2019, pp. 471-483. (in Russian)

4. Golikov V.I. *Strelkovye formirovaniya Krasnoj Armii v Sibirskom voennom okruge* [Rifle formations of the Red Army in the Siberian Military District]. Tomsk, Publishing house of Scientific and technical literature, 2006, 413 p. (in Russian)

5. *Istoriya 26-j Zlatoustovskoj strelkovoj divizii* [History of the 26th Zlatoust Rifle Division]. Krasnoyarsk, Podiv 26 i Engubkom R.K.P., 1925, 72 p. (in Russian)

6. *Kim Mangyn (I.S. Serebryakov)*. B.D. Pak, Yu.V. Vanin, Moscow, Institute of Oriental Studies RAS, 2001, 212 p. (in Russian)

7. Matveev A.A. *Kitajcy i korejcy v sostave Internacionalnogo polka 5-oj otdelnoj armii v 1920 godu* [Chinese and Koreans in the International Regiment of the 5th Separate Army in 1920]. *Sibir v izmenyayushemsya mire. Istoriya i sovremennost. Materialy Vserossijskoj nauchno-teoreticheskoy konferencii, posvyashennoj pamyati doktora istoricheskikh nauk, professora Vsevoloda Ivanovicha Dulova* [Siberia in a changing world. History and modernity. Materials of the All-Russian scientific-theoretical conference dedicated to the memory of Doctor of Historical Sciences, Professor Vsevolod Ivanovich Dulov]. Irkutsk, 2020, pp. 159-164. (in Russian)

8. Podustov F.N. *Nacionalnye voinskie formirovaniya Krasnoj armii v Sibiri i na Dalnem Vostoke (1919-1938)* [National military formations of the Red Army in Siberia and the Far East (1919-1938)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Bulletin], 2005, no. 288, pp. 165-169. (in Russian)

9. Son Zh.G. *Problemy nacionalnykh menshinstv v Krasnoj armii 1930-h godov (na primere korejcev v osoboj Krasnoznamennoj dalnevostochnoj armii)* [Problems of national minorities in the Red Army of the 1930s (on the example of Koreans in the special Red Banner Far Eastern Army)]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history]. 2009, no. 2, pp. 107-114. (in Russian)

10. *Chhve Dzhehyon (Coy Petr Semenovich)*. B.D. Pak, Yu.V. Vanin. Moscow, Institute of Oriental Studies RAS Publ., Kraft+ Publ., 2010, 352 p. (in Russian)

11. Shin D.V., Pak B.D., Tsoy V.V. *Sovetskie korejcy na frontah Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945 gg.* [Soviet Koreans on the fronts of the Great Patriotic War of 1941-1945]. Moscow, Institute of Oriental Studies RAS Publ., 2011, 615 p. (in Russian)

Дацышен Владимир Григорьевич

доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Институт демографических
исследований ФНИСЦ РАН;
Красноярский государственный
педагогический университет
им. В. П. Астафьева;
Россия, 660049, г. Красноярск,
ул. Ады Лебедевой, 89.
e-mail: dazishen@mail.ru

Datsyshen Vladimir Grigoryevich

Doctor of Sciences (History), Professor,
Chief Scientific Researcher; Institute for
Demographic Research FCTAS RAS;
Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V. P. Astafiev
89, Ada Lebedeva st., Krasnoyarsk, 660049,
Russian Federation
e-mail: dazishen@mail.ru

Серия «История»
2021. Т. 38. С. 111–129
Онлайн-доступ к журналу:
<http://izvestiahist.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

УДК 342.5:316[(470)+(571)](091)
<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.111>

Государственная власть, оппозиция и социальные движения в России имперского периода в освещении журналом «Сибирские огни» 1920-х гг.

В. Н. Казарин

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Рассмотрены вопросы освещения в общественно-политическом журнале «Сибирские огни» взаимоотношений «власть – оппозиция – социальные движения» в России имперского периода. При анализе публикаций журнала выделены такие аспекты проблемы, как: оценка государственной власти, правительственного аппарата, правящей элиты, их действий против оппозиции; общая характеристика причин появления оппозиционных движений, их социальная база; оценка отдельных представителей и движений в целом; территориальные рамки распространения; влияние на умонастроения населения; причины поражений оппозиции. Показано, что журнал уделял значительное внимание исторической проблематике, в том числе исследуемому вопросу. Власть в нем представлена через деятельность должностных лиц, местного аппарата управления, правоохранительных органов и силовых структур в основном критически, но без категорических отрицательных оценок. Оппозиция власти освещена дифференцированно, в зависимости от социального положения участников и их роли в сопротивлении власти. Изучена роль и место социальных движений в России имперского периода по публикациям журнала. Доказано, что многие исторические сюжеты, затронутые авторами публикаций, актуальны и в современной историографии. Автором сделан вывод о том, что многие оценки изученной проблематики этого периода существенно отличаются от некоторых оценочных подходов советской и либеральной историографии. Обосновано положение, что непредвзятый анализ исторической проблематики сибирской журнальной периодики 1920-х гг. будет способствовать предметному изучению основных направлений и тенденций современного развития отечественной и зарубежной исторической науки.

Ключевые слова: государственная власть, Россия, империя, оппозиция, социальные движения, журнал «Сибирские огни», историческая наука.

Для цитирования: Казарин В. Н. Государственная власть, оппозиция и социальные движения в России имперского периода в освещении журналом «Сибирские огни» 1920-х гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2021. Т. 38. С. 111–129. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.111>

Проблема изучения массовых социальных движений в современной отечественной исторической науке, в отличие от советской историографии, не занимает доминирующего положения. Внимание исследователей стали привлекать такие, например, темы, как изучение повседневности, ментальности,

диаспор, благотворительности, роль женщин в обществе и др., которым не уделялось совсем или уделялось мало места в предыдущей традиции. Вероятно, это вполне объяснимо: исторический процесс и его изучение напоминает своеобразный маятник. Но проблемы «власть и оппозиция», «власть и несистемные социальные движения» ярко характеризуют события последних лет: «цветные революции», острые социально-политические конфликты на территориях бывших советских республик, в США, Афганистане и других государствах свидетельствуют о том, что изучение их причин, явных и неявных, особенностей проявления и их влияния на общество становится востребованным, но уже на новом уровне осмысления.

Поскольку ключевым понятием настоящей публикации будет являться «власть», целесообразно структурировать ее понимание. В самом широком значении слова власть – это возможность оказать воздействие на что-то и на кого-то [1, с. 60]. «Большой академический словарь русского языка» приводит объяснение власти в нескольких смыслах: право и возможность повелевать, распоряжаться действиями, поведением кого-л.; могущественное влияние чего-л., неодолимая, притягательная сила чего-л.; форма управления страной; право и возможность управления государством; органы государственного и местного управления [5, с. 621]. В контексте заявленной темы необходимо выделить понимание государственной власти. Обобщенно можно сказать, что это «средство осуществления политического господства; способ организационного, регулирующего и контрольно-надзорного обеспечения политической жизни, общественной и индивидуальной деятельности людей, личной жизни человека». В числе характерных признаков государственной власти следует отметить суверенность, независимость, интегративность, функциональность, наличие механизмов принудительного исполнения властно-государственных решений [28, с. 61]. По мнению В. Г. Ледяева, государство как субъект власти представляет собой обособленную от общества организацию, обладающую правом на управление обществом, а также соответствующими ресурсами. Субъектами государственной власти являются также государственные органы (правительство, парламент, суды, силовые структуры, региональные и местные органы власти и представляющие их государственные служащие, наделенные легальными полномочиями) [19, с. 457]. А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов справедливо подчеркивают, что «власть является социально необходимым условием управления, сопровождается направленной передачей информации и реализуется в поведении. Власть – один из наиболее встречающихся объектов конфликта – от межличностного до межгосударственного» [3, с. 50]. Итак, наличие власти объективно предполагает наличие конфликта, который определяется специалистами как «наиболее деструктивный способ развития и завершения значимых противоречий, возникающих в процессе социального взаимодействия, а также борьбы подструктур личности» [Там же, с. 158]. Конфликт может быть с оппозицией, стремящейся противодействовать, сопротивляться чьим-либо действиям, политике, противопоставляя им свои взгляды [26, с. 422]. Наибо-

лее острые противоречия власти и части общества развиваются в форме социальных движений, предполагающих коллективные действия, характеризующиеся «согласованными усилиями отдельных индивидов и/или групп, общими идеями и представлениями его участников, а также общей задачей реализовать собственные интересы и добиться определенных изменений (или воспрепятствовать им) в той или иной сфере общественной жизни» [16, с. 370].

В данной статье, исходя из приведенных выше определений, речь будет идти исключительно о государственной власти, ее институтах и представителях. Оппозиция представлена на уровне структурированных групп, организаций, партий, отдельных лиц, выступавших против как структур имперской власти, так и ее конкретных носителей, в наиболее критические для власти времена появившихся в форме социальных, относительно организованных/неорганизованных движений.

Несмотря на различные социальные движения и формы проявления недовольства имперской властью, последняя устояла весь изучаемый период вплоть до падения в феврале-марте 1917 г. Власти (в широком смысле) удавалось подавлять социальное недовольство отдельных слоев населения, репрессировать активных участников антигосударственных движений и течений. Но количество оппозиционеров различных политических оттенков развивалось с подъемами и снижениями в разные периоды, и наконец весной 1917 г. либеральная оппозиция и армейские верхи сломили власть (вопрос, какими методами и с помощью каких сил, требует, безусловно, отдельного рассмотрения, не входящего в задачу настоящей статьи), но на относительно короткий срок, а осенью того же года к власти пришли левые силы (в том понимании) и, выиграв в итоге Гражданскую войну и освободив значительную часть страны от интервентов, вышли победителями.

Вопросы изучения власти в имперский период развития Российского государства имеют обширную историографию. Один из аспектов, разрабатываемых в последние годы, – соотношение реформ, контрреформ и революций в российской истории XVIII – начала XX в. и далее до наших дней. Очевидно, что при такой постановке проблемы вопрос о сцепке «власть – оппозиция – социальные движения», на наш взгляд, обойти – значит игнорировать упрямые факты. Представляется, что для лучшего понимания заявленной в названии статьи темы целесообразно очень кратко обрисовать современное состояние акцентирования вопросов в современной историографии. В этой связи привлекает внимание современная дискуссия о модернизации России именно в имперский период на страницах ведущих научных журналов. С. В. Мироненко полагает, что решающую роль в реформировании страны в XIX в. «играла либеральная бюрократия» [22, с. 18]. А. И. Миллер, рассматривая эту же проблему, высказался о том, что такую точку зрения он бы «скорректировал», поскольку это отрицает роль масс в истории, «за исключением коротких моментов революционных взрывов». А в целом же, по его мнению, необходимо отказаться от представления истории России XIX – начала XX в. как о повторяющемся цикле реформ и контрреформ, реформаторского натиска либера-

лов и следовавшего за этим отката [21, с. 20]. Эта точка зрения была поддержана В. В. Зверевым, указавшим, что либеральная российская бюрократия не сыграла в России ту роль «локомотива истории», которую сыграла буржуазия в странах Западной Европы. По сути, полагает автор, революции и реформы – «способы преобразовательного процесса» [10, с. 29]. В контексте этого следует отметить, что гораздо ранее такую точку зрения высказывал видный исследователь С. В. Тютюкин [14]. Авторитетные современные историки В. В. Шелохаев и К. А. Соловьев считают, что прежние представления о том, что над Россией начала XX в. рисовалась «мрачная туча», предвещавшая ей неминуемую грозу, т. е. поздняя империя обреченно шла к своей гибели, выглядит сомнительной. Россия начала XX в. находилась на развилке своего развития, а поэтому необходимо изучать альтернативные модели выхода из него, а для этого, в частности, нужно определить кризисы и их типологию [27, с. 156]. С последними из приведенных точек зрения нельзя не согласиться; очевидно, это и указывает направление дальнейших исследований.

Проблемам государственной власти и ее институтам в Сибири посвящено немало новейших публикаций. Назовем некоторые из них, отвечающие теме статьи. Это коллективная монография «Иркутский край. Четыре века» [12], основательное исследование А. В. Ремнева [23], монографии Л. М. Дамешека, И. Л. Дамешек, Б. Ц. Жалсановой, Л. В. Курас, Н. П. Матхановой [7; 8]. Историко-правовые вопросы имперской проблематики, в том числе и в Сибири, рассмотрены и в учебном пособии для высшей школы, в котором значительный компонент имеет исследовательская составляющая [4]. Имперское пространство власти на Северо-Востоке Сибири [6], местное управление в этот период [17; 25], деятельность генерал-губернаторов [20] нашли отражение в новейших статьях. Гораздо, гораздо меньше стало публикаций об оппозиционных власти движениях [9; 11], возможно, потому, что эта тема нуждается в поиске новых подходов и осмыслении. Различные аспекты развития Сибири, в том числе и социальные, нашли отражение в обзорных статьях современных сибирских и петербургских авторов, в которых дан анализ англо- и германоязычной [2], а также даже новейшей китайской историографии Сибири [24], что является относительно новым сюжетом в освещении темы.

В этой связи, на наш взгляд, немалый научный интерес представляет вопрос об освещении имперской власти и социальных, прежде всего оппозиционных, движений на страницах общественно-литературного и научно-публицистического журнала «Сибирские огни» и его соотношение с современными подходами. Это и является основной целью статьи. Журнал, издававшийся тиражом до двух тысяч экземпляров, что было немало для 20-х гг. прошлого века в условиях малограмотности и неграмотности основной части населения региона, имел очень высокий рейтинг среди подобных изданий республиканского уровня. На его страницах публиковали свои произведения писатели и поэты, известные далеко за пределами Сибири (например, Вячеслав Шишков, Владимир Зазубрин, Лидия Сейфулина, Исаак Гольдберг, Рувим Фраерман и др.), профессиональные историки и публицисты (Н. Бакай, В. Вегман, Б. Ку-

балов, И. Майский, Б. Петри, Г. Черемных, Е. Ярославский и др.). Роль журнала в формировании мировосприятия, оценок исторического прошлого и возникающего на глазах настоящего, проектов будущего, что особенно ярко проявляется в переходный период, а именно таковым и явились 20-е гг. XX в. для нашей страны, была во многом определяющей.

Конечно, подавляющее количество материалов журнала было посвящено революционным событиям в России 1905–1907 гг., а также декабристам, точнее их ссылке в Сибирь. Именно на это и обращали внимание последующие исследователи, занимавшиеся этой проблематикой и внесшие определенный вклад в ее изучение. Но проблематика социальных движений не исчерпывалась только этими сюжетами. По полноте освещения, разумеется, со своих методологических позиций и преобладающих оценок, статьи журнала могут быть сопоставимы с публикациями других ведущих журналов. Но это общая схема. Она требует детального изучения составляющих ее элементов. При этом надо учитывать, что в первой половине 1920-х гг. взгляды и оценки конкретного автора могли не совпадать с позицией редакции, но эта тенденция к концу периода проявлялась все реже. В основном подходы авторов отражали точку зрения редколлегии журнала.

Следует отметить один, очень важный, на наш взгляд, момент. Это обсуждение на бюро Сибирского крайкома ВКП(б) специального вопроса «О журнале “Сибирские Огни”» в 1928 г. В принятой по результатам обсуждения резолюции наряду с констатацией «известных достижений» журнала отмечались недостатки, в целом отражавшие усиление партийного (большевистского) влияния на идеологическую сферу. Нет необходимости их повторять, поскольку подобное стало почти клишированным воспроизводством во многих современных публикациях. Отметим одно, а именно пункт резолютивной части о том, чтобы редакция журнала взяла «решительный курс на отражение в журнале основных моментов текущего социалистического строительства»¹. По итогам обсуждения данного постановления было принято «Обращение правления Сибирского союза писателей ко всем членам союза и писателям, работающим в Сибири», в котором критика признавалась правильной, а важнейшая задача писательского союза формулировалась так: «Взять решительный курс на отражение... основных моментов социалистического строительства (коллективизация, узловые хозяйственные вопросы, конкретные задачи культурной революции, индустриализация и др.)»². Все это вполне оправданно и не заслуживает каких-либо критических оценок, но количество публикаций на исторические, даже историко-революционные темы резко сократилось, а во многих номерах журнала они полностью отсутствовали. Их заменили очерки и сообщения о первых мощных шагах по индустриализации региона.

¹ Резолюция бюро крайкома ВКП(б) о журнале «Сибирские огни» // Сибирские огни. 1928. № 4. С. 225–226.

² Обращение правления Сибирского союза писателей ко всем членам союза и писателям, работающим в Сибири // Сибирские огни. 1928. № 4. С. 227–229.

Одно из первых внушительных оппозиционных явлений в России имперского периода – Крестьянская война 1773–1775 гг. Это масштабное социально-политическое событие называлось и называется по-разному (крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева, восстание под предводительством Е. Пугачева, крестьянско-казацкая война, «пугачевский бунт», «пугачевщина» и др. в зависимости от позиции автора). Мы же придерживаемся определения, предложенного изначально авторами второго тома трехтомника по истории России [13, с. 267–279].

Автор статьи в журнале «Сибирские огни» П. Орлов эту войну именует, можно сказать, «по старинке», как ее и называли даже официальные исследователи: «пугачевщина». В русском языке такие определения имеют отрицательный оттенок (вспомним: «бироновщина», «аракчеевщина» и др.), т. е. изначально в названии никакого пиетета перед оппозиционным движением против власти автор не проявляет, избегая даже нейтральных терминов. Прежде чем определить оценку автора, отметим, что статья основана на материалах Омского губернского архива (14 объемных книг), а также книг бывшего омского вице-губернатора А. И. Дмитриева-Мамонова «Пугачевщина в Сибири» (1898) и «Пугачевский бунт в Сибири» (1907). Таким образом, П. Орлов ввел в научный оборот новый ценный архивный материал по рассматриваемой теме – тем значимее эта публикация.

Говоря о районах, охваченных «пугачевщиной» или ждущих появления в них различных сил, недовольных властью, автор отмечает, что вся Сибирь разделилась на две части. Одну из них, имперскую власть, автор именует «Сибирь правящая, занятая ликвидацией бунта и принимающая все меры к его локализации». Власть мобилизовала все военные силы и лиц, годных к несению военной службы. Все города и крепости находились в состоянии постоянной боевой готовности; по экстренной необходимости власти готовы были выдать оружие всем лояльным ей слоям населения. Какие-либо реквизиции по отношению к крестьянам в период «пугачевщины» были запрещены, чтобы не расширять социальную базу восставших. Заводы были поставлены под охрану. Местные власти запросили центр прислать необходимые подкрепления. Сам Е. Пугачев был назван «самозванцем и бездельником»³. В конечном счете летом – осенью 1774 г. наступил перелом: правительственные силы стали побеждать восставших, применяя жестокие меры наказания (смертная казнь через повешение, битье плетью и др.). Как видим, действия местной администрации были правильными в военном, финансовом и пропагандистском плане.

Была ли почва для возникновения социального протеста? Была ли у этого социальная база? Да, отвечает автор, это вторая часть Сибири: «подвластная, ищущая повод примкнуть к стихийно-народному движению». По мнению П. Орлова, это «туземцы, враждебно настроенные к России (башкиры, киргиз-кайсаки)», беглые и ссыльные бывшие крепостные крестьяне, раскольники и обиженные властью (Екатериной II) казаки. Таким образом,

³ Орлов П. Пугачевщина в Сибири (по материалам Омского губернского архива) // Сибирские огни. 1925. № 6. С. 128, 131, 132.

социальная, крайне разнообразная база для аккумуляции недовольства была, стоило лишь ее подтолкнуть к антиправительственным действиям. Антиправительственные выступления вспыхнули в форме такого известного и еще не забытого в России со времен Смуты начала XVII в. явления, как самозванство. Военной командой в Верхотурье был пойман бывший «разбойный» атаман Григорий Рябов, выдававший себя за спасшегося императора Петра III. Затем появились новые самозванцы – донские казаки Степан Левчев и Иван Серединкин; сосланный за преступления в Сибирь малороссиянин Василий Гноенко. Все они были до Пугачева и подготовили ему почву для антиправительственных восстаний.

Восстания охватили города, крепости и отдельные волости Урала и Западной Сибири. Опираясь на архивные данные, в том числе послания архимандрита Долматова монастыря Иоакима, П. Орлов указал на восстания в январе 1774 г. в Челябинске, где взбунтовавшиеся башкиры перерезали более 350 православных жителей; в Исетской волости в феврале 1774 г., в 128 верстах от Тюмени, бунт в Ялutorовске. Автор несколько не идеализирует действий восставших: помимо массовой резни православных, убийства правительственных солдат, он описывает расправу над капитаном Смольяниновым, с которого восставшие сняли кожу, а тело которого бросили на съедение собакам. Многих представителей местной администрации под угрозой смертной казни приводили к присяге Пугачеву, а затем увозили в неизвестном направлении. Во время «пугачевщины» бродячие киргиз-кайсаки устраивали нападения на русские селения. Но восставшие уделяли внимание и агитационной работе среди населения. Так, описано, как агитаторы разъезжали по волостям и проводили работу среди крестьян⁴.

«Пугачевщина» потерпела поражение как в европейской части страны, так и на Урале и в Сибири. Но она стала мощным проявлением накопившегося недовольства определенного слоя социальных «низов». Конечно, строго применительно к Сибири «пугачевщину» назвать крестьянской войной можно с некоторыми оговорками, поскольку социальная база движения была гораздо шире. Нет оснований говорить и о действиях восставших, преследующих сугубо цели улучшения положения крестьян. Необходимо также отметить, что автор ничего не говорит о последующих реформах екатерининского периода, последовавших за поражением восставших (Учреждение о губерниях 1775 г., а позже и знаменитые жалованные грамоты 1785 г.).

Некоторое освещение социальных движений XVIII в. кратко дано также в другой статье П. Орлова, представляющей обзор архивных книг с 1736 по 1800 г., хранящихся в Омском губернском архиве. Имперская власть здесь представлена с точки зрения осуществления репрессивно-разыскной деятельности: дела «Тайной канцелярии» (знаменитое «Слово и дело»), розыск беглых крестьян, их дознание, применение суровых мер (битие кнутом, торговая казнь, отправление в острог). Социальное движение автором представлено

⁴ Орлов П. Пугачевщина в Сибири (по материалам Омского губернского архива) // Сибирские огни. 1925. № 6. С. 142–145.

скудно, но верно замечено, что социальная основа недовольных властью пополнилась частью сибирских крестьян, перешедших в раскольники вследствие чрезмерной правительственной опеки периода Екатерины II по контролю за исполнением религиозных обрядов⁵.

Проблеме социального протеста через призму такого явления, как самозванство, посвящена также обстоятельная статья Б. Г. Кубалова, известного позднее историка-архивиста. Причину появления самозванцев в XVIII–XIX вв. автор справедливо видит в ожидании у зависимого населения воли, вере в лучшую жизнь и безбедное существование. Этим и пользовались различные самозванцы. Но ведь в Сибири не было крепостного права, а следовательно, не было отбывания барщины, оброчных платежей, помещичьего гнета и самоуправства. Тем не менее зависимое население здесь испытывало тяжесть государственных налогов и повинностей, лихоимство чиновников, повсеместное взяточничество, тяжелый труд на золотых приисках, каторжные работы. Беглые крестьяне из центральных губерний, беглые преступники, «гулящие люди» за Уралом, ссыльные, бродячие составляли благодатную почву для различной силы социальных волнений.

Исходя из общей проблематики статьи, публичной власти уделено сравнительно мало внимания. И она представлена своеобразно: это персонифицированная власть в лице императора Петра III и в меньшей степени Павла I и отчасти младшего брата Александра I – великого князя Константина Павловича. Причем давался идеализированный образ убиенных императоров, способствовавший олицетворению несостоявшейся справедливости «сверху» в представлениях крестьянского населения. Самозванцы-то и стали возможны, поскольку господствовали слухи, порождающие неверие в естественную смерть императоров. Недолгое правление Петра III запомнилось его решениями об освобождении монастырских крестьян, о запрещении заводам и фабрикам покупать крестьян, о веротерпимости. За это он снискал определенные симпатии у некоторых слоев населения, чем, собственно, и пользовались самозванцы, часто в своих целях, обещая вернуть и продолжить эти мероприятия. Император Павел запомнился проведенной им амнистией лиц, осужденных в период правления своей матушки, а Константин Павлович был популярен у ссыльных поляков как образ правителя, «борца за правду» перед официальным Петербургом.

Действия власти против самозванцев были разнообразны: от их поимки, жесткого подавления сопротивления до объявления некоторых из них «поврежденными в уме» и пожизненного заключения в дома умалишенных. Например, так поступили с бывшим крестьянином Ялуторовского округа Хрипуновым-Головенко, по некоторым данным, участником пугачевского движения, появившимся в 1786 г. с призывами освободить крестьян от государевых податей на 10 лет.

⁵ Орлов П. Сибирь XVIII в. (Омские архивные сокровища) // Сибирские огни. 1925. № 1. С. 223, 225.

Обозначив социальную опору самозванства, Б. Г. Кубалов дал краткую «портретную» характеристику самозванцам в Сибири. Кроме Хрипунова-Головенко, это были Кондратий Селиванов, трапезник Харлампиевской церкви в Иркутске, выдававший себя за чудом спасшегося Петра III; жительница с. Жилкино близ Иркутска по имени Мария, выдававшая себя за дочь Павла I, явная самозванка; поселенец Красноярского округа Николай Прокопьев, выступавший якобы от имени великого князя Константина Павловича, разъезжавший из села в село и принимавший обильные подарки, которые проедал и пропивал со своими спутниками⁶. Самозванцы появлялись как в западной, и в восточной части Сибири, пользовались доверчивостью людей, много обещали, но ничего не делали для облегчения их участи, да и сделать не могли. Организованных массовых социальных движений в период самозванцев в регионе не было, а сами они во многом случайные люди, часть из которых, возможно, действительно страдала психическими отклонениями. Примечательно также, что автор, Б. Г. Кубалов, называет их последователями Е. Пугачева, т. е. и Пугачев у автора – самозванец, а не народный герой, каким он будет представлен в поздней советской историографии.

На страницах журнала «Сибирские огни» очень много публикаций было посвящено декабристам, что совпало со столетием со дня восстания на Сенатской площади в Санкт-Петербурге в 1825 г. При этом уже тогда сибирская историческая публицистика и историография определилась с изучением декабризма с двух точек зрения: 1) причины возникновения движения, программы, подготовка выступления, события 14 декабря и его последствия; 2) жизнь декабристов на каторге и на поселении и их взаимодействие с местными жителями⁷. Вполне объяснимо, что второй темой стали преимущественно заниматься сибирские исследователи. Оценки движения декабристов в настоящее время кардинально отличаются от оценок советского периода. Тогда, в соответствии с ленинской теорией о «трех этапах освободительного движения», именно декабристы вслед за А. Н. Радищевым начали это движение по освобождению России от царизма. Отношение к ним было явно положительным, о чем свидетельствует огромный массив изданной по этой теме литературы (воспоминания, дневники, исследования, художественные произведения и фильмы). К настоящему времени в отношении декабризма и его представителей необычайно широкий разброс мнений: от несколько смягченного, измененного прежнего до оценки их как офицерского заговора, готовившего очередной дворцовый переворот, который бы вовлек Россию в очередную Смуту с крайне возможным иностранным участием, причинившим немалые беды стране, не исключая и ее распад, а сами его представители далеки от идеализированных портретов прошлой историографии.

Надо признать, что широкого социального движения декабризм не представлял. Но радикальным оппозиционным явлением, безусловно, являлся. Не

⁶ Кубалов Б. Сибирь и самозванцы. Из истории народных волнений в XIX в. // Сибирские огни. 1924. № 3. С. 154, 159, 165, 169.

⁷ Смирнов В. А. Декабристы в Красноярске (По новым данным) // Сибирские огни. 1925. № 3. С. 149.

касаясь всей декабристской тематики журнала «Сибирские огни» тех лет, отметим оценки власти и ссыльных декабристов в соответствии с заявленной проблематикой. В статье Б. Г. Кубалова, посвященной проблеме, «Декабристы и амнистия» публичная власть предстает в образе императоров Николая I и Александра II. Первый – как не удовлетворивший прошения декабристов зачислить их рядовыми в Отдельный кавказский полк и только смягчивший условия отбытия наказаний для лиц первого и второго разрядов. Второй представлен как автор манифестов 27 марта 1855 г. и 26 августа 1856 г. В первом манифесте, на который так надеялись декабристы в ожидании амнистии, этого не произошло. Во втором, «О милостях народу», говорилось о награждениях героев – защитников Севастополя, гражданских чиновников, служивших в местностях, объявленных на военном положении во время Крымской (Восточной) войны. Об этом манифесте Б. Г. Кубалов отзывается в целом очень критически как о не оправдавшем надежды зависимого населения об облегчении податей и повинностей. Остановился автор статьи и на изменениях в положении тех, кто проходил как политические преступники, т. е. по приговору Верховного уголовного суда 13 июля 1826 г. и о «Возмущении в Польше» 1831 г. – вернуть права потомственного дворянства без прав на прежнее имущество и права жительства в одной из внутренних великорусских губерний, за исключением столиц. Содержание Манифеста от 26 августа 1856 г., а следовательно, действия власти Б. Г. Кубалов характеризует как «фальшь, недоговоренность, неискренность и полное нежелание открыть глаза на то состояние государства, которое без коренных реформ приведет его к неминуемой гибели». Эта характеристика чуть мягче отклика издававшейся в Лондоне на британские деньги радикальной герценовской «Полярной звезды», характеризовавшей Манифест как «политическую трусость, прикрытую солганным великодушием», и эмоционально заключавшей: «Обидно и стыдно!»⁸

В журнале выходило много публикаций о событиях революции 1905–1907 гг. в Сибири, это было приурочено юбилейной дате – двадцатилетию революции. Конечно, публиковались и воспоминания, но стали появляться уже и аналитические статьи. Показательна статья А. Киржница, посвященная восточносибирской ссылке накануне Первой русской революции. Публикация ценна тем, что в ней автор, основываясь на документах (заметках, письмах ссыльных, тайных документах и др.), помещенных в заграничном журнале «Последние известия», привел некоторые данные о численности ссыльных в Иркутской, Енисейской губерниях и Якутской области (всего 2877 чел.). Власть здесь показана опосредованно – через постановления генерал-губернатора и приговоры суда. Оппозиция представлена политическими ссыльными, т. е. участниками антиправительственных действий, отбывающими наказание. Автор описал два процесса по делу «романовцев», суть которого заключалась в том, что в феврале 1904 г. политические ссыльные Якутской

⁸ Кубалов Б. Г. Декабристы и амнистия // Сибирские огни. 1924. № 5. С. 148–149.

области выразили протест против циркуляров иркутского генерал-губернатора Кутайсова, посчитав, что они превышают его полномочия. Произошли вооруженные столкновения между ссыльными, собравшимися в доме якута Романова в Якутске, и правительственными силами. Летом 1904 г. состоялся военный суд в Якутске, по приговору которого 55 из 57 «романовцев» были приговорены к 12 годам каторги. Однако в апреле 1905 г., в период нарастания революции в России, дело «романовцев» вновь рассматривалось в Иркутске. Местный комитет РСДРП организовал в защиту «романовцев» две демонстрации. Суд признал, что циркуляры действительно отразили превышение власти, и ходатайствовал перед Министерством юстиции о замене предыдущего приговора на новый, предусматривающий для всех подсудимых два года заключения в крепости без лишения прав. Процесс, таким образом, был эффектно выигран. Решение суда, как видим, было совершенно беспрецедентное.

Хотя следует признать, что влияние политических ссыльных на сельское население в тот период было ничтожным. Так, за месяц до процесса, в марте 1905 г., ссыльные распространяли в селах Кимильтей, Уян, Хайта Иркутской губернии листовки и брошюры, в которых излагались события начала революции в Петербурге. Но в большинстве своем крестьяне их не читали и сразу относили в отделения полиции⁹. Ни в каких предыдущих случаях противостояния власти и оппозиционных сил власть настолько не отступала перед оппозицией. Эффективность социального контроля как один из маркеров авторитетной власти резко упала именно в период нарастания революции.

Значительный интерес к проблеме конфликта государственной власти с радикальной оппозицией в годы Первой русской революции проявил А. Абов (А. Ансон). Ценность его статей в том, что это наиболее ранние публикации, основанные не только на воспоминаниях, но и на архивных материалах, хранящихся в Красноярском архиве (истпарте). Вместе с тем они характеризуются вполне объяснимой в тот период односторонностью освещения событий с позиций революционных слоев общества, а действия власти показаны только с точки зрения осуществления репрессивной политики. А. Абов опубликовал три очерка под единым названием «1905 год в Красноярске». Среди сибирских городов первого года революции Красноярск выделяется тем, что здесь на относительно небольшой период времени произошла передвижка власти от местной имперской администрации в руки радикальной оппозиции – был образован объединенный Совет депутатов от рабочих и солдат.

Официальная власть показана автором умеренно критически: разговоры о земствах, реформах, областничестве в годы, предшествовавшие 1905-му. Но это были только разговоры отдельных представителей власти и местной интеллигенции на страницах печати. Почва же для недовольства существовала среди различных слоев оппозиции (критика монархии, умеренные требования гражданских свобод), которое постоянно подогревалось политическими ссыльными, а неудачи императорской России в войне с Японией лишь обостряли эти противоречия. Поэтому, когда в ответ на события Кровавого

⁹ Киржниц А. Восточно-сибирская политическая ссылка накануне первой русской революции // Сибирские огни. 1923. № 4. С. 137, 140, 147.

воскресенья в Красноярске 17 января 1905 г. состоялось шествие по главной улице города, оно сразу приняло политический характер (лозунги против царя и продолжения войны). Действия властей – сопровождение демонстрантов казаками и солдатами – способствовали мирному окончанию демонстрации. Но вечером власть произвела аресты некоторых оппозиционеров. На страницах печати оживилась полемика по поводу оценок текущего момента между умеренными и радикальными оппозиционерами.

Необходимо отметить, что автор показывает эскалацию конфликта, расширение социальной базы оппозиционно настроенных социальных слоев: августовские стачки и забастовки в мастерских и депо ст. Красноярск, собрания за городом, повлекшие стычки с полицией и закончившиеся убийством одного и ранением двух рабочих¹⁰. Радикализация конфликта привела к тому, что 30 ноября 1905 г. эсером-боевиком был убит красноярский полицмейстер фон Дитмар. 14–16 октября 1905 г. оппозиционный Красноярск принял участие во Всероссийской октябрьской забастовке, дезорганизовавшей движение по Транссибирской магистрали, которое было восстановлено только 23 октября 1905 г. Произошло резкое обострение социального конфликта уже не только официальной власти и оппозиции, но и стихийно образовавшихся организаций в виде черносотенцев и дружинников, представлявших революционные силы. Вновь пролилась кровь¹¹.

Особенность взаимоотношений «власть – оппозиция» в Красноярске в 1905 г. заключалась в том, что здесь на короткое время произошел перехват власти. Назвать это сменой власти можно лишь относительно, поскольку объединенный Совет депутатов от рабочих и солдат, который 8 декабря объявил о переходе власти в свои руки, даже поддержанный демонстрантами и присоединившимися отдельными воинскими соединениями, назвавший городскую думу временной и последней, не взял в свое управление канцелярию губернатора, казначейство, комендатуру города и жандармское управление. Да, стала выходить газета «Красноярский рабочий» как орган комитета РСДРП, но всех признаков власти, о которых речь шла выше в методологической части статьи, не было. Скорее всего, появилась декларируемая новая власть при бездействии затаившейся прежней власти. А после подавления декабрьского восстания в Москве в Красноярск прибыл Омский полк, позднее Красноярский полк (это действия имперской власти), вся охрана города без единого выстрела перешла под командование правительственных войск. Баланс сил резко сместился в пользу имперской власти, А. Абов описывает осаду железнодорожных мастерских, вооруженное подавление осажденных и расправу над ними. Особенно жестоким наказанием подверглись восставшие солдаты (каторжные работы и арестантские роты); гражданские лица подверглись более мягким наказаниям – заключению в тюрьму или исправительные дома¹².

¹⁰ Абов А. (А. Ансон). 1905 год в Красноярске (По архивным материалам и воспоминаниям) // Сибирские огни. 1923. № 4. С. 117, 122, 124.

¹¹ Абов А. (А. Ансон). 1905 год в Красноярске (Очерк II) // Сибирские огни. 1923. № 5–6. С. 134, 137.

¹² Абов А. (А. Ансон). 1905 год в Красноярске (Очерк III) // Сибирские огни. 1924. № 1. С. 145, 150, 159.

Из публикаций, посвященных революционным событиям 1905–1907 гг., где не акцентируется роль политических ссыльных и местных оппозиционных организаций, а речь идет о массовых социальных движениях, следует остановиться на статье П. М. Юхнева. Аграрные движения на Алтае приняли широкий размах и деструктивную направленность в 1905 г. Публичная власть названа автором очень схематично как администрация Алтайского округа, как «государство в государстве», по определению ряда томских губернаторов, которым формально подчинялась тогда алтайская администрация. Местная публичная власть была представлена исправниками, волостными и сельскими старостами, писарями, духовенством. Практически все они во время беспорядков подверглись избиениям, некоторые дома были сожжены. Кроме того, отмечались незаконные массовые лесные порубки, разгром купеческих лавок. События хронологически совпадали с событиями в европейской части, и только к весне 1906 г., после введения в Томской губернии военного положения, был восстановлен относительный порядок.

Какова социальная база и причина социальных волнений? После голода 1890-х гг. сотни тысяч крестьян из Поволжья и юга России в поисках лучшей участи отправились за Урал. Конфликты между переселенцами, старожильцами, приписными к заводам Алтайского округа, местными казаками и татарами, явные нарушения, совершаемые при назначении семьям пособий из казны, – все это создавало почву для недовольства. 1905 г. всколыхнул империю; годами копившиеся противоречия прорвались наружу¹³. П. М. Юхнев правильно отмечает стихийность, неуправляемость социального протеста на начальных стадиях движения. Однако выявились и подстрекатели разного толка. Например, некто по прозвищу Пашка-голый рассказывал всем о Манифесте 17 октября 1905 г. в том смысле, что теперь дана полная свобода «и живи, как хочешь, и управляйся сам», а некоторые лица из местных жителей разъезжали по окрестным селениям и подбивали крестьян к погрому Змеиногорской ярмарки за месяц до ее открытия, расклеивали на столбах листовки с угрозами типа «размотаем ваши кишки». Все это в значительной степени влияло на умонастроения населения, подогревало его и провоцировало поджоги и избиения представителей власти¹⁴. Как видим, и здесь никакой идеализации стихийных форм социального недовольства нет; образы восставших на страницах журнала вызывают скорее отрицательные эмоции.

Примечательна статья Г. Степняка, посвященная киргизскому восстанию в Семипалатинской губернии в 1916 г. Она своеобразно объединяет тему действий официальной власти, социальных протестов и национально-религиозных отношений на окраине империи за год до ее падения. Годами назревавшие противоречия между местным населением, занимавшимся преимущественно скотоводством, и русскими переселенцами, которым отчуждали земли, всегда до этого рационально использовавшиеся; религиозные различия, ссоры на бытовой почве – все это и другие обстоятельства подготовили

¹³ Юхнев П. М. Аграрные движения на Алтае в 1905 году // Сибирские огни. 1925. № 6. С. 88–89.

¹⁴ Там же. С. 93, 95.

почву для будущего масштабного конфликта. Поводом послужило «высочайшее повеление», оглашенное в июне 1916 г. степным генерал-губернатором Сухомлиновым о призыве киргизов в возрасте от 19 до 31 года на военную службу для тыловых работ в сложный для Российской империи год войны. Информация об этом стремительно распространилась по степи и вызвала небывалый ранее протест.

Имперская власть и правительственный аппарат представлены в статье в лице генерал-губернатора, полиции, военно-окружных судов и родовой верхушки киргизов. В условиях резкого обострения всех противоречий действия властей были разнообразны: на первом этапе волнений – разъяснение киргизам, что они не будут отбывать воинскую повинность, а будут привлечены только к тыловым работам, «чтобы помочь русскому народу, который воюет», затем – послабления в виде освобождения даже от этих тыловых мероприятий для отдельных категорий киргизов. Однако доходило до перестрелок полиции с участниками неповиновения и до предания особо опасных зачинщиков смертной казни по законам военного времени. Но все это на первых порах не давало желаемого для властей эффекта. Власть пошла на уступки и объявила о переносе даты призыва с середины июня на середину сентября.

Формы протестного движения вылились в отказ от полевых работ, угоны в степь табунов лошадей, перемещение целых больших семей к родственникам в соседний Китай, уничтожение списков лиц, подлежащих призыву, кровавые стычки не только с полицейскими нарядами, но и с русскими переселенцами, которые были вынуждены обороняться. Почти повсеместно вместо прежней почтительности к имперским чиновникам – дерзость, неуважение или прямой саботаж. Большую роль сыграли слухи о том, что киргизы будут не только воевать, но и насильственно обращены в христианство. На почве стремительно распространявшихся слухов были выдвинуты лозунги об объявлении «священной войны русским». Начавшись стихийно, подогреваемое слухами восстание приняло широкий размах. Бороться со случаями неповиновения и различными формами протеста в степи всегда сложно, это не городские восстания. Как отмечал Г. Степняк, «киргизы были смяты», но для них «это событие незабываемое»¹⁵. Следует отметить, что автор не употребляет ставший позднее расхожим тезис о «царизме как тюрьме народов». Само изложение событий спокойное, без навешивания ярлыков и цитат, хронологически-событийное. Никаких клише, свойственных некоторым исследователям прошлого и настоящего, у автора нет.

В заключение отметим следующие положения.

Журнал «Сибирские огни» в 1920-е гг. выполнял очень важную социально-культурную функцию, которая не сводилась исключительно к идеологической обработке населения. Последнее не подтверждается конкретным материалом и если и фигурирует в некоторых публикациях относительно содержания журналов того времени, то представляется недоказанным и даже «социологически вульгарным».

¹⁵ Степняк Г. Киргизское восстание в Семипалатинской губернии в 1916 году // Сибирские огни. 1928. № 2. С. 138, 144.

Журнал, особенно в первую половину 1920-х гг., уделял значительное внимание исторической проблематике, а проблема «власть – оппозиция – социальные оппозиционные движения» была одной из доминирующих. Это положение также нельзя сводить исключительно к запросам времени. Подобная проблематика была представлена и в дореволюционных сибирских периодических изданиях. И. В. Легостаева в новейшей статье отмечает публикации сибирских изданий второй половины XIX – начала XX в. о «диссидентах» А. И. Остермане, А. И. Меншикове, оппозиционере А. Н. Радищеве, о ссылке В. М. Достоевского и о самозванцах (например, загадке «Федора Кузьмича») [18]. Конечно, новая обстановка влияла на расстановку классовых оценок. Но в тот период они не преобладали и уж никак не являлись однозначно единственными.

Власть в публикациях журнала представлена чаще всего через деятельность должностных лиц, в основном критически, но без единственно отрицательных оценок и тем более без каких-либо карикатурных характеристик. Что, надо сказать, было свойственно и дореволюционной русской традиции (М. Е. Салтыков-Щедрин, «Козьма Прутков» и др.).

Оппозиционеры государственной имперской власти – участники стихийных выступлений, казаки, крестьяне, «самозванцы», декабристы, петрашевцы, участники революции 1905–1907 гг. представлены дифференцированно. Присутствует некоторая идеализация, особенно декабристов. Здесь можно усмотреть дальнейшую укрепившуюся тенденцию многих исследователей проблемы, ставшей чуть ли не одной из основных в советской историографии. Оппозиция периода Первой русской революции описана во многом участниками тех событий с вполне предсказуемыми оценками. Но при этом стал привлекаться и иной, откладывавшийся в архивах материал, а не только личные воспоминания, что представляет интерес для современных исследователей с учетом новых методологических подходов и расширения источниковой базы. Стремление выставлять их как «пламенных революционеров», «рыцарей» борьбы со всем старым и косным, характерная для поздней советской историографии, неявно выражено в рассматриваемый период, однако отдельные тенденции к этому уже намечаются.

Социальные движения рассматриваются также предметно. Социологического вывода более позднего времени, что они были «локомотивами истории», уже не делается. Ряд авторов открыто пишет о разрушительном характере этих отдельных движений (внесудебные расправы, погромы, поджоги, совершаемые отдельными группами и социальными слоями). Некоторые аспекты проблемы, частично затронутые в публикациях журнала, например о защите русских переселенцев в период Среднеазиатского (Туркестанского) восстания 1916 г., нашли отражение в новейшей публикации петербургского исследователя [15].

Таким образом, представляется, что непредвзятый анализ исторической проблематики, поднимавшейся сибирской периодикой 1920-х гг., является одним из направлений исследования, которое с учетом сравнительного подхода будет способствовать предметному изучению основных тенденций современного развития исторической науки, в том числе исследований по истории Сибири.

Список литературы

1. *Алексеева Т. А.* Власть // Новая Российская энциклопедия : в 12 т. / редкол.: А. Д. Некипелов и др. М. : Энциклопедия : ИФРА-М, 2003. Т. 4 (1). С. 60–61.
2. *Ананьев Д. А.* Англо- и германоязычные историки о проблемах общественно-политического развития Сибири и Дальнего Востока во второй половине XIX – начала XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т. 25, № 4. С. 5–11.
3. *Анцупов А. Я., Шипилов А. И.* Словарь конфликтолога. 2-е изд. СПб. : Питер, 2006. 528 с.
4. *Арзуманов И. А., Ганусенко И. В., Казарин В. Н.* Государственное право Российской империи в XIX веке: особенности нормативного закрепления отдельных институтов : учеб. пособие / отв. ред. В. Н. Казарин. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. 275 с.
5. Власть // Большой академический словарь русского языка. М. ; СПб. : Наука, 2005. Т. 2. С. 621–622.
6. *Дамешек И. Л., Архипова А. И.* Компетенция власти в имперском пространстве на северо-востоке России: генерал-губернатор, вице-губернатор и проблемы взаимодействия // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2017. Т. 22. С. 23–31.
7. *Дамешек Л. М., Дамешек И. Л., Матханова Н. П.* «Главные блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия и пользы государства»: М. М. Сперанский, Н. Н. Муравьев-Амурский и другие сибирские губернаторы : [монография]. Иркутск : Отгиск, 2020. 340 с.
8. *Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В.* Бурятский этнос в имперской системе власти (XIX – начало XX в.) : монография. Иркутск : Отгиск, 2020. 740 с.
9. *Гуров К. А.* О соответствии террористических актов в г. Иркутске 1897–1911 гг. смысловому содержанию термина // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2019. Т. 27. С. 36–45.
10. *Зверев В. В.* Путь исканий, потерь и разочарований // Российская история. 2018. № 3. С. 26–32.
11. *Иванов А. А.* Оппозиционные движения в Иркутске в 1906–1914 гг. : некоторые проблемы развития // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2017. Т. 21. С. 101–110.
12. Иркутский край. Четыре века: история Иркутской губернии (области) XVII–XXI вв. : [коллект. моногр.] / гл. ред. Л. М. Дамешек. Иркутск : Востсибкнига, 2012. 800 с.
13. История России XVIII–XIX веков / под ред. Л. В. Милова. М. : Эксмо, 2006. 784 с.
14. *Казарин В. Н.* Станислав Васильевич Тютюкин как ученый-педагог: страницы воспоминаний и ретроспективный анализ // История: факты и символы. 2021. № 2 (27). С. 146–156.
15. *Кирильчик Д. В.* Самооборона русских переселенцев в период Среднеазиатского восстания 1916 г. // Вопросы истории. 2021. № 1. С. 58–62.
16. *Климов И. А.* Движения социальные // Большая российская энциклопедия : в 30 т. / отв. ред. С. Л. Кравец. М. : Большая российская энциклопедия, 2006. Т. 8. С. 370–372.
17. *Коновалов И. А.* Особенности губернаторской власти в Сибири в XVIII в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2018. Т. 26. С. 17–25.
18. *Легостаева И. В.* Образ Сибири в периодических изданиях второй половины XIX–начала XX вв. // Вопросы истории. 2020. № 10 (3). С. 205–210.
19. *Ледяев В. Г.* Власть // Большая российская энциклопедия : в 30 т. / отв. ред. С. Л. Кравец. М. : Большая российская энциклопедия, 2006. Т. 5. С. 455–458.
20. *Матханова Н. П.* Деятельность генерал-губернаторов Восточной Сибири: закон и практика // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2016. № 15. С. 22–30.
21. *Миллер А. И.* Где и какую модернизацию стоит искать в истории России? // Российская история. 2018. № 3. С. 19–25.
22. *Мироненко С. В.* Россия на пути модернизации // Российская история. 2018. № 3. С. 3–18.

23. Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков : монография. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2004. 552 с.

24. Старовойтова Е. О., Янченко Д. Г., Худяков М. В. Современная российская и зарубежная историография о колонизации Сибири в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2021. № 2. С. 252–265.

25. Толочко А. П., Коновалов И. А. Губернские правления в системе местного управления в Сибири в 1781–1895 гг. (структура, полномочия, деятельность) // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2019. Т. 29. С. 57–64.

26. Шахмайкина Ю. А. Оппозиция // Новая Российская энциклопедия : в 12 т / редкол.: А. Д. Некипелов [и др.]. М. : Энциклопедия : ИНФРА-М, 2003. Т. 12 (1). С. 422.

27. Шелохаев В. В., Соловьев К. А. Кризис Российской империи как историографическая проблема // Российская история. 2019. № 2. С. 142–157.

28. Юртаева Е. А. Власть государственная // Новая Российская энциклопедия : в 12 т. / редкол.: А. Д. Некипелов [и др.]. М. : Энциклопедия : ИФРА-М, 2003. Т. 4 (1). С. 61.

The Government, Opposition and Social Movements in Russia of the Imperial Period According to the *Sibirskiye Ogni* Magazine of the 1920s

V. N. Kazarin

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. Questions of lighting in the social and political magazine "Sibirskiye Ogni" of relationship "the power – opposition-social movements" in Russia of the imperial period are considered. In the analysis of publications of the magazine such aspects of a problem as are marked out: assessment of the government, machinery of government, ruling elite; their actions against opposition; general characteristic of the reasons of emergence of the opposition movements; their social base; assessment of certain representatives and movements in general; territorial framework of distribution; influence on mentalities of the population; reasons of defeats of opposition. It is shown that the magazine paid considerable attention to a historical perspective, including the studied problem. The power is presented through activity of officials, local management personnel, law enforcement agencies and security agencies generally critically, but without categorical negative estimates. The opposition of the power is lit differentially, depending on a social status of participants and their role in resistance to authorities. The role and the place of social movements in Russia of the imperial period according to the magazine is studied. It is proved that many historical plots mentioned by authors of publications are relevant also in a modern historiography. The author drew a conclusion that many estimates of the studied perspective of this period significantly differ from some estimated approaches of the Soviet and liberal historiography. Situation is proved that the impartial analysis of a historical perspective of the Siberian journal periodical press of the 1920th will promote subject studying the main directions and trends of modern development of domestic and foreign historical science.

Keywords: government, Russia, empire, opposition, social movements, *Sibirskiye Ogni* magazine, historical science.

For citation: Kazarin V. N. The Government, Opposition and Social Movements in Russia of the Imperial Period According to the *Sibirskiye Ogni* Magazine of the 1920s. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2021, vol. 38, pp. 111–129. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.111> (in Russian)

References

1. Alekseeva T.A. Vlast [Power]. *Novaya Rossijskaya enciklopediya* [New Russian encyclopedia. In 12 vols. Eds. A.D. Nekipelov, V.I. Danilov-Danilyan et al. Moscow, Enciklopediya Publ., INFRA-M Publ., 2003, vol. 4 (1), pp. 60–61. (in Russian)

2. Ananyev D.A. Anglo- i germanoyazychnye istoriki o problemah obshchestvenno-politicheskogo razvitiya Sibiri i Dalnego Vostoka vo vtoroj polovine 19 – nachala 20 v. [Anglo- and German-speaking historians about problems of social and political development of Siberia and the Far East in the second half of XIX-of the beginning of the 20th century]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], 2018, vol. 25, no. 4, pp. 5-11. (in Russian)
3. Antsupov A.Ya., Shipilov A.I. *Slovar' konfliktologa* [Dictionary of a konfliktolog]. 2nd ed. Saint Petersburg, Piter Publ., 2006, 528 p. (in Russian)
4. Arzumanov I.A., Ganusenko I.V., Kazarin V.N. *Gosudarstvennoe pravo Rossijskoj imperii v XIX veke: osobennosti normativnogo zakrepleniya otdel'nyh institutov: ucheb. posobie* [The state law of the Russian Empire in the XIX century: features of standard fixing of separate institutes: studies. grant]. Irkutsk, IGU Publ., 2014, 275 p. (in Russian)
5. Vlast [Power]. *Bolshoj akademicheskij slovar' russkogo yazyka*. Moscow, Saint Petersburg, Nauka Publ., 2005, vol. 2, pp. 621-622. (in Russian)
6. Dameshek I.L., Arkhipova A.I. Kompetenciya vlasti v imperskom prostranstve na severo-vostoke Rossii: general-gubernator, vice-gubernator i problemy vzaimodejstviya [Competence of the power of imperial space in the northeast of Russia: governor general, vice governor and problems of interaction]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya* [The Bulletin of the Irkutsk State University. Series History], 2017, vol. 22, pp. 23-31. (in Russian)
7. Dameshek L.M., Dameshek I.L., Matkhanova N.P. “*Glavnye blyustiteli neprikosновенности verhovnyh prav samodержaviya i polzy gosudarstva*”: M.M. Speranskij, N.N. Murav'ev-Amurskij i drugie sibirskie gubernatory [“Main observers of inviolability of the Supreme rights of autocracy and advantage of the state”: M.M. Speransky, N.N. Muravyev-Amursky and other Siberian governors. Monograph]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2020, 340 p. (in Russian)
8. Dameshek L.M., Zhalsanova B.T., Kuras L.V. *Buryatskij etnos v imperskoj sisteme vlasti (19 – nachalo 20 v.)* [The Buryat ethnos in the imperial system of the power (19 beginning of the 20th century): monograph]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2020, 740 p. (in Russian)
9. Gurov K.A. O sootvetstvii terroristicheskikh aktov v g. Irkutske 1897–1911 gg. smyslovomu soderzhaniyu termina [About compliance of acts of terrorism in Irkutsk 1897-1911 to semantic contents of the term]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya* [The Bulletin of the Irkutsk State University. Series History], 2019, vol. 27, pp. 36-45. (in Russian)
10. Zverev V.V. Put iskanij, poter i razocharovaniy [Way of searches, losses and disappointments]. *Rossijskaya istoriya* [Russian history], 2018, no. 3, pp. 26-32. (in Russian)
11. Ivanov A.A. Oppozicionnye dvizheniya v Irkutske v 1906–1914 gg.: nekotorye problemy razvitiya [The opposition movements in Irkutsk in 1906-1914: some problems of development]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya* [The Bulletin of the Irkutsk State University. Series History], 2017, vol. 21, pp. 101-110. (in Russian)
12. *Irkutskij kraj. Chetyre veka: istoriya Irkutskoj gubernii (oblasti) 17-21 vv.* [Irkutsk region. Four centuries: history of the Irkutsk province (area) of the 17-21st centuries. Monograph]. Ed. L.M. Dameshek. Irkutsk, Vostsibkniga Publ., 2012, 800 p. (in Russian)
13. *Istoriya Rossii 18-19 vekov* [History 18–19 of Russia of centuries]. Ed. L.V. Milov. Moscow, Eksmo Publ., 2006, 784 p. (in Russian)
14. Kazarin V.N. Stanislav Vasilievich Tyutyukin kak uchenyj-pedagog: stranicy vospominanij i retrospektivnyj analiz [Stanislav Vasilyevich Tyutyukin as scientist-teacher: pages of memoirs and retrospective analysis]. *Istoriya: fakty i simvoly* [History: facts and symbols], 2021, no. 2 (27), pp. 146-156. (in Russian)
15. Kirilchik D.V. Samooborona russkikh pereselencev v period Sredneaziatskogo voss'taniya 1916 g. [Self-defense of the Russian immigrants during the Central Asian revolt of 1916]. *Voprosy istorii* [History questions], 2021, no. 1, pp. 58-62. (in Russian)

16. Klimov I.A. Dvizheniya socialnye [Movements social]. *Bolshaya Rossijskaya enciklopediya. V 30 t.* [Big Russian encyclopedia. In 30 vols.]. Ed. S.L. Kravets. Moscow, Bolshaya Rossijskaya enciklopediya Publ., 2006, vol. 8, pp. 370-372. (in Russian)
17. Kononov I.A. Osobennosti gubernatorskoj vlasti v Sibiri v XVIII v. [Features of the governor's power in Siberia in the 18th century]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya* [The Bulletin of the Irkutsk State University. Series History], 2018, vol. 26, pp. 17-125. (in Russian)
18. Legostayeva I.V. Obraz Sibiri v periodicheskikh izdaniyakh vtoroj poloviny 11 – nachala 20 vv. [An image of Siberia in periodicals of the second half of the 19th beginning of the 20th centuries]. *Voprosy istorii* [History questions], 2020, no. 10 (3), pp. 205-210. (in Russian)
19. Ledyayev V.G. *Vlast* [Power]. *Bolshaya Rossijskaya enciklopediya. V 30 t.* [Big Russian encyclopedia. In 30 vols.]. Ed. S. L. Kravets. Moscow, Bolshaya Rossijskaya enciklopediya Publ., 2006, vol. 5, pp. 455-458. (in Russian)
20. Matkhanova N.P. Deyatel'nost' general-gubernatorov Vostochnoj Sibiri: zakon i praktika [Activity of governor generals of Eastern Siberia: law and practice]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya* [The Bulletin of the Irkutsk State University. Series History], 2016, no. 15, pp. 22-30. (in Russian)
21. Miller A.I. Gde i kakuyu modernizaciyu stoit iskat v istorii Rossii? [Where and what modernization should be looked for in the history of Russia?]. *Rossijskaya istoriya* [Russian history], 2018, no. 3, pp. 19-25. (in Russian)
22. Mironenko S.V. Rossiya na puti modernizacii [Russia on the way of modernization]. *Rossijskaya istoriya* [Russian history], 2018, no. 3, pp. 3-18. (in Russian)
23. Remnev A.V. *Rossiya Dalnego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti 19 – nachala 20 vekov* [Russia of the Far East. Imperial geography of the power of the 19th beginning of the 20th centuries: Monograph]. Omsk, Omsk St. Univ. Publ., 2004, 552 p. (in Russian)
24. Starovoytova E.O., Yanchenko D.G., Khudyakov M.V. Sovremennaya Rossijskaya i zarubezhnaya istoriografiya o kolonizacii Sibiri v konce 19 – nachale 20 v. [A modern Russian and foreign historiography about colonization of Siberia at the end of XIX-the beginning of the 20th century]. *Voprosy istorii* [History questions], 2021, no. 2, pp. 252-265. (in Russian)
25. Tolochko A.P., Kononov I.A. Gubernskie pravleniya v sisteme mestnogo upravleniya v Sibiri v 1781–1895 gg. (struktura, polnomochiya, deyatel'nost') [Provincial boards in the system of local management in Siberia in 1781-1895 (structure, powers, activity)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya* [The Bulletin of the Irkutsk State University. Series History], 2019, vol. 29, pp. 57-64. (in Russian)
26. Shakhmaykina Y.A. Opozitsiya [Opposition]. *Novaya Rossijskaya enciklopediya v 12 t* [New Russian encyclopedia. In 12 vols.]. Eds.: A.D. Nekipelov, V.I. Danilov-Danilyan, et al. Moscow, Enciklopediya Publ., INFRA-M Publ., 2003, vol. 12, part 1, p. 422. (in Russian)
27. Shelokhayev V.V., Solovyov K.A. Krizis Rossijskoj imperii kak istoriograficheskaya problema [Crisis of the Russian Empire as historiographic problem]. *Rossijskaya istoriya* [Russian history], 2019, no. 2, pp. 142-157. (in Russian)
28. Yurtayeva E.A. Vlast gosudarstvennaya [Power state]. *Novaya Rossijskaya enciklopediya : v 12 t* [New Russian encyclopedia. In 12 vols.]. Eds.: A.D. Nekipelov, V.I. Danilov-Danilyan, et al. Moscow, Enciklopediya Publ., INFRA-M Publ., 2003, vol. 4, part 1, p. 61. (in Russian)

Казарин Виктор Николаевич

доктор исторических наук, профессор,
кафедра конституционного права и теории
права, Юридический институт
Иркутский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: kazarinvik@yandex.ru

Kazarin Victor Nikolayevich

Doctor of Sciences (History), Professor,
Department of Constitutional Law and
Theory Law, Law Institute
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 640082,
Russian Federation
e-mail: kazarinvik@yandex.ru

**ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛЕ, ПУБЛИКАЦИОННАЯ ЭТИКА,
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ, ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ, АРХИВ
РАЗМЕЩЕНЫ НА САЙТЕ ЖУРНАЛА
[http:// izvestiahist.isu.ru/ru](http://izvestiahist.isu.ru/ru)**

Научное издание

**ИЗВЕСТИЯ ИРКУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ «ИСТОРИЯ»**

Том (№) 38 (35)
2021

Адрес издателя

664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1
ФГБОУ ВО «ИГУ»
тел.: +7(3952) 521-902; +7(3952) 521-900, факс: +7(3952) 242-238
e-mail: rector@isu.ru, <http://www.isu.ru>

Дата выхода в свет 23.12.2021. Формат 70×100/16
Усл. печ. л. 8,1. Тираж 500 экз. Заказ 167. Цена 200 руб.

Адрес типографии Издательства ИГУ

664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124
тел.: (3952) 52-18-53, e-mail: izdat@lawinstitut.ru